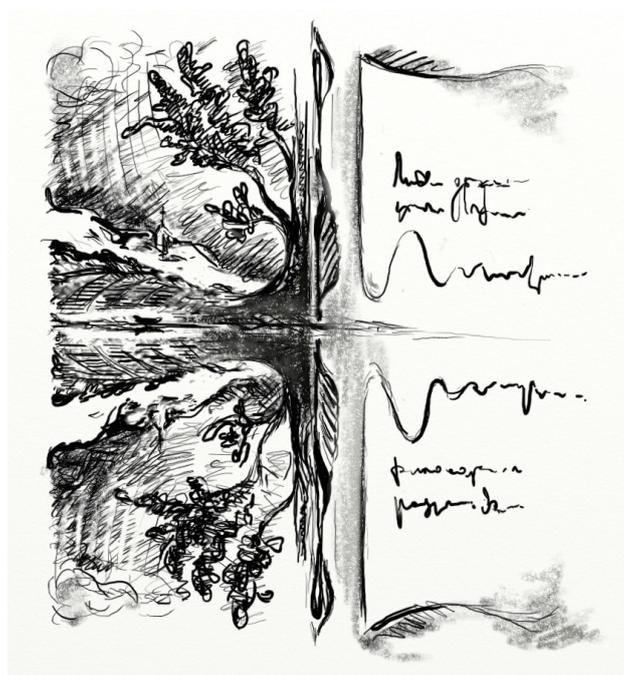

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Академия философии хозяйства

ОТРАЖЕНИЯ

к юбилею Ю.М. Осипова

Москва
2016

ББК 65,5
О 52

Редакционная коллегия:
к.э.н. Е.С. Зотова (председатель); А.А. Антропов;
С.С. Мерзляков; к.с.-х.н. С.С. Нипа; Т.С. Сухина;
Т.Г. Трубицына; д.ф.н. Н.Б. Шулевский

В подготовке монографии приняли участие:
К.Ю. Беневская, О.Б. Лемешонок, А.В. Осипова

Рисунки – К.Ю. Беневской

О 52 **Отражения (к юбилею Ю.М. Осипова) /** Под ред.
Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2016. — 213 с.

Философы и экономисты о роли в становлении школы философии хозяйства Ю.М. Осипова, к 75-летнему юбилею которого подготовлена эта книга.

Для ученых, преподавателей, студентов и аспирантов экономического, философского и социального профиля, для всех, интересующихся мировоззренческими проблемами общественного бытия.

ISBN 978-5-7218-1391-7

(©) Коллектив авторов, 2016

Юрий Михайлович Осипов несомненный лидер и, я бы сказал, гуру научной школы, которую он создал в самые трудные и бурные времена — в 1990-е годы. Именно тогда, когда многие другие научные школы испытывали трудности, приходили в кризис, Юрий Михайлович как человек глубокой широкой культуры и тонкого методологического вкуса нашел опорные точки (как в истории русской мысли — в трудах Сергея Николаевича Булгакова, так и в методологической школе университетской политической экономии, привившей вкус к философии) для того, чтобы собрать сторонников под знамена новой исследовательской программы.

Научная школа Юрия Михайловича Осипова проросла во многих университетах России, она слышна в диалогах с другими науками, специальностями, факультетами. Книга, предлагаемая вниманию читателя, и есть, во многом, проявление такого успешного продвижения «школы Осипова». И я хотел бы пожелать создателю школы не только долгих лет жизни и научных успехов, но и открытых и интересных разговоров с представителями других взглядов и направлений для блага нашей страны и нашей науки.

*Декан экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор А.А. Аузан*

«Познание — миссия!»

Ю.М. Осипов

Быть в строю, идти по-своему

Жизненный путь человека складывается по-разному. Нередко бывает так, что на этом пути больше случайного, чем закономерного. Тем более, если этот путь впитывает исторические переломы, переживаемые страной и миром. Как раз в такое время у некоторых вдруг обнаруживаются казацкие, дворянские, генеральские и подобные им родословные. Не обходится без пострадавших от всяческих репрессий и гонений. Труднее всего приходится тем, которые всегда честно жили, честно трудились, никого не предавали, ни на кого не перекладывали свои трудности и проблемы, не уставали находить решения новых зигзагов истории. Если кто не знаком с такими людьми, одного из них могу представить — это Осипов Юрий Михайлович!

Судьба нас свела в комсомольской юности, когда университетский шпиль не позволял унывать, а стройотрядовский дух видел в каждом из нас созидателя. Затем надолго нас объединила политическая экономия на кафедре под водительством многим известного Николая Александровича Цаголова. Юрий Михайлович сразу хорошо усваивал уроки жизни, чтобы не тратить силы на их повторение. Сам факт специализации на Франции оказал ему доброю услугу — он всегда был и есть в строю времени, но предпочитает идти по-своему. Не догоняет уходящий поезд — садится в свой поезд.

Безбрежный плюрализм, накрывший наше Отечество в последние десятилетия, призванный демонстрировать свободу

слова и мнений, но фактически уводящий людей от аргументированного решения растущих проблем в жизни и науке, не вышиб Юрия Михайловича из седла поиска истины, благодаря чему он увлекает за собой многочисленных последователей.

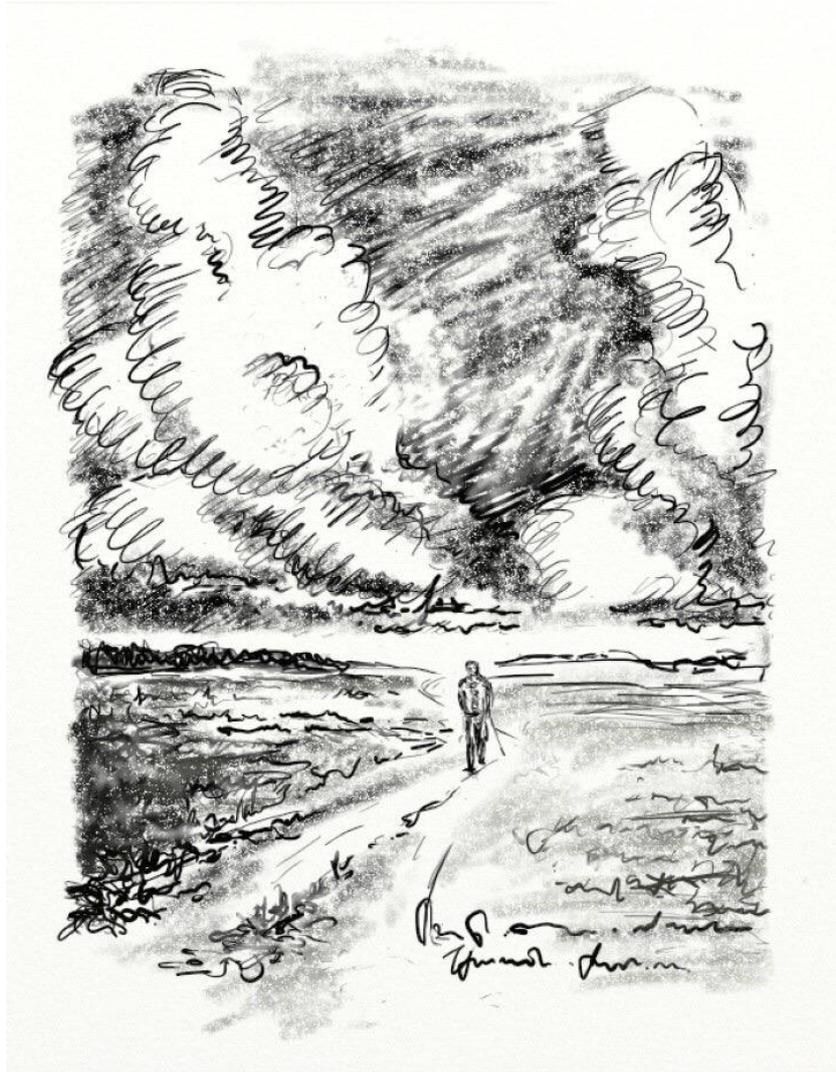
И в XX, и в XXI веках Юрий Михайлович не отлынивает и не прячется от праведных дел. Он по-прежнему в строю энтузиастов, но сам выбирает свой путь. Его устойчивость поражает и заряжает. И верится — он будет всегда!

*Заведующий кафедрой
политической экономики
экономического факультета МГУ
профессор А.А. Пороховский*

Осипов о великом человеке:

Около любого значительного человека, не говоря уже о великих, немало свидетелей, но кто может из них вполне понять его состояние, его жизнь, его переживания? Ведь любой крупный человек, если это не пустой актер, а всамделишный творец — очень несчастный человек, ибо он среди середины, он чувствует совсем по-другому, ему вовсе не так, как всем. Что творится в его душе? Это может знать только подобный ему, а не окруженец! Вот почему воспоминания о великих никогда не передают главного. Разве нам известно, что творилось в душе у Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Блока, Есенина и иже с ними. Нет, никогда! Но как представишь, то дрожь по всему телу, души содрогание.

А.А. ГРИЦЕНКО

Человек-философия

Аннотация. Показан объективный смысл деятельности Юрия Михайловича Осипова — первооткрывателя философии хозяйства как способа постижения мира, соединяющего и преодолевающего собственные границы науки и искусства.

Ключевые слова: философия хозяйства, познание, наука, искусство

Abstract. The article shows the objective meaning of Yurii Mikhailovich Osipov activities as of the newfounder of economic philosophy as a way of understanding the world, connecting and overcoming the boundaries of science and art.

Key words: philosophy of economy, cognition, science, art.

Познание мира — чрезвычайно сложный и до конца непознаваемый процесс. Вот и сейчас — глобальный кризис, фрагментация человека и общества, возрастание неопределенности и рисков, смена парадигм, поступки, возвышающие человека, и зверства, низводящие его «ниже некуда», потрясающие открытия и деградация личности. Все смешалось. Деньги и честь, разум и сумасшествие, боль и радость, преступление и геройство. И уже ни разделить их, ни разложить по полочкам, ни дать им общую оценку невозможно. Нет такой науки. Нет критериев. Вернее, они есть, но только разные и часто даже противоположные для разных субъектов, групп, сетей и т. д., а значит, уже и не критерии, а субъективированный инструмент противоборства.

Наука познает объективное, даже если объектом есть субъект. Ньютон, Эйнштейн, Гейзенберг, Дарвин, Смит, Кейнс и т. д.

открыли миру то, что существует в самой действительности и независимо от них. Их величие состоит в том, что именно они первые проникли в тайны бытия. Форма подачи материала, их личные качества — это обстоятельства открытий, никак не меняющие сути научных истин. Совсем другое дело — искусство. Это тоже форма познания мира, его художественное отражение. Но такое, которое отражает то, чего реально нет. Вернее, оно есть, но не такое, а другое, может быть, похожее, а может быть, и совсем не похожее. Однако неизменно связанное с субъект-субъектным отношением. С тем, кто отражает, и с тем, для кого это отражают.

Отражение есть одновременно созидание того, чего еще нет. Поэтому оно и не отражение вовсе, а если и отражение, то не простое, а такое, которое постигает нечто неподдающееся научному познанию, существующее, но не схватываемое непосредственно ни разумом, ни чувством. Произведение искусства не существует не только без их автора, но и без со-автора-почитателя. Только тогда, когда со-автор-почитатель принял его, освоил, прочувствовал, оно стало произведением искусства. Иначе — это просто предмет, звуки, краски, движения, запахи, мазня, шум и т. д. Но принял и освоил он его по-своему, в контексте своей жизни, своего чувственного и умственного опыта, следовательно, в контексте своего отражения реальности. Здесь сходятся две отраженные реальности. Сходятся через общность порождения чувств и мыслей. Не одинаковость, а именно *общность порождения*, возможно, совсем разных мыслей и чувств. Так рождается взаимность, со-авторство художника и его почитателя. То, что создано, и то, что освоено, никогда полностью не совпадают. А иногда различаются существенно. Но они живут именно в этом субъект-субъектом отношении.

Для науки результат — это отражение реальности. Для искусства — возбуждение и изменение чувств и мыслей человека,

своего рода «инженерия человеческих душ» — как метко было сказано в индустриальную эпоху и совсем неловко повторять сейчас. Искусство — исторически первая, еще не явившаяся в своих собственных одеяниях, форма виртуальной реальности. Но есть еще нечто, что не является ни наукой, ни искусством, и одновременно является тем и другим. Это нечто появляется там, где наука углубляется до пределов в познании собственных оснований и где не может помочь ни опыт, ни эксперимент, ни логическое мышление, а искусство поднимается до своей вершины, где мастерство художника приобретает форму мысли. Предельное углубление и предельное возвышение сходятся. Каждое выходит за свои собственные пределы и одновременно преодолевает чужие, попадая в сферу безпредельного, неопределенного, непостижимого. Эта сфера схождения — философия.

Но в самой философии есть свой корень. Он лежит на стыке предметности, человечности и духовности, где человек как субъект очеловечивает предметный мир, одухотворяя его и превращая в мир человека. Это — философия хозяйства. В ней сходятся всеобщее и индивидуальное, субъективное и объективное, мировое и национальное, глобальное и локальное. В ней важно не только то, что говорится, как в науке, но и то, в какой форме это представляется, как в искусстве. Она дает возможность мыслить то, что в научное мышление не укладывается, и чувствовать то, что искусством не представляется. Это есть методология постижения, отличная от науки и искусства. Поэтому именно сейчас, когда мир раскладывается на фрагменты, сходит с ума, переходит в постчеловеческое пространство, философия хозяйства приобретает особую актуальность как адекватный способ постигать современный мир.

Такая философия имеет иную персонификацию по сравнению с наукой и искусством. Ее субъект должен быть и ученым, и

писателем, и творцом, и прорицателем, не чередуя эти роли и функции, а совмещая их в одном акте созидания философии хозяйства. Именно таков ее новоткрыватель, вечный двигатель и представитель — Юрий Михайлович Осипов. Собственно, написанное выше и есть его портрет в абстрактно-объективном исполнении. Он начинал как ученый-политэконом, стал писателем (и членом Союза писателей России), творцом философии хозяйства (независимо от С.Н. Булгакова, произведения которого по философии хозяйства в то время еще не были опубликованы) и, наконец, прорицателем, остро ощущающим дуновения будущего и делящимся этим с обществом. Он есть сама философия, наиболее адекватно субъективированная в его личности: человек-философия.

Внешние же проявления этого процесса весьма впечатляющие. Достаточно посмотреть летопись-философию, подготовленную Ю.М. Осиповым к 25-летию Центра общественных наук при МГУ, создателем и неизменным руководителем которого он является [1], и посвященный этой же дате юбилейный монографический сборник [2]. 75-летний юбилей Юрия Михайловича, следующий сразу же за юбилеем Центра, не случайное совпадение, а историко-практическое подтверждение существования феномена человека-философии.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Восхождение. Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М.: ТЕИС, 2015. 365 с.

2. *Хозяйство и мысль.* Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ 1990—2015 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2015. 438 с.

Осипов о философии:

«Чего только не сказано о бедной философии, какого словесно-категориального хлама на неё не вывалено, как только она не была обозвана, кем только не была решительно, безоговорочно и окончательно-де изобличена в своей несостоятельности. А ведь всё дело в том, что философия, в отличие от тех же конкретных наук, вообще не подлежит никакой конечной определённости, столь радующей любителей точного знания. Философия в этом разе — ничто! Ибо она прямо оттуда — из Ничто, причём не так собственно философического, как онтологического. А ежели из Ничто, то и сама философия есть ничто, хотя при этом она есть и нечто, но настолько плотно сопряжённое с Ничто, что нечто это никак не может стать... Нечто — стопроцентным, так сказать, нечто. Философию не определять надо, как и не знать только, а философией надо жить — что бытовой, что мифологизированной, что научной, что воистину философской. Философия — продукт сознания, который при этом есть и само сознание, разумеется, работающее сознание, но при этом и как бы вышедшее из себя сознание — обо-словленное! Будучи реализацией (эманацией) сознания, философия начинает, строит, формует и само сознание, его по-своему решительно осознаниевая. Философия — сама себе причина и сама себе следствие, а потому и сама себе суть! Хотя это не значит, что философия вне бытия, наоборот — философия не только бытийна, она и сама есть бытие. Однако бытие особое: мало того, что в сознании и осознаниеенное, но ещё и в особом сознании и по-особому осознаниеенное. Только философская философия, она же и высокая философия, ориентированная непременно на саму себя, или же саму себя вынужденно, но нежно любящая, может квалифицироваться, конечно же, условно, как “любовь

к мудрости”, ежели под мудростью понимать всё человеком в нефилософском порядке не высказываемое, что есть, опять же, то же самое ничто! Ничто — метафизическое лоно философии, её неиссякаемый источник. А нечто, к чему так или иначе приходит любая философия, — не более чем образ этого материнского Ничто, его не то что отражение, а всего лишь изображение, реализуемое благодаря бытующему в сознании Логосу (словообразованию). Высокая философия — это фактически философия философии, а потому её, или просто философию, следует отличать как от науки, так и от религии, не говоря уже об искусстве и литературе, хотя в философии непременно присутствуют элементы-аспекты научного, религиозного, художественного и литературного свойства. Наука — точное по преимуществу знание-исследование; религия — принимаемое на веру, а оттого и совершенно истинное, знание-откровение; искусство — вообразительно-изобразительное знание-образ; литература — словообразовательное знание-сказание. Что же тогда философия? Это, конечно, — знание знания, хотя не только и даже не столько, ибо более всего это не что иное, как знание незнания, не претендующее при этом ни на какую — сциентическую или же религиозную — истину, — точную или догматическую, хотя и не пренебрегающее кое-какими выведенными для себя истиннообразными сентенциями. Если для той же науки потребен неоспоримый факт, а для религии — непоколебимое убеждение, то для философии важны свободно вырабатываемые ею — из и над ничто через посредство сознаниевого нечто — мысли, суждения и понятия, сообразные с бытием и восприимчивые сознанием, а в случае удачи само это бытие и участвующее в нём сознание и немало образующие. Философия — реализация бытия и выделка сознания... самим же сознанием, но при обязательном самодвижении бытия и посредством вполне свободного истечения сознания!»

В.К. КОРОЛЁВ

Persona grata: вольность мысли аристократа!

Аннотация. Размышляя над судьбами современной философии хозяйства, автор характеризует свое восприятие ее основоположника и лидера — Ю.М. Осипова: он выступает не просто как известный ученый, но как личность, воплощающая истинный аристократизм духа свободного научного творчества, как мощный и оригинальный «генератор» идей самостоятельного направления русской социогуманитарной мысли.

Ключевые слова: философия, хозяйство, экономическая теория, культура, гуманизация.

Abstract. Reflecting on the fate of the modern philosophy of economy, the author describes his perception of its founder and leader, Yu.M. Osipov: he appears to be not only a noted scientist, but as a person that embodies the true aristocratic spirit of free scientific creation, as a powerful and original «generator» of independent direction ideas of Russian socio-humanitarian thought.

Key words: philosophy, economy, economic theory, culture, humanization.

К юбилею, тем более столь солидному, принято всячески расхваливать виновника торжества, изошряться в комплиментах и пожеланиях; тут трудно быть оригинальным, да и нужно ли? Тем более что в брошюре, изданной к двадцатипятилетию лаборатории философии хозяйства МГУ, профессор Ю.М. Осипов всесторонне и обстоятельно охарактеризован как замечательный «...мыслитель, организатор, работник» [1]. Тем не менее позволю

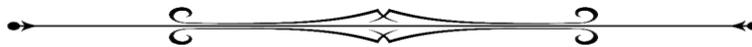

некоторые впечатления по поводу личности юбиляра, его творчества.

Пожалуй, трудно найти какую-нибудь сферу (не школу, не систему) социогуманитарного знания (кроме, естественно, «марксизма»), для которой один человек сделал так много, как Ю.М. для философии хозяйства. Он не просто обратил внимание на, прямо скажем, не имевшую век назад заметного значения для русского философского знания работу малоизвестного юриста-экономиста, но прозорливо углядел в ней большой и разноплановый теоретический и методологический потенциал. Реализуя его в своих многочисленных трудах, (очевидно следуя девизу Французской академии наук — «Invenit et perfecit»), Ю.М. не просто вновь открыл, «реанимировал» эту сферу знания, ввел ее в научный оборот, но создал свою, фирменную — «осиповскую» — философию хозяйства, не только более актуальную, но и более богатую «разномысленно», междисциплинарно, нежели собственно «булгаковская»; воспламенил, объединил вокруг себя единомышленников и последователей.

Это — не обычная юбилейная лесть, а, как говорится, «медицинский» факт — достаточно сравнить содержание первоисточника — «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова и трудов Ю.М. с их вольнодумством, «широкоформатной неформатностью», ментальной и мировоззренческой открытостью новому. Разумеется, «философия хозяйства» (как философия) не является «предметной» (и даже не вполне) наукой, но интенцию «беспредельности», незавершенности этой области мысли Ю.М. реализует в своем творчестве просто блестяще, ярко и откровенно. Более четверти века он подвижнически и с пророческой тяжелой радостью несет сладостную ношу вольной мысли. Как говорится, Бог в помощь!

Десять лет я знал Ю.М. только по его трудам, поэтому столь впечатляющей была моя первая личная встреча с ним в хо-

де III Российского философского конгресса, проходившего в Ростове-на-Дону в сентябре 2002 г. Хорошо помню, что его появление в зале, где работала секция философии хозяйства, как-то сразу повысило интеллектуальный уровень собрания, ответственность выступающих; в аудитории сразу почувствовался приход настоящего «хозяина» этого философского хозяйства! Негромкие реплики, неожиданные вопросы и замечания, деликатные комментарии Ю.М. сделали работу секции не традиционно скучноватым мероприятием — «обязаловкой», а интересной «произвольной программой». Аналогичная картина наблюдается и в работе секции философии хозяйства ростовских экономических биенале, в которой Ю.М. участвует с 2006 г. по настоящее время, в других его встречах с единомышленниками.

За двадцать пять лет Ю.М. написал десятки монографий, сотни статей, где обстоятельно рассмотрел сложность взаимоотношений философии хозяйства с философией и экономической теорией, множество актуальных проблем социогуманитарной мысли. И каждый раз, приступая к чтению нового творения Ю.М., поневоле испытываю некоторое волнение: смогу ли верно понять всю изысканность и глубину мыслей автора, не разочаруюсь ли в его таланте «всматриваться в реальность и видеть в ней иное»?

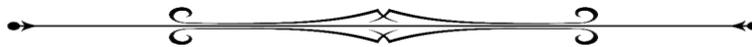
Главная ментально-мировоззренческая заслуга Ю.М. как ученого — доктора экономических наук мне видится в том, что он в своей философии хозяйства выходит далеко за пределы собственно экономики, нетрадиционно обращается к традиционным, фундаментальным проблемам бытия — Мира, Общества, Человека, Познания, Добра и Зла и т. п.: показывает возможность видеть их в свете метафизического восхождения к «Иному». Это — очень серьезный, трудно реализуемый, доступный не каждому профессионально образованному философу подход! Но Ю.М. не

просто справляется с ним, он делает это «фишкой» своей философии хозяйства.

Своим творчеством Ю.М., по сути, спасает ее от необходимости какого-то однозначного решения проблемы неявного, но неустраняемого, имманентного выбора, с которым сталкивается любой читатель при знакомстве с философией хозяйства, — к какому берегу, философскому или экономическому, так или иначе, влечет это течение мысли, или оно должно «течь» само по себе, без этих берегов. В этом он идет много дальше С.Н. Булгакова: поняв неадекватность такого «основного вопроса философии хозяйства», Ю.М. филигранно проводит ее между «Сциллой» (экономикой) и «Харибдой» (философией), не решает его ни в чью пользу, трактует философию хозяйства как вольное, «беспредметное» размышление над метафизическими, и не только хозяйственными, проблемами бытия Человека и Общества.

По мнению Ю.М., философия хозяйства возможна как «течение мысли», постнаучное и метафизическое, но не как отрасль философии (а Булгаков, как известно, хотел видеть в философии хозяйства новое направление именно философской мысли) и не раздел экономической теории. Он изящно уходит от предметной определенности философии хозяйства, тем самым сохраняя ее в виде некоего проблемного социально-гуманитарного поля. В этом смысле какая-то, даже компромиссная, связь с указанными «берегами» несет опасность для статуса философии хозяйства. Парадоксально? Да, но зато продуктивно! Полагаю — осиповскую лабораторию философии хозяйства можно считать своего рода прообразом «Сколкова» — места свободного «выгула» идей, их генерации и провокации, межпредметных связей. (Только вот о собственно «сколкове» уже ничего не слышно, а Лаборатория живет и здравствует, благодаря неисчерпаемой энергии ее руководителя.)

Наряду с монографическими работами Ю.М., большое влияние на меня оказали оригинальные по содержанию и часто новаторские по стилю, лексике его публикации (как главного редактора), по актуальным и часто неожиданным аспектам проблематики философии хозяйства, задающие тон интеллектуального свободомыслия, «непричесанного» умствования работе нашего любимого одноименного журнала — «луча света» в царстве академического «формата».

Новым этапом в моем понимании и осмыслении часто ускользающей и болезненно манящей проблематики философии хозяйства стал научно-публицистически-художественный цикл метафизической прозы Ю.М. — «Иное», «Requiem», «Обретение», «Наедине с Софией». Эти работы не просто расширили мои представления о философии хозяйства, но и обозначили ее интересные перспективы в теоретическом освоении актуальных проблем современности (и не только экономических), в частности, возможности бытия «Иной» России в мутирующем, требующем метафизического пересмотра своих мировоззренческих основ кризисном Мире современности.

В целом мне близок, пафос этих книг, автор буквально «читает мои мысли» (или я — его?). Особенно большое впечатление на меня оказал «Requiem» — своим сочетанием глубокого научного содержания и блестящей литературной формы, труд, достойный члена союза писателей России, коим является юбиляр [4]. Главное в «Реквиеме» для вдумчивого и терпеливого читателя, на мой взгляд, — его гуманистическая «сверхзадача» по актуализации вечных, философско-богословских антропологических проблем в современных условиях *российского бытия*. Авторская трактовка творчества М.А. Булгакова дает читателю интересный и серьезный повод для размышлений по поводу совре-

менного Бытия, Человека, смысла его жизни, Бога и Антихриста, Христианства, Добра и Зла, судьбы России...

Мне как большому любителю словесности (в молодости подумывавшему о журналистике) особенно нравится лексика работ Ю.М. В присущем юбиляру самобытном, оригинальном и вместе с тем изящном, подчас поэтическом, «словотворческом» (но и «смыслетворческом») стиле Ю.М. остроумно играет словами, ярко проявляя свой талант проникновения в волшебные глубины русского языка, его умелого использования. (Правда, говоря об этом, иногда вспоминаются рукописные, посмертно опубликованные слова Ф. Ницше о том, что одинокий мыслитель нежится и лукавит со своими мыслями, дергает их за уши [2, т. 1, 5]).

Ю.М. интересно, образно и вместе с тем вполне научно характеризует рассматриваемые проблемы. В своих работах он подчас просто балует читателя блестящими по краткости и точности определениями образами, сюжетами, очерками феноменов человека и человеческого мира, включая хозяйство, социум... цивилизацию, современность, акцентируя родные и проклятые российские проблемы. В этом Ю.М., как всегда, блещет эрудицией, проявляет свой недюжинный энциклопедизм и смелость суждений, сочетая глубину содержания с изысканностью литературных форм, демонстрирует способность системного и оригинального осмысления самых фундаментальных метафизических проблем Бытия и Мысли.

Своей метафизической прозой Ю.М. выводит читателя (по крайней мере — меня) на новую постановку главной проблемы — природы Человека, его греховности, возможности ее преодоления, по-своему ставит вопрос о воспитании нового Человека, в том числе и нового субъекта экономической деятельности. Хочется поддержать юбиляра за его грустный, но честный вывод: человечество больше не может доверяться «экономике», оно

должно обратиться к постэкономическому (нео)«хозяйству»; его теоретической основой и призвана стать философия хозяйства как «миф над мифами», как обоснование метафизического мира софийного хозяйствования. Ю.М. похвально настойчив в этих суждениях, хотя, подчас, в них проскальзывает понятная грусть по поводу не востребованности многих пророческих идей юбиляра. Держитесь, Ю.М., — «Dum spiro, Spero!»

Да, чтение его работ — дело, подчас, тяжкое, умственно дискомфортное. Очевидно, прав был «мученик познания» Ф. Ницше, отмечавший, «...что сила ума, пожалуй, измеряется той дозой “истины”, которую он может еще вынести...» [2, т. 2, 271]. Публикации, аудиторные выступления Ю.М. как «размышления-сомнения-комментарии-откровения», «вопросания» и «обословнивания» дают подчас дозу тяжкую, но не смертельную, скорее — лечебно-профилактическую, поэтому в любом случае их восприятия полезны, нужны уже, как минимум, своим примером, приглашением к сладостным мукам попыток обретения размыслительной мудрости. Ю.М. как умелый психолог-стимулятор «цепляет», «покалывает» своей метафизикой «Иного» заплывший академическим «жирком» Разум, даря (в чем-то мазохистское) наслаждение умственных исканий и переживаний.

«Осиповская» философия хозяйства является своего рода хорошим «провокатором» гуманизации обществоведческого и антропологического знания, обоснования метафизических проблем (экономической теории), межпредметным «инкубатором» идей, полезных всем социально-гуманитарным наукам. Полагаю, в таком качестве «вольной мысли» она вполне состоялась и имеет несомненные заслуги. И, несомненно, главная роль в жизнеспособности философии хозяйства принадлежит юбиляру лично!

Вместе с этим Ю.М. всегда прост и доступен в общении, без тени снобизма и гордыни, доброжелателен и скромнен.

Что же пожелать редкому аристократу духа, интеллектуалу, достигшему третьего, высшего этапа пути в иное «познавательно-размыслительное» пространство учености и вместе с тем дорожающему своими фаустовскими терзаниями утверждающегося «первоотступного» разума? У Ю.М. есть все, что нужно такому мыслителю: огромный и заслуженный, по «гамбургскому счету», научный авторитет, уважение коллег, учеников, академического сообщества.

Желать нужно только одного — продолжения своей миссионерской деятельности, дальнейшей генерации мудрых мыслей! Хочется верить, что здоровье даст ему историческое время и возможности для такой работы; какие, как говорится, его годы! Уверен, своим творчеством Ю.М. Осипов еще долго будете радовать коллег, учеников, почитателей... Ergo bibamus!

Литература

1. Двадцатипятилетие лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 1988—2013. М.: ТЕИС, 2014. 52 с.
2. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990, 832 с., 830 с.
3. Осипов Ю.М. Requiem. Метафизическая проза. М.: ТЕИС, 2010. 592 с.

Осипов о мудрости:

«Мудрость не терпит суеты, которая мудрость просто съедает: тут уж или или, а потому нельзя мудрецу с обычной меркой, хотя он и волен делать все, что пожелает, но сообразно своим собственным чаяниям, тем боли что они у него отнюдь не какие-угодно.

Мудрец не тот, кто знает мудрость, а тот, кто мудростью владеет из себя и в себе. Мудрец может ничего особенного и не знать, он не обязан быть ни великим знатоком чего-либо, ни широчайшим эрудитом, ни уж тем более на всякий случай справочником. Не знания как информация в достоянии мудрости, а знание смыслоизъявление, точнее, метасмыслоизъявление, Переход мудреца через поля знаний, как через Альпы не более чем поиск им особой точки, или ниши, с которой, или в которой, все нужное как-то само по себе и образуется, т. е. с которой высвечивается или в которой прячутся все нужные метасмыслы.

...Любое познание реальности и любое ее отображение, если они не имитационны, не подражательны и не вторичны, не обходятся без той или иной толики мудрости. Эйнштейн был мудр, Горький был мудр, как и все Герасимовы, что оба живописца, что кинорежиссер. Все великое в науке, в искусстве, в культуре, тем более, первичное от мудрости, во всем примечательном явлена мудрость, ото всего значительного веет мудростью. Даже в математике немало от мудрости, правда при особом ее прочтении и при незаурядном ею пользовании. Мудрость принадлежность человеческого сознания вообще, а потому у мудрецов нет никакой монополии на мудрость, хотя у них есть монополия на вхождение в облако мудрости, в нем пребы

вание, им даже и владение, заметим еще раз, далеко не такое уж и комфортное. Многие тянутся к мудрости, кое-кто ее даже достигает, скорее, пользуется ею, кто-то даже преумножает. Но не всякий, а лишь исключительный приходит к целостному обладанию мудростью, разумеется не абсолютной. Здесь только единицы, ибо это особый путь, большое пробуждение, страшное испытание. Мудрец всегда в той или иной степени удручен (м-удр-ость, м-удр-ец!), хотя и не обескуражен. Как же был, судя по всему, Христос, хотя и не обескуражен! Мудрец не должен расточать вокруг себя мудрость, чтобы она не рассыпалась, не обернулась пустотой, не стала прахом. Мудрость расходуется сама. А вот мудрец обязан быть экономным, бережливым, скупым. Далеко не каждый из живущих в самом деле нуждается в мудрости, далеко не всякий ее вообще заслуживает. Не очень-то люди рвутся к мудрости, разве лишь с желанием осмеять и осквернить, но на то ведь и благое молчание... удрученного!

... Мудрость, а уж тем более мудрецы, совсем ныне не в моде. Знакоков теперь слишком много, знахарей, манипуляторов, толмачей. Да и как ныне мудрецу явиться хоть и для самого себя, как пробиться через вязкую толщу знания и липкую сеть процедур, того же и веселья? Неуступчиво время для мудрости, неприветливо оно для мудрецов, ибо возможности теперь колоссальные: импровизируй, изобретай, веселись, не утруждая себя тяжким мудрствованием. Гонима сегодня мудрость, не в почете мудрецы: история развернулась против истории, а бытие вдруг превратилось в... небытие. Однако уже мудрость и мудрствование, которые теперь не нужны, но без которых нет и не может быть философии хозяйства».

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Волхвы возвращаются

Он иной человек, он иной человек,
Он совсем иной, чем все мы.

Б. Брехт

Месть — недозволенное волхво-
вание!

Ю.М. Осипов

Аннотация. В статье исследуются истоки, суть, телеология творчества выдающегося современного мыслителя, ученого, деятеля культуры России — Ю.М. Осипова, который продолжает традицию древнеславянской ведической мудрости волхвов в современном мире. В его творчестве выделяются, исследуются четыре темы-проблемы, в которых мыслитель сделал открытия, создал на их базе новые дискурсы. 1. *Экономическая мысль.* Ю.М. Осипов убедительно и окончательно раскрыл суть феномена стоимости, доказав, что стоимость не имеет внешней причины, ибо она сама является причиной и следствием своей созидательно-разрушительной работы в обществе. 2. *Философия хозяйства.* Ю.М. Осипов развил философию хозяйства С.Н. Булгакова, создав новую доктрину жизнедеятельности человека, его трудовых, социокультурных, сакральных и метафизических устремлений. 3. *Полилектика (триалектика).* Ю.М. Осипов создал качественно новую методологию, преобразующую войну противоречий диалектики в органические и смысловые единоречия противоположностей, которые не отделяются друг от друга, но и не сливаются в тождество. 4. *Софиасофия.* Метафизическим венцом творчества Ю.М. Осипова является софиасофия, которая представляет

новую форму мудрости, единящую в себе смысловые ресурсы философии, науки, православия, ведической традиции русских волхвов. Софиасофия — это мудрость апокалиптической эпохи.

Основной вывод: творчество Ю.М. Осипова представляет софийную энциклопедию мудрости современного русского мира, его цельное мировоззрение, целостную методологию и доктрину, которая дает ему осознание своих истоков, своих жизненных и бытийных целей.

Ключевые слова: Россия, мир Иной, волхвы, философия хозяйства, софиасофия, полилектика.

Abstract. The article investigates sources, an essence, teleology of works of the outstanding modern Russian thinker, scientist, cultural figure Yu.M. Osipov, the analysis is kept in the context of Old Slavic and Old Russian wisdom which is created, carried and saved by the magi. Yu.M. Osipov carries on tradition of the magi's wisdom in the modern world. Four subjects problems are allocated and investigated in Yu.M. Osipov's creativity where the thinker made discoveries and created new discourses on their base. 1. *Economic thought.* Yu.M. Osipov convincingly and finally opened an essence of cost phenomenon proved that cost has no external reason because it is cause and effect of the creative and self-destructive work in society. 2. *Philosophy of economy.* Yu.M. Osipov developed S.N. Bulgakov's philosophy of economy created the new doctrine of the person's activity, his labor, sociocultural, sacral and metaphysical aspirations. 3. *Polilectics (trialectics).* Yu.M. Osipov created qualitatively new methodology changing war of contradictions of dialectics in organic and semantic union of contrasts which do not separate from each other but do not merge in identity also. 4. *Sophiasophia.* A metaphysical wreath of Yu.M. Osipov's creativity is sophiasophia which is a new form of wisdom which consolidates in itself semantic resources

of philosophy, science, Orthodoxy, Vedic tradition of the Russian magicians. Sophiasophia is a wisdom of an apocalyptic era.

The author's main conclusion: Yu.M. Osipov's sacral creativity is an encyclopedia of wisdom of the modern Russian world, its integral outlook, complete methodology and the doctrine which gives it understanding of the sources, vital and economic tasks. Only complete knowledge which is impossible without complete Vedic wisdom of the Russian magicians, gives the understanding.

Key words: Russia, another world, magicians, philosophy of economy, sophiasophia, polilectics.

Каждый народ порождает людей, которые выражают его необозримую целостность, его устремления в мир сакрально просветленной, творчески печальной вечности, людей, представляющих в своих иноречиях смысловые жизнетворящие молнии.

В настоящее время традицию целостного понимания России, ее творящего Духа, стыдливую совесть ее Души, Логос ее ума, смысловые откровения ее софийной ноосферы, волшебный храм ее Языка, ее культуру и таинственную власть, ее хозяйственно-трудовой организм наиболее полно постиг, выразил, воплотил в своем творчестве Ю.М. Осипов — выдающийся мыслитель современного мира, ученый, культурный деятель, художник, организатор и просто — человек Иной, вызванный страной в минуты роковые на брань с врагами русских смыслов.

Творческий феномен великоросса Ю.М. Осипова невозможно измерить научными, философскими, религиозными, художественными, организационными достижениями. Мудрец? Да, но не только! Ученый? Да, но не только! Философ, метафизик? Да, но не только! Художник, мастер слова? Да, но не только! Творец новых ценностей, дискурсов, смыслов, метафизических кодов? Да, но не только! Теолог, демонолог? Да, но не только?

Организатор, создатель исследовательских институтов, сообществ? Да, но не только! Через творчество Осипова к нам обращается с вестью почти неведомый нам мир Иной, требующий от нас понимающего взросления, дабы получить его метафизическое гражданство.

Творчество Ю.М. Осипова — несоизмеримый мировой феномен. Нет у него предшественников и учителей, а С.Н. Булгаков своей «Философией хозяйства», скорее, открыл дверь для выхода в бытие уже созревший в Осипове софийный океан русских смыслов нового мира — мира Иного. Нет у Осипова идейных соратников, учеников, последователей. Нет научных, философских, оккультных школ, учений, течений, направлений, в которые можно было бы включить его Писание. И нет в научном сообществе (не только российском, но и во всем мировом сборище ученых) людей, способных постичь прозрения, смыслы, метод исследования, плоды его творчества, его идеологию, мировоззрение, космический облик открытого им нового мира, его софийную стоимость.

Сам автор сего правдивейшего сказа только прикоснулся к его мудрости, но не вошел в нее, ибо несозревшему зрелое недоступно. С грустным изумлением Ю.М. Осипов стоит в потоке времени один, сам по себе, мучается, страдает от не вполне понятной и ему самому загадки своей духовной миссии. Чудовищный уровень непонимания его мудрости, нежелания ее понять, страх перед его видением бытия и ничто зашкаливает, приближаясь к уровню непонимания Спасителя! Кому и для чего понадобятся его книги, статьи, выступления, его конференции по всем проблемным узлам России, его софийный журнал, призванный им к жизни уникальный коллективный ум Академии философии хозяйства, Философско-экономического ученого собрания? Какой пламень, пожар могут и должны разжечь смысловые искры его речей, текстов, языка?

В ипостасной личности Ю.М. Осипова слились в единоречии голоса русского духа, родной земли, невысказанной России, ее потаенного сознания, сокрытой совести, страдальческой души истязаемого русского народа, растерянность Логоса и его ума, не могущих понять Россию, вещие глаголы русского ведизма, праведного хозяйствования и жизнетворных технологий, сакральной природы России, голоса бытия, томящегося в заточении у неизвестной судьбы, прощения inferнальных лиходеев, трансцендентные императивы, инициативы мудрости Софии. Все эти потоки уходящего мира и людей сошлись в личности Осипова, создав его умом, сознанием, языком и душой величественный ансамбль софиасофии, философии хозяйства, полилектики, ставших идеологией мира Иного. Творчество Ю.М. Осипова не укладывается в каноны мудрости даже Великой Традиции (примордиальной традиции) России, уходя в смысловые дали по ту сторону религии, традиций, язычества. Нет у нас мер, эталонов, стандартов гениальности, которыми можно оценить его духовные дерзания, ибо он работает по ту сторону человеческой, слишком человеческой воли.

Нет и не может быть, ибо он сам своим творчеством как раз и создает новые меры, стандарты, эталоны для ума, сознания, науки, исследований, понимания, дел, властей, людей, для мира, оказавшегося без руля и ветрил, без целей и компаса, без путей и карт, без смыслов и ценностей, без понимания изжитости, истерпанности самого себя и мирского человека. И он не просто изучает этот мир и его человека, отрицающих самих себя, а ищет перспективы их возможного исхода в мир Иной, ибо существующий мир, человек, их культура выражают лишь агонию умирающей цивилизации, в которую уже проник и набирает силы мир Иной. В его софийном мировоззрении преобразование современного мира идет через мягкий апокалипсис, в котором бытие рушится «до

основания» (такой апокалипсис упраздняет миссию Спасителя), а интегрирует в мире Ином все жизненные элементы неба, земли, преисподней. (Ведь и на небе есть падшие духи, в преисподней — масса невинно убиенных, а на земле полно заблудших душ, так что тотальная апокалиптическая санация унесет и мир.)

Ю.М. Осипов однажды назвал себя «археорусским человеком». Эта сакрально-этническая формула наиболее точно указывает суть загадки его феномена. Ипостасная личность Осипова выражает первомудрость, субъектом которой в России были волхвы. И если волхвы знали ключи к «хранилищам времени и ведения», то Осипова можно считать волхвом, пришедшим по неведомому провиденциальному замыслу из глубин времени в мир, поработанный временем и погибающий без мудрости волхвов, знающих законы власти, произвола и крушения времени.

Волхвы являются одной из самых табуизированных научных тем, поскольку их рукописи, предания тотально истреблялись христианством за знания и предсказания, которыми они не торговали, скрывая их от властолюбцев, открывая только достойным. Волхвы лишали несправедную власть монополии на знания времен, что автоматически делало любую власть их жертвой. В условиях чудовищного геноцида волхвы, скрываясь, сами уничтожали все источники своей мудрости. Так был покинут большой город Аркаим, который служил столицей волхвов.

Достоверные сведения о жизнедеятельности и мудрости волхвов только-только начинают пробиваться сквозь многослойную толщу идеологического поработания русского сознания. Но есть художественные изыскания писателей, знатоков и любителей дохристианских древностей Руси, есть загадочные архитектурные памятники (Аркаим) эпохи волхвов, но не только академическая наука, но даже каменщики и

всезнающий Гугл не могут ничего измыслить о волхвах. Важным источником мудрости волхвов служит древнерусский фольклор, мифы, русское искусство.

Есть и смысловые источники. Если нельзя прямо изучать воду, которая испарилась, ушла в почву, то ее все же можно изучать по составу облаков, по родникам подземным. Есть у волхвов смысловые облака, родники, которые пронизывают все культуры, религии, науки, определяют инфраструктуру разума, сознания, составляя невидимую софиасферу жизни. Главной идеей волхвов служит космос *«Иного царства»*, которое интегрирует в себе все смысловые прозрения, метафизику волхвов, их сакральное ясновидение того, что «временем зарыто», инософию мира Иного как интегрального проекта всех царств земли, преисподней, неба, человека, всех тайн Неизвестности и Хаоса, всей мудрости самого миропонимания, зажегшего свое светило правды и справедливости в «Царстве Ином», на поиски которого отправлялись самые сильные и мудрые, самые чистые и благородные люди древности, напутствуемые волхвами. И поиск этого царства составляет суть, назначение, цель всего русского племени и до наших дней, ибо потребительское прозябание («потреблядство») оно не приемлет. И современный волхв России, Ю.М. Осипов, сотворил уникальную благотворную софиасофию мира Иного, содержащую в себе смысловую географию, софийную карту и логосный планшет для творческого освоения этого мира, который уже много тысячелетий осваивает нас, отбраковывая негодный антропологический мусор Земли.

Адекватные представления о волхвах получить трудно еще и потому, что сами волхвы были связаны обетом молчания о своей мудрости и миссии; они исполняли не свои желания, а властную волю и мудрость Иного царства, которое не позволяет даже

своим пророкам знать и понимать самих себя, ибо здесь действует рок Рубикона: если волхвы будут знать самих себя, то они не смогут выразить и передать людям ценности мира Иного, и самую главную среди них — разбудить в человеке осознание того, что они суть создания Божьи, а потому должны заниматься теми делами, овладевать теми знаниями, которые приведут их в мир Иной, и далее — в страну предков, завершив свой путь миром славы (богов). Знающий волхв молчит, ибо ведает мир Иной, а в его речах всегда содержатся приговоры всем вопрошателям.

Волхвы — наидревнейшие из известных нам носителей, хранителей сакрального софийного знания в древнерусской культуре. Волхвы древнее жрецов, они обладали целостными знаниями, необходимыми для понимания жизни, смерти и смыслового общения с миром Иным. Волхвы продолжали традиционную мудрость, данную человеку вместе с его сотворением и с его сакральной, инфернальной самодеятельностью. Волхвы знали мудрость догреховных времен, ибо без минимума такой мудрости человечество бы не сохранилось. Волхвы владели тайнами власти времен, законами их благого и злотворного плодородия. Поэтому именно волхвы, а не восточные мудрецы и египетские жрецы, которые были учителями древнегреческой философии, точно предсказали рождение Христа, засвидетельствовав эту истину личными дарами. Именно волхвы знали свой народ как духовно-практическое живое существо, ищущее подлинную жизнь в «Ином Царстве».

Волхвы были учеными, священниками, учеными, врачами, советниками властителей, воинов, землепашцев, охотников, «инженерами», архитекторами, конструкторами, создателями языка, владели тайнами имен, имяславия. Одним из важнейших дел волхвов было обучение, превращение знаний в различные культовые традиции. Волхвы открывали своим ученикам методы познания мира Иного. После превращения ученика в мастера, весь

«учебный процесс» и его «методы» уничтожались. Знания волхвов передавались от учителя к ученику, кодируясь в древнейшей всеясветной грамоте славян («буковнике»). И в многообразном творчестве Ю.М. Осипова трудно выявить работающий в нем оглушительно эффективный метод, что вызывает нешуточное раздражение ученых иллюзионистов!

Методология мудрости волхвов проста до непонятности. Волхвы воспринимали и объясняли все многообразные формы мира, все его системы, структуры, исходя из многомерной целостности бытия, ибо именно целостность является источником и хранителем смыслов, порождает понимание. А саму целостность они находили в сферах прапи (предков) и слави (богов). Иначе они не могли, да и не умели. И даже если целостность недоступна человеку, то само признание ее непознаваемости тоже служит мощным орудием истолкования природы вещей. Эту методологию утратили уже жрецы, заменившие целостность системно-структурными конструктами.

Возникшие впоследствии религии, науки, философия пытаются объяснять целостность мира (предметов, человека, знания), опираясь на частные, отдельные фрагменты, которые наделяют статусом системности. Но система — это часть целостности, ибо любая реальность состоит из множества систем, интеграция которых в единство, скажем, организма, требует целостности.

Эмпирический и системные подходы не позволяют раскрыть суть и смысл целостности, определяющей функции, взаимодействия частей и уходящей своими истоками к Софии Премудрости Божьей. Так, любая историософия, социология не могут адекватно истолковать целостный феномен России, ибо они не учитывают ее огромных эпох, представленных ведической культурой и мудростью волхвов, а начинают плясать вместе

с Рюриковичами. И даже православие не может адекватно истолковать суть, историю России, ибо обрезает ее бытие, оставляя из него лишь контекст 2000-летия христианства. А волхвы и Ю.М. Осипов рассматривают Россию как целостность, состоящую из множества ведомых и неведомых миров, из мира Иного и миров невозможных, но реально живущих в ней. А потому и выводы у них иные, и знание иное, и перспективы иные. Истина России в целостности всего ее временного и вечного бытия, а не в отдельных исторических ее эпохах.

И смысловые контакты со змеиными предвидениями делает их понимание России истинным, целебным и спасительным. Видимо, не без содействия волхвов змея стала общемировым символом врачевания, ибо даже христианский дьявол нуждается в ее услугах и лекарствах.

Ю.М. Осипов неведомыми путями возродил, обновил целостный метод волхвов. Ипостасным выразителем целостности для него служит София Премудрость Божья. Хотя она закрыта для агрессивной гносеологии субъекта, но все же она руководит умом и сознанием людей посредством откровений, воспринимаемых в интуитивных прозрениях, аксиоматических допущениях человека, который знает, что ему содействует неизвестная им сила сакральной целостности. Поэтому неприятие творчества Осипова наукой, философией, православием неизбежно и благотворно для его исследований, которые они не могут понять, но зато не могут и исказить, упростить, опозлить его целостное софийно обусловленное мировоззрение.

Вся энциклопедия знаний, все смыслы ума, сознания наидревнейших времен концентрировали в себе волхвы, знавшие благо, пороки, их искупления, но знавшие и неведомые нам тайны жизни и смерти, намеки о которых до нас дошли через представления об Ином царстве, где человек не был столь зависим

от смерти и «экономики», не был столь поработан ими, как в наши времена, а, входя в общую судьбу всех людей, обладал большей свободой в выборе вариантов своего бытия и своего — приемлемого для него — ухода из него. И самое главное — волхвы учили людей законам времени, умению, подчиняясь им, использовать их в благих целях. Время царствует временно, а люди должны готовиться к погребению времени как основному делу своей жизни.

Сократ сравнивал познание с охотой. Глубокая аналогия: ведь охота требует много бродить, искать, рисковать собой, выходить за рамки безопасного, испытывая высокое ментальное вдохновение и когнитивный экстаз за пределами логически оформленного, академически удостоверенного, математически обоснованного, но мертвящего знания. Охота за инознанием опасное дело. Но такая охота разбивают все предостережения социума, его талмудических экспертов, направляя человека в неведомый мир Иного, ибо это нужно не академии Ю.М. Осипова, а всем тем людям, которые понимают прогрессивную обреченность современного мира, а потому ищут правду мира Иного, который сегодня приоткрывает свои врата для пропуска живых душ, алчущих визы небесной и вечной.

Волхвы были Учителями в различных сферах деятельности людей, основателями сакральных и профессиональных культов, ставших затем культурой. Школы, училища, академии, университеты, другие учебно-образовательные институты ведут свою глубинную родословную от организационной мудрости волхвов. И монастыри, церкви, храмы православия тоже выросли из уникального сакрального опыта волхвов, вещей людей мира Иного, которые вопреки всему злоторству времени несут и сохраняют русский фольклор, сказки, былины.

И основным оружием этого самоотрицания стали знания оскопленные, лишенные смысла и понимания. За исключением узко прикладных знаний, почти все современные науки, философия, религии вырабатывают знания, которые служат лишь топливом апокалипсиса, раздувая глобальные пожары. Почти все знания современного мира смертоворные, о чем наглядно свидетельствуют количество и качество современных войн, которые несоизмеримо превосходят бранные конфликты «дикарей». Посредством современных знаний владеющий ими мир сам перерабатывает природу, культуру, человека, бытие в мусор и в отходы, которые еще до апокалипсиса разрешат inferнальными способами все задачи его сакрального возмездия, но уже без преображения.

Спорить здесь не о чем, обсуждать здесь нечего: нет людей, ресурсов, смыслов, ценностей, могущих запустить новый виток жизни, которая отрицает себя, направляя свои потоки в бездну хаоса; но русский ее поток ищет свои смысловые перспективы в мире Ином. И этот поиск нашел свое самосознание в Ю.М. Осипове, ставшем его переводчиком.

Но насколько правомочны современные люди писать о таком человеке, судить его творчество, его воздействие на мир? Ведь речь идет о человеке, выходящем за все измерения талантности, гениальности, мастерства, учености, мистики, святости. Такое деяние недопустимо, ибо, по словам ап. Павла, познавать имеет право лишь тот, кто сам познан Господом и допущен к столь опасному делу, как познание, в сфере которого сегодня усердствуют миллионы людей, не сознающих всех угроз своего занятия. Ведь познание — это не сумма фрагментов гносеологии, эпистемологии, когнитологии, которые изучают технические аспекты познания, которое в своей сути имеет дело со смыслом

жизни, греха, смерти, бессмертия, мира Иного. А люди больше всего говорят и пишут друг о друге и друг на друга.

Но есть люди, о которых невозможно не писать, забывая ради них и предостережение поэта о том, что нам не дано предугадать, как слово наше отзовется... Таким человеком является Юрий Михайлович Осипов, создатель уникального целостного мировоззренческого учения, уникальной софийной метафизики о высших целях и смыслах человека, уникальной философии хозяйства, вызванной из мира Иного для погребения умершей экономики-хрематистики. Он сумел выполнить эту гигантскую задачу, ибо сам он был познан Тем, Кто призвал его к познанию самых важных для современного человека вещей. Россия изрекла через жизнь и творчество своего пришедшего из мира Иного волхва: «Мне нужна моя родная софиасофская мудрость и моя родная философия хозяйства, ибо современный мир, его смысловое пространство полны мусора и спама. Мне нужно инознание, Иное знание, знание об Ином мире, преодолевающее логическую западню знаний-симулякров, вынуждающих людей лгать самим себе, верша суицид бытия!». И это инознание нельзя просто выучить, запомнить, играть его смыслами. К этому знанию нужно дорасти, преодолевая демонов корысти и математики, опираясь на смысловые ориентиры Софии. Осипов возвращает взаимодействие людей и мира к языку понимания, которое выправляет их искажения знанием софийных, смысловых истоков бытия в полной мере.

Сакральная традиция гласит, что волхвы всегда выходят к людям с тремя дарами. Библейские волхвы принесли божественному младенцу золото, смирну, ладан. И мудрость волхва современного тоже несет три дара младому миру Иному — *софиасофию, философию хозяйства, полилектику*. И эти дары дает человеку силу смысловую для труда и обороны русского иного царства и за его пределами.

Дар Первый — софиасофия [5, 127; 4; 1]. Высшим плодом творчества Ю.М. Осипова является софиасофия, которая представляет новое мировоззрение, новую мудрость, новое знание мира и человека в контексте смысловой оптики Инобытия. Поэтому философия передает факел мудрости иному знанию — софиасофии, которое есть прозрение, прорыв ума и сознания человека в смысловое пространство мира Иного. Но софиасофия есть и смысловое откровение софийной мудрости мира Иного в человеке. Неизбежная встреча откровений Софии и прозрений человека, древнейшей мудрости русских волхвов и неразрешимого современности, произошла в творчестве Осипова, который преобразил эту встречу в софиасофию.

Софиасофия не могла не возникнуть, ибо Логос — перво-двигатель Запада — исчерпал свои творящие смыслы, нуждаясь в притоке свежей крови от высшего принципа — Премудрости Софии. Раскрытие единства Софии и Логоса завершилось созданием новой парадигмы — софиасофии, которая выходит за пределы философии, православия и науки в иную форму мудрости. София и Логос, наука и православие сохраняют свою автономию, но софиасофия творит из их знаний новую мудрость, превосходящую их генетическую смысловую обусловленность. Русская мысль и сознание впервые от возникновения философии и христианства бросили дерзкий вызов миру — сотворили не просто новую философию, а иную мудрость, которая соответствует современным нуждам мира и человека. Софиасофия есть неизбежный исторический, сакральный, смысловой, мировоззренческий ответ русского сознания на эпохальную катастрофу мира.

Софиасофия Ю.М. Осипова опирается на тот глубинный факт, что творение мира, претерпевающего катастрофу, продолжается совместными силами Бога, Священного Писания, природы, дьявола, человечества, созданной им техносферы и ноосферы,

кризисами и хаосом. И для постижения этой трагически-катастрофической эволюции нужно не просто обновление философии и православия. Человек узнал не только Христа, но он испытал инквизицию веры, науки, техники, прогресса, узнал ядерные «игрушки» и современные мировые войны. Человек узнал не только первое Откровение, но в нем и через него он хочет познать себя на пути откровенческих знаний, не допускает модернизации первоначальной сакральности священных писаний. «Но ничто не должно мешать человеку вести текущее писание — научное, философское, религиозное, как и метафизическое. Бытие человека думающего, ищущего решений, жаждущего откровений и есть по сути своей писание, выраженное при этом в письме или нет, но писание, которое в итоге никогда не прекращается и прекратится, пока есть человек, не может» [5, 127]. А для этого нужна иная мудрость, которая дала бы понимание ислама, инквизиции, научно-технического прогресса, мировых войн, массовых убийств младенцев (абортов), виртуальности, экологии — мудрость, которая раскрывала бы телеологию ядерного оружия, человека, космоса.

Софиасофия преобразует философию в метафилософию, возвышает науку, выявляя ее метанаучные смыслы, расширяет рамки православной теологии, ибо, двигаясь ее же путем, идет дальше — навстречу Идущему к нам. Софиасофия осветляет ужасающую судьбу современного мира, делая отчасти понятным его суицид. Есть в софиасофии и напевы муз, но есть в ней карающие смыслы незримой гильотины жизненной правды.

Сама материя услышала в софиасофии именно то слово, которое ждут иссохшие от жажды и сникерсов позитивизма наука, философия, теология. Объем материала, тем, сюжетов, методов, идей, метафизических прозрений и озарений, духовных откровений, практических новаций софиасофии Ю.М. Осипова поражает. Случилось вулканическое смыслоизвержение и мыс-

лейявление софийной субстанции России, которая не вмещается в системы наличного знания; только софиасофия смогла принять новорожденный смысловой плод горящей эпохи и превратить его в творящую силу русской жизни. Софиасофия Осипова есть знаниевый, мыслительный прорыв сознания, творческих инициатив русских народов.

Софиасофия Ю.М. Осипова есть величайший взлет мятущегося сознания, возмущенного разума, встревоженной души и убиваемого языка. Достижение русское, выстраданное, объясняющее, просветляющее и позволяющее встретиться с ней — да, да, с ней, с правдой непреложной, вне коей правды нет. А правда в том, что человек в погоне за безбожной новизной обретает не новый мир, а катастрофу, кислотно-огненные стихии апокалипсиса. Софиасофия есть прощальный снимок этой уходящей эпохи — и первый абрис Иного мира, иной мудрости.

Софиасофия выражает смыслы Инобытия, Иноэкзистенции, Иного контекста, в котором все наличное взвешивается и оценивается по своей продуктивной силе утверждать, держать и охранять священную меру сознания, души, слова и человека. Все темное допускается, но испытывается опять-таки на весах жизненной меры.

Мир Иной («Иное Царство») [3]. Онтологию софиасофии составляет Иное, мир Иной («Иное Царство»). Категории «Иное», «Инобытие» впервые философски осознал и выделил Платон, но как свою когнитивную службу они начинали в мифах и в фольклоре.

Современная эпоха содержит в себе несколько миров, отчасти известных, а отчасти неизвестных. Есть *современный мир*, доминирующий над другими мирами посредством своей воинственности и катастрофичности, ибо все «элементы» этого мира, следуя своей диалектике, вступают в пространство несоизмери-

мости, несовместимости, невозможности совместного бытия, а потому они борются, воюют до последней капли алкоголя, допинга, наркотика, свершая свой роковой суицидный обряд.

Но внутри современной эпохи пребывает и зародыш Иного мира, в котором все его элементы взаимодействуют по закону единоречий, солидарности, соизмеримости, совместимости невозможного. Этот мир Иной может скрываться в нави агрессивных миров; он может уйти в идеальное пространство фольклора; он может сохраняться в монастырях, в которых монахи именуются «иноками», сочетая брань с лукавым, молитвенное общение с Богом, и тяжелейшее хозяйственное обеспечение своего бытия. Символом мира Иного служит диагональ, сочетающая в себе свойства вертикали и горизонтали, но следующая своим путем, ведущим в мир Иной. Софиасофия завершает эпоху Логоса, восстанавливая целостный мир Иного, в котором Логос и София сочетаются сакральным браком.

«Иное Царство» — это не «Царство Божье»¹, не «Царство человека», не «Царство inferно», не «Царство утопии», не «Царство антиутопии», не «теократия», не социализм и не капитализм, хотя есть в нем свойства всех этих устроений общества. Иное царство есть, неосознанно созидаясь человеком при содей-

¹ «Иное Царство» превосходит и «Царство невозможных реалий» сказочного мира, хотя оно невозможно без его благих энергий. Так хорошо и чудно в беззаботном царстве Василисы Премудрой, да Иван-царевич от тоски исходит. Чего же он грустит? «Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу и матери, захотелось на Святую Русь». И мудрейшая женщина, достигшая уровня волхва, вздохнула: «Вот это беда пришла!». Выходит, что в Ином Царстве, которое царевич видел в Руси, с проблемами и без счастья лучше, чем в беспроблемном мире чистого счастья. Есть в смысловом строе Руси некий сакральный «витамин», без которого даже у мудрого Соломона жизнь становится мучением, «суею сует», и он взывает к Богу, чувствуя, зная, что этот недостающий для осмысленной жизни элемент зависит от Его воли.

ствии всех элементов бытия. Иной мир есть реальный зародыш в полной мере нереализованного проекта справедливого, сакрального строя, отдельные звенья которого существуют с момента появления самого общества, ибо без самой малой доли справедливости не может существовать никакое сообщество людей.

Иной мир — это единственная сегодня перспектива человечества, ибо все остальные перспективы-проекты уже испытаны, проверены кровью и жизнью идущих в бессмысленное никуда миллиардов людей. Иной мир содержит в себе выход людей из клеток законченного знания, законченных проектов и решений, исчерпавших свои смысловые ресурсы идеалов и доктрин, из суицидных институтов и организаций, из гроба уже умершей эпохи, которая посредством несправедливости, рабства, клеветы, лжи, агрессии и террора превращает сей мир в кровавое месиво уже навеки бесплодного хаоса. Идея Иного мира достаточно неопределенная, оставляя место свободе различных вариантов его технологий и социальных форм. Но идея Иного мира достаточно определенная, чтобы вскрыть апокалиптическое возмездие, бесплодность, суицидность блудословия всех наук, философий, технологий, новых верований, властного и организационного беспредела, бессилие военной силы и безмерного террора.

Творящую формулу Иного мира сокрыло в своих смысловых сокровищах сознание, поручив русскому фольклору огласить этот проект волхвов: «Что есть мир Иной? Это — то, что знаю, не зная, и не зная, знаю; ищи его, не зная его; ищи его там, не зная где; пойми в нем то, не зная, что; пойдя за ним туда, не зная куда; сделай для него то — не зная что; отдай ему то — не зная что; выстрадай за него сполна, не зная, за что; найди в нем то, не зная что; принеси ему то, не зная, что; получи за него сполна, не зная, за что; вытерпи все до конца, узнаешь кое-что Иное».

И величайшей заслугой Ю.М. Осипова — русского инока мудрости, является то, что он выявил предметную, сакральную, софийную, социальную, антропологическую, криптократическую, государственную реальность мира Иного, доказав, что это не утопия, не проект, ждущий своего времени для реализации, не сказочный образ, а единственная реальность, где возможно сохранение жизни и человека. Идеологами этого мира в древнейшие времена были волхвы, сближающие всю жизнь людей с этим полуидеалом, полуреальностью, полуволшебством. По своему фантастическому разнообразию, порождающему столь же фантастические смысловые реакции, инициативы, фантазии, мир Иной не сравним даже с Раем. А ведь это живая перспектива человека, исчерпавшего все наслаждения прогресса, и теперь попавшего в клинч суицида.

И люди мира Иного очень желают знать суть смерти, полагая, что они имеют право знать, кто именно и зачем придет за ними. И человек мира Иного сохраняет в себе неопределенность, чтобы не иссякали родники его творчества. О человеке Ином нельзя сказать определенное «Да», ибо для этого всегда будет не хватать последнего факта; никто не знает, когда будет последний акт его драмы. Но о человеке Ином нельзя сказать и определенное «Нет», ибо слишком много опровергающих фактов поднимут шум и гвалт, указывая на его позитив, который сводит к нулю все его негативное досье. В мире Ином не человек — мера всех вещей, а само Иное есть мера людей, вещей, священных ценностей, святых, праведников, вообще, всех людей.

И этот желаемый, искомый, манящий Космос, который ищут люди, существа, стихии мудрость русского фольклора, направляемая вещим ведением археславянских волхвов, был названа «Иным царством», ну, а мы, не имея возможностей говорить о царстве, назовем его миром Иным. А Царство Божье — это слишком большая награда, слишком тяжелый дар для чело-

века, которому и вечности мало, чтобы исправить свои «художества» в мире сем. Этот дар может совсем погубить человека, настолько прояснив и углубив его ум и сознание, что они сделают для людей невозможным дальнейшее пребывание в облике человечности. Царство Божье — это мир для святых, праведников, известных и неведомых героев веры и Отечества.

Мир Иной — это не стандартный объект изучения, даже находящийся в развитии. Мир Иной — это космическая перспектива России (и человечества), сакральный контекст, в котором прорастают идеальные и материальные семена вечности, открываются пути на ее территорию. Без мира Иного мы лишимся всяких перспектив и в мире данном, который съедает себя посредством кризисов и катастроф.

Но чтобы найти следы мира Иного, который составляет ядро софиасофии Ю.М. Осипова, нужно усилить когнитивные диоптрии нашего разума, сознания, веры и фантазии сакральной гносеологией Премудрой Софии; только тогда мир Иной станет общим бытием человека и вечности, и в нем мы будем искать пути-исходы от захлестывающих нас кризисов, от нашествия имманенций хаоса. Нужно испытать разочарования в науке и в философии, ибо человек не только познает данный мир, действует в нем, но он еще совместно с этим миром творит реальность мира Иного, не имеющего аналогов даже в научно-философских фантазиях. А вместе с миром Иным творятся и новые смысловые органы познающего его сознания и разума, добывается его инознание. Но мира Иного нет для сознания и ума, которые не доросли для его постижения, для смысловой работы в нем.

Автор может засвидетельствовать, что по всем жизненно важным проблемам России софиасофия Осипова дает понимание, которое сродно ведению волхва, предсказавшего трагедию вещего князя Олега. Но князь принял предсказание волхва не как

князь, а как простой смертный, полагая, что с помощью этого предсказания можно избежать неизбежного.

Увы, без знания софиасофской телеологии волхвов, исправления жизни лишь приблизят ее летальный исход. Сегодня созидать что-либо позитивное без софиасофской перспективы мира — это лишь тревожить сон змеи метафизического возмездия. Тем, кто не ведает апокалиптического закона софиасофии, даже вещие знания князей не могут изменить предсказаний волхвов, ибо все попытки уклониться от неизбежности этого мира лишь ускорят встречу с его змеей-вестницей. Все наши усилия изменить жизнь вне контекста мира Иного обречены, ибо они опираются на знания данного мира, а в мире Ином действуют законы гибридного бытия, возникающего из слияния смертной предопределенности сего мира со свободной неопределенностью русской жизни, идущей в мир Иной. Но власти и тузы России делают все возможное, чтобы проблемы решали потревоженные змеи, чтобы страна побыстрее встретила с главным змием.

А где свила себе гнездо змея мудрости Ю.М. Осипова, мы узнаем тогда, когда она найдет тех «избранных», кто приложил много, слишком много стараний, чтобы угнобить его идеи, дела, создания, его смыслы, институты, его инознание, его школу из мира Иного, абсолютно необходимую современной эпохе.

Дар второй — философия хозяйства [2]. Подлинную смысловую революцию Ю.М. Осипов совершил в сфере экономической мысли, создав уникальный ментальный продукт — философию хозяйства, которая выступает и как познавательный, и как практический, и как властный (неодирижизм) инструмент, обеспечивающий жизнедеятельность людей, функционирование различных институтов общества, разума и сознания, устанавливающий рабочие связи человека с сакральными смыслами бытия.

Философия хозяйства Ю.М. Осипова есть особое триединое знание и дело. Во-первых, она изучает и вырабатывает цели

и смыслы, через которые человек взаимодействует с вечной правдой, с трансцендентными инициативами, откровениями Софии Премудрости Божьей. Во-вторых, философия хозяйства изучает и созидает (идеально) средства обеспечения жизнедеятельности людей. В-третьих, философия хозяйства изучает постоянную объективную демиургию мира, бытия, инфернальных и сакральных сфер. Сама жизнь, война, смерть, творческая эволюция суть хозяйство. Единство этих трех аспектов философии нераздельно, но оно и не сливается в однородную сплошность, работая как особый живой организм.

Ю.М. Осипов достроил и развернул идею мира-хозяйства в парадигму хозяйственного космоса, в котором посредством тройственного союза труда, природы и людей совершается творческая мистерия миротворения. В одном плане через хозяйство реализуется сакральный проект «Человек», в котором люди служат действующими лицами провиденциального замысла. В другом плане через хозяйство София осуществляет свои человеческие проекты «Ум» и «Сознание», превращая их в идеальные хозяйственные силы. В третьем плане через хозяйство уже сам «мир Иной» ищет для себя невозможную земную жизнь. Поэтому хозяйство по своему содержанию, по своей целостной форме, по своим всеобъемлющим функциям, по своим всесторонним действиям, по своим многомерным свойствам, по своим неисчерпаемым смыслам есть основной определитель человека, исторических форм его бытия, его эволюции, идущей от суицидных бездн экономики в Иное царство.

И философия хозяйства возникла в начале XX в. как ответ на комплексный кризис христианства, экономики, империй, гуманизма, философии, общественной науки. Философия хозяйства не наука, не философия, не часть теологии, не теория хозяйства, не практический проект, не программа действий, хотя все эти ат-

рибуты ей присущи. Это — особое мышление и особое сознание, действующие посредством смыслов, преобразующих ничто, хаос в жизненные силы людей. Разум и сознание хозяйничают сами, вынуждая человека приспособляться к их творчеству; а в качестве смыслов ими хозяйничает человек, пробивая себе дороги в мир Иной. Хозяйство изначально было частью мудрости, религии, мифологии, философии, вобрав в себя их сакральные, природные, человеческие смыслы; в хозяйстве они проявляются и действуют как особые автономные субъекты.

Эпохальным открытием Ю.М. Осипова стало выявление сути экономики и ее перводвигателя — стоимости. Осипов разрубил гордиев узел вековых бесплодных поисков причины стоимости, доказав, что стоимость является субстанцией-причиной самой себя, а определяется она тем, что сами люди (особые люди!) вмещают стоимости ее величину, запускают таймер ее прибыли и ее суицидных метаморфоз. Именно смертно-милитарная суть экономики, которая плодит кризисы и войны, правит историей такими живодерскими орудиями, вынудила Россию в начале XX в. искать альтернативу экономическому империализму в хозяйственной жизни.

В мировоззрении Ю.М. Осипова философия хозяйства служит социальной доктриной, идеологией, смысловой ноосферой русского мира и мира Иного, высшая цель которого состоит в смысловом обогащении жизни теми путями, которые ведут к вечности. Философия хозяйства есть часть софиасофии, но в этой части преломляется ее целостная мудрость. И философию хозяйства нужно не просто изучать, осваивать, знать, помнить, — все это не откроет двери ее храма, а в нее нужно войти, для чего нужно созреть, вырасти, дорасти.

И суть современной эпохи Ю.М. Осипов видит в катастрофическом переходе от экономической цивилизации к хозяйственному устроению общества, от суицидного мира, раздирающего

себя посредством диалектики противоречий, роющего себе апокалиптическую могилу, к миру Иному, в котором посредством единоречий полилектики обретается целостный смысл символов вечности.

Дар третий — полилектика [2, 148—165]. Для исследования мира Иного, вообще любых миров, включая и мир философии хозяйства, Ю.М. Осипов создал целостную методологию, в которой диалектика воинствующих и гробовых противоречий преобразуется в полилектику (инолектику) творческих единоречий полюсов противоречий во благо бытия. В софиасофии предметы, события, знания исследуются как полисистемные целостности, в которых переплетаются земные, трансцендентные (софийные и инфернальные), ирреальные факторы; и только учет криптологических взаимодействий может отчасти выявить смысловое ядро изучаемых предметов, приблизиться к пониманию действующих в них энергий целостности, которая превращает их в смысловые откровения правды.

В софиасофии Осипова триалектика развивается до уровня полилектики, став основным методом проникновения в мир Иной, формой его познания и понимания, превращаясь в инознание, которое просветляет существующие знания, выявляет их смысловые перспективы. Полилектика стала целостным методом, в котором онтология, гносеология и антропология связаны во-едино смысловыми взаимодействиями, позволяющими изучать любое бытие не только как реальность, не только как знание, но и в качестве путников мира Иного. Для полилектики все взаимодействия суть общение различных и невообразимых субъектов, о чем говорит фольклор, в котором люди и все реалии мира взаимодействуют в качестве субъектов.

Полилектика (триалектика) была основным методом исследовательской и житейской мудрости волхвов, которые создали

из нее даже моральный и карающий символ истины. По преданию, волхвы носили особое устройство — нагрудник справедливости: это устройство неведомым способом душило тех, кто, имея его на себе, говорил неправду.

Историософия. Ю.М. Осипов не мог не создать принципиально иной историософии, иного понимания истории на основе и посредством парадигмы Иного мира, философии хозяйства и политектики. Основными творящими и движущими силами в историософии Осипова являются решения людей, «объективный ход вещей», Неизвестность и воздействия мира Иного, который еще не свершился, а потому его роль в истории остается неопределенной, хотя в отдельные эпохи и решающей.

Особые места в историософии Ю.М. Осипова занимают роль и судьба России, которая вошла в историю лишь для того, чтобы разоблачить ее агрессивную преходящность, ее отрыв от непреложной правды вечности, ставшей орудием Запада в порабощении других (неисторических) народов.

Ю.М. Осипов рисует неотразимо убедительную софиасофскую картину постижения России в софиасофском контексте Иного мира, ибо Иной мир — это и есть подлинная Россия, идущая сегодня к самой себе. Поэтому Россия не развивается, не прогрессирует, а преобразуется в ризы мира Иного; а преобразование — это более сложный и мучительный процесс, чем развитие, ибо в нем меняется не одежда, даже не кожа, а внутреннее строение организма страны.

Онтологию России всегда составляет хозяйство, а не экономика, которая служит его средством, техническим инструментом. Все беды, трагедии, катастрофы России с Петра I проистекают из стремления власти сменить онтологию и основанную на ней смысловую генетику хозяйства западной экономикой. И спасение от этой напасти Россия уже давно ищет в мире Ином, где царит хозяйство, служащее смысловым порывам и прорывам

жизни, противостоя коварству, подлости, агрессии, суициду экономического мира. Искомая многими исследователями миссия России как раз и состоит в том, чтобы сохранять мир Иной как зародыш общества, в котором будут царить хозяйственная мудрость и ее советники — правда и справедливость.

В последние времена истории России, видимо, суждено стать заповедником свободной мысли, свободного сознания, детерминированного только смысловыми потребностями мира Иного. Свободные импровизации мысли и сознания найдут пути к этому миру из каскада бифуркаций, неотвратимо затягивающих человечество в режим суицида. И даже само слово «Россия» содержит в себе часть мира Иного. И эту тайну знали волхвы, сохранившие в живодерне Кроноса славянскую культуру и Россию. Эту тайну знает и Осипов, приоткрывающий ее через свое творчество.

Вполне понятна реакция научного сообщества на софийные, хозяйственные, методологические, другие «гибридные» открытия Ю.М. Осипова. В древние времена волхвы выполняли функции ученых, дипломатов, врачей, архитекторов, организаторов, советников по всем сферам жизни; и голос их всегда был решающим. Но невозможно найти какие-либо проясняющие сведения об их кончине. Или они сами уходили в свои схроны, чувствуя приближение рокового мига, или же их скрытно уничтожали властители по наветам их идеологов (псевдоколдунов, псевдомагов, псевдожрецов и др.). Ибо терпеть людей, знания которых угрожают власти и паразитам, вряд ли было дозволено и в древнейшие времена. Неправедная власть и паразиты хорошо знают, что их сокрушает не сила, а то, что становятся известны дела и замыслы их.

Сегодня времена другие, и против мудрости волхвов используются смысловое оружие. До сих пор Ю.М. Осипова охраняет непробиваемое невежество научных властей; даже мыслите-

ли и ближайшее его окружение не вполне понимают, с кем и с чем они имеют дело, и чем грозит им это общение с феноменом Осипова, если они не внесут корректив в свою жизнь после встречи с ним и с его творчеством.

«Песнь о вещем Олеге» знают немногие, понимают и всерьез принимают единицы; а ведь поэт — впервые в России — постиг грозную мудрость волхвов. Князь Олег был вещим правителем, знающим тайны власти; и вот князь пожелал узнать причину своей смерти: волхв предсказал ему гибель от его коня. Князь избавился от коня, содержал его до кончины, но все же погиб от укуса змеи, поселившейся в черепе коня.

Видимо, тема смерти сама по себе крайне опасна и требует особой техники безопасности при ее обсуждении; и этой техникой владели даже не вещие люди, а только волхвы! Нет, они не колдовали, не проклинали, но они знали змеиную тайну смерти, знали, что у каждого землянина есть своя змея, выжидающая сроки, когда она может на его роковой вопрос спустить с цепи возмездие. Волхвы видели незримую печать смерти на всех реалиях; а, зная ЭТО, они не могли не знать и всего остального — менее и более значимого.

Поэтому в общении с волхвами малейшие отклонения мысли от их мудрости чреваты летальным исходом. Волхвы знали законы возмездия, срабатывающие даже спустя много лет после смерти мудреца. Они знали местообитание роковой змеи каждого человека, но не могли предотвратить вопросы, которые призывали змей на их змеиную службу.

Автор сего сказа всегда остерегался вопрошать Ю.М. Осипова; какой-то неведомый глубинный страх удерживал меня от вопросов, хотя страх не успеть узнать Самое Главное в мире был основным мотивом моей жизни. Трагедия вещего Олега раскрыла причину моего страха вопрошать Ю.М. Осипова. Во все ответы, дела и решения волхвов вплетена смерть, а ее альтернативой является мир Иной. В мудрости волхвов альтернати-

вы есть везде и всегда, не нужно только самому закрывать их и спрашивать о «конце», забывая, что есть еще и «конец концов». Если бы вещий Олег спросил волхва не о причине своей смерти, а, скажем, о благой жизни своего народа, то и его жизнь нашла бы другое завершение. Безопасно рассуждать о смерти могут лишь волхвы, иначе сорвешь ее печать не в те времена. Волхвы знали, где свивают свои гнезда змеи, рождающиеся из неправедной жизни. Поэтому знание мудрости волхвов необходимо, дабы не упустить свою точку бифуркации, свою вечную альтернативу во всех событиях. А для волхвов смерть была уходом в сферу «нави» для обретения смыслового опыта, необходимого для входа в сферу «прави» — мира предков, чтобы уже совместно с ними обретать вещую и вечную истину. Мудрость волхвов охватывает подземный источник реки, родник, через который она выходит в явь, саму реку, и ее испарения, уходящие в небеса.

Сегодня наступила эпоха идеологического и смыслового вакуума; такая эпоха обычно предшествует неотвратимой катастрофе цивилизации. Возникновения новой цивилизации невозможно, ибо цивилизационное устройство людей исчерпало себя, превращаясь в суицидный хаос. Но есть перспектива манящего и страшного мира Иного, в котором судьба вещего князя может стать мерой судьбы всех избранных. Необходимо осознанное примирение мудрости волхвов с православием, дабы снять проклятие, наложенное ими на своих убийц. Никогда волхвы не призывали к войне, не оскорбляли веру. Они лишь раскрывали, как вещему Олегу, что каждый миг времени есть ситуация свободного выбора жизни и гибели. Наши предки знали: убить волхва — значит навлечь на людей, живущих в месте убийства, непредсказуемое и бесконечное возмездие. Возможно, что после кровавого крещения Руси часть русских волхвов укрылась в лабиринтах Сибири.

Волхвы — не мстители, но если человек строит дом без фундамента и на песке, игнорируя законы сопромата и благие

предупреждения, то крушение дома — это не месть, а следствие своего же невежества и упрямства. А мудрость волхвов имеет дело с Домом Жизни, зная законы его возведения, сохранения и возмездия за их нарушение. И одним из самых вопиющих нарушений законов Дома Жизни есть изгнание из него, истребление части его строителей; волхвы ведь тоже неотъемлемая часть русского мира. И без их глубинной традиционной мудрости, на которой в конечном счете основываются науки, православие, образование, хозяйственные формы, сегодня ни обществу, ни человеку не спастись из той социотехнологической черной дыры, которая, сладко позевывая, манит и ждет уже созревшего для суицидного потребления Homo sapiens.

Волхвы не были всезнающими волшебниками, но они знали на два шага больше, чем все остальные люди и поныне. Впервые, они знали, что вселенная — это не совокупность объектов, используемых людьми как сырье и средства. Для них вселенная это царство различных субъектов со своими умами и сознаниями, которые знают отдельные аспекты нашей жизни и смерти лучше, точнее, глубже, чем мы сами. Поэтому у них было больше источников знания, чем у нас, ибо они могли получать знания от всех реалий. Камень, лягушка, муравей, туман, солнце, сама смерть становились для волхвов источниками нужной им «информации», смысловым материалом знания и понимания. Известны стихи Ф.И. Тютчева:

«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык».

Такие стихи могут писать только волхвы, ведающие о хранилищах знания, смыслов и понимания. Мы добываем знания о вещах посредством абстракций, моделей, чисел, а волхвы могли прямо вести смысловое общение с этими же вещами; и, хотя

их опыт тоже ограничен, но во аспектах целостности и вечности они превосходят нас.

У волхвов не было сообществ, они работали индивидуально, ибо их проникновение в суть вещей, человека, мысли, языка и сознания было столь глубоким, что оно формировало столь уникальные личности и характеры, для которых индивидуальные контакты невозможны просто из-за несоизмеримой глубины их знаний. Поэтому волхвы не создавали особой касты, понимая, что институт ограничит объем и глубину их понимания; они вынуждены будут служить уже не людям, не природе, не предкам и богам, не мудрости, а своей касте. В то же время без участия волхвов не обходились советы старейшин, князей, воинов.

А одиночество² — это и кара за мудрость, и необходимое условие сохранения самого статуса волхвов, и небесная награда за верность этой мудрости, охраняющей ее от «суеты сует» мира сего. Душа, внутренний мир волхвов всегда скрыты и закрыты даже для близких им людей, ибо их мудрость требует максимальной смысловой мобилизации для выполнения ими своей сакральной миссии — поддерживать смысловую ноосферу, хозяйственное устройство древнеславянских общин, обеспечивать сакральные и культурные взаимодействия нави, яви, слави и правви, или — в современной транскрипции, — сохранять целостность смысловых взаимодействий сакральных, земных, инфернальных и родительских сфер, чтобы люди не потеряли Главное — пути в «Иное царство».

Христианские богословы полемизировали со всеми известными языческими учениями, но с волхвами они не решались скрестить копья; наоборот, даже в самой Библии поместили их сакральное признание Христа. Но с приходом в Киевскую Русь неохристиане методически истребляли волхвов наподобие нынешней бандеровской хунты, хотя волхвы не могли мешать вере,

² «Только одиночество сопричастно вечности — *Вечности!*» [1, 688].

которую они же сами признали еще до рождения князя Владимира. Но гонители волхвов не постигли их мудрости, предсказавшей очеловечивание Сына Божьего, ушедшего от иудейских и римских ЦРУ. Не постигли они и того, что волхвов ни в коем случае не следует трогать, ибо они дружат с мудростью мира Иного, знают законы его вешего и зловещего возмездия, которое обрушится на головы тех, кто желает оставаться безголовым в самых важных вопросах жизни и смерти. Сама София Премудрость Божья предупредила христиан, что идущие с нею, обретают жизнь, а идущие против нее, обретают друга в смерти.

Христианские мыслители не могли не знать, что волхвы — это не язычники, а хранители той же мудрости, которую принес Христос³. Для волхвов «Вера» занята и поиском новых ВЕРшин, соВЕРшенств, сВЕРшений, неВЕРоятных дел, посредством которых люди, ограждая себя от ментальной западни, смогут искать пути в смысловые пространства Иного царства. Волхвы видели в человеке незримого соавтора всех мировых процессов, соавтора его спасения в правде вечной мира Иного. Видимо, и русскость — это зародыш православной человечности, а слово «православие» выражает не только «христианскую ортодоксию», но и смысл мира Иного, соединяя в себе слова «правь» (боги) и «славь» (предки).

Православие (а не католицизм, не протестантизм) укоренилось в России потому, что оно включило в себя преображенную мудрость волхвов. Видимо, сохранился и тайный орден волхвов, который проявляет себя в истории России в ее минуты роковые, подсказывая нужные решения власти, армии, народам, церкви.

³ Кстати, а где же был Иисус до восемнадцати лет? Может быть, он странствовал в Индии, Китае, Египте? А может, шел шелковым путем в Северные земли, откуда принес он мудрость и заповеди волхвов? Ведь не случайно же волхвы признали в нем Сына Божьего и человеческого; видимо, он ушел от волхвов с благой миссией оказания помощи страждущим от непонимания мира и самих себя.

Для всего есть свое время. Есть «время разбрасывать камни и время собирать камни» (Ек. 3:5). Но волхвы знали и закон великого перелома внутри времени: есть время для работы времени, когда оно само содействует исцелению нанесенных им же увечий, а есть время для действия вечности, когда она вправляет мозги самому же времени. И против этого закона наука, философия, религия бессильны. Время отрицания мудрости русских волхвов уже прошло, и пора эту мудрость использовать во благо России. И собирание мудрости волхвов, продолжение ее традиции, выведение ее из нави и славы в явь требует сама современность. И Осипов выполняет эту неведомую сверхчеловеческую работу русских волхвов.

И кто знает, может быть, страшная и трагическая судьба христианства, его апокалиптический финиш вызваны не кознями дьявола, а это есть божественное возмездие губителям волхвов. Массовое уничтожение волхвов в Киевской Руси вызвало и внешнее возмездие, ибо Батый — это не просто завоеватель, а Бич Божий, карающий за убиение мудрости. Избиение младенцев Иродом продолжилось избиением волхвов в Киевской ойкумене и продолжается поныне звериным уничтожением русских носителей царства Иного, в которое банд-еровцам никогда пути не будет.

Ожидать от современного научного сообщества понимания и признания идей, творческих решений Ю.М. Осипова, ожидать от него приятия Иного знания, подрывающего устои недоношенной падшей мудрости Запада, наивно. Видимо, про себя оно думает: «Да за что же нам такое наказание Божье, этот Осипов со своей шаманской философией хозяйства и софиасофией?! А что завтра он принесет из мира Иного нам, живущим и живущим лишь в этом мире, не нуждаясь ни в каком Инознании? Что с ним делать?». Злобное молчание, и скрытое удушение тех, кто нарушает монополию «правильного понимания» экономики и жизни людей, да еще владеет при этом какими-то тайными опас-

ными знаниями, могущими раскрыть и отнять святую беззаботность и безответственность экспертов.

В творчестве Ю.М. Осипова, вдохновленного Софией Премудростью Божьей, русская мысль и русское самосознание достигли вершин, на которых еще не бывало современное сознание, еще не взбирался ум людей. Поэтому увиденные с этих вершин и помысленные им реалии имеют непреходящую ценность для выхода из тупика западной цивилизации на пути мира Иного. И когда Россия начнет изучать свое древнее Писание, восставшее из нави в творчестве Осипова, она ужаснется океану лжи, вылитому на нее мировыми религиями, историческими идеологиями.

Самый сильный отпор исконным врагам России может нанести единение мудрости русских волхвов с православием, наукой и технологиями, ибо это будет отпор на предельно обобщенных уровнях управления и *Endkampf*. Идея Иного мира несет русским народам высшее смысловое пространство, освобождая их из информационного болота, в которое их погрузил Запад. Переход к целостной русской мудрости сбросит все лживые ценности, которыми Запад отравил сознание русских народов; это будет апокалиптическим очищением смыслового мира России, обогащение ее ценностями мира Иного. Без перехода в новое смысловое пространство русские народы станут стадом клонов и биороботов в руках европейских содомитов. Восстановив целостность своего ума и сознания, мы вовлекаем в борьбу за русскую правду исполинские силы нашей традиции, воплощенной в мудрости волхвов, не порывающих дружеских связей с небом.

Здравия Ю.М. Осипову и змеям, охраняющим его мудрость!

Кто такие волхвы? (Притча)

У землепашца спросили, кто такие волхвы.

— Волхвы, — отвечал он, — это люди колоссальной плодovitости, ибо они знают творящую мудрость Земли и работают заодно с ней.

О том же спросили у купца.

— Волхвы, — отвечал купец, — это те, кому принадлежат все богатства мира, ибо они знают суть богатства. Обычные богачи имеют все, кроме самих себя; волхвам же ведома святая сила, творящая праведное богатство! А потому они владеют истинным богатством, которое связывает их с неотъемлемой силой богов. Настоящим богатством являются истинные Имена вещей, людей, деяний. Правило волхвов: «Не запятнай свое Имя» воплощает в себе вечное богатство, сокрытое в наших Именах.

Когда о волхвах спросили у воина, он ответил:

— Волхвы — это лучшие из воинов. Волхвы умеют сражаться голыми руками, побеждая своим пониманием даже превосходящего числом врага!..

Древний старец о волхвах сказал:

— Это люди, которые сохраняют здравие и ум до глубокой старости.

А его маленький внук добавил:

— Это взрослые, которых никто и никак не заставит делать бессмысленное!

Дочь старика и мать ребенка сказала: это люди с не запятнанными именами, а потому, не страшась трудностей и угроз, они идут в Иное царство.

Сам же волхв на этот вопрос лишь улыбнулся и промолчал в ответ...

Но за него ответил поэт:

«Волхвы не боятся могучих владык,

А княжеский дар им не нужен;

Правдив и свободен их вещий язык

И с волей небесною дружен».

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Блики и срезы. М.; Тамбов, 2015.
2. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М.: Экономист, 2003.
3. *Осипов Ю.М.* Иное. М.: Экономист, 2006.
4. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. М.: ТЕИС, 2014.
5. *Осипов Ю.М.* Философические откровения // Философия хозяйства. 2014. № 1.

Ю.М. Осипов о софиасофии:

«Софиасофия — не софиология, не разбирательное учение о Софии, это всего лишь идейно-духовно-практическое взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт. Если научник что-то исследует, что-то фиксирует и затем утверждает полученное знание как увиденную и доказанную истину, а обычный философ что-то воображает и затем предлагает принять выработанное им представление за истину, пусть в чём-то сомнительную, а потому и неустойчивую, то софиасоф лишь сосредоточенно взглядывается своим внутренним взором во что-то сокрытое и, осмыслив увиденное, предлагает воспринять его таким, какое оно на самом деле есть... не фактически обнаруженным, как у научника, и не воображённо-обретённым, как у философа, а всего лишь... неожиданно открывшимся! Софиасоф открывает, как это, надо заметить, делают и научник с философом, но открывает... непременно само же и открывающееся, то бишь открывает не как хирург-анатом и даже не как терапевт-аналитик, а как... увь... жрец, волхв, старец, а обобщённо говоря — как мудрец! И тут важно это самое “как”, ибо софиасоф, будучи феноменом современным — не жрец, не волхв, не старец, как и не привычный всем пророк, ибо он, пусть иной раз и собственно мудрец, всё-таки в первую очередь мыслитель, однако... метафизический мыслитель, выходящий за пределы не только науки, но и чисто рассудочной (панлогической) философии, причём выходящий не только по своей субъективной воле, но и по воле всей своей субъектной экзистенции. Кто тут кого находит: мыслитель Софию или

София мыслителя? — сказать в точности нельзя, да и не нужно, ибо схождение тут, безусловно, трансцендентного порядка, оно покрыто, так сказать, если и не мраком, то плотной завесой тайны, ибо... вовсю софийно! Софиасофии нельзя научиться, в неё надо войти, а вот кому, когда и при каких обстоятельствах — никто из смертных, кроме, возможно, явных пророков-мудрецов, не знает. Ясно тут, пожалуй, одно: к Софии с софиасофией путь совсем не скорый, весьма тернистый и вовсю страдательный, а кто же из живущих смертных захочет пуститься по такому-то долговому и рискованному пути, да ещё и в столь роскошное, стремительное и самонадеянное время, каким является время победившего постмодернизма?!»

Ф.И. ГИРЕНОК

Отклик на поэму «Блики и срезы»*

Аннотация. В статье разбирается книга Ю. Михайлова «Блики и срезы». По мнению автора статьи, Ю. Михайлов принципу гуманизма противопоставляет принцип софийности. В человеке главное не личность, а устремленность за пределы человеческого к Софии.

Ключевые слова: современная русская литература, гуманизм, София, абсурд, человек.

Abstract. Yu. Mikhaylov's book «Patches of light and cuts» understands article. According to the author of article, Yu. Mikhaylov opposes to the principle of humanity the principle of a Sofia. In the person the main thing not the personality, and tendency out of limits human to Sofia.

Key words: modern Russian literature, humanity, Sofia, absurdity, person.

У меня в руках поэма «Блики и срезы» Ю. Михайлова. Бреду по «стихобредням». Читаю: «Друг — другой, — такой же, как и я». И здесь же предостережение: «Измена — фактор роковой». Чуть далее: «Как сладостно с друзьями расставаться!».

Мне грустно и зябко. Другого не жалко, потому что другой хочет дать нам форму. Другой определяет нашу сущность. Хотя разве можно жить без другого? Без того, кто обернется на «эй, послушайте». А что, если этот другой в тебе, ты сам? Не отно-

* Михайлов Юр. (Осинов Ю.М.) Блики и срезы. Невразумительное читиво, или Книга ни о чем и ни для кого. М.; Тамбов, 2015. 730 с.

симся ли мы к себе, как к другому? Расстроенный другим, заглядываю в «Ненужное». Выбираю «Блаженство». В нем поэмеинному мудрое признание:

«Теперь — на склоне лет — я понимаю,
зачем отшельники в глуши пустынь гнездятся
и почему уходят старцы из ими вскормленных семей;
они уходят от людей — весьма уже постылых,
как раз туда, где их — людей — поменьше,
а то и вовсе нет...».

В поэме Юр. Михайлова никто не желает кланяться человеку. Мне даже кажется, что здесь его не любят. А ведь еще недавно в человеке искали следы присутствия личности. В поэме ни один блик и ни один срез не напоминает нам о существовании личности. Теперь главное не личность, а человек. Вернее, даже не человек, а устремленность за пределы человеческого, или, как говорит герой поэмы, устремленность к Софии. Теперь мы знаем, зачем уходят старцы и почему они все бросают. Ответ поэмы таков — чтобы «войти в себя, собой побыть». Герой поэмы Юр. Михайлова отворачивается от мира, в котором есть все, но нет нашего «я». Он неуклонно идет к себе, чтобы встретиться со своей самостью. Чтобы однажды заговорить не на языке другого, а на своем языке. Однако тот, кто говорит от своего имени, должен принять как должное непонимание и одиночество. В поэме я нахожу проникновенное:

«Мой голос одинок,
он вопиет в людской пустыне,
среди давно уже глухих
и ничего уже не зрящих».

Как можно жить среди глухих? Либо оглохнуть самому, либо рискнуть пройти через абсурд. Абсурд — это отрицание глухоты. Оглохшие, потерявшие слух не слышат голос Бога. А мы не глухие, ab-surdum, мы еще слышим голос Бога. Тема одиночества развивается неожиданным образом в «Недоуменьи»:

«Я все пишу!
Зачем? Не знаю!».

Бессмыслица для героя поэмы — это не отсутствие смысла. Это возможность его найти, т. е. учредить. Герой Юр. Михайлова все знает. Он говорит:

«Мне никто уж не нужен, да и я — никому!
Сам себя ненавижу, сам себя и люблю...».

И вот в «Памятнике» лирический герой поэмы признается:

«Я зрю — придет еще на Землю гений,
Которого заденет скрытый в текстах смысл...».

Ю.М. Осипов о сознании:

«Действительным достоянием человека, отличающим его от любой вещи и любого животного, как и любого, кроме божественного, контекста, является, если прибегнуть к русскому языку и русской ментальной культуре, не что иное, как сознание, которое есть не так даже собственно сознание, как осознание — себя (человека, включая и само его сознание), а также всего другого, сознанием опосредствуемого (вещей, предметов, растений и животных, жизни и смерти, мира и мироздания, Вселенной, космоса, Бога, Великого Неизвестного, ну и таких феноменов, как материя, пустота, энергия, эфир, ангелы, демоны, дьявол, сатана, как и, разумеется, слово, язык, культура, религия, философия, наука, искусство, техника, цивилизация — что там ещё?). Сознание — вот отличительная особенность человека! Это также возможность иметь в своём распоряжении идеальный, или вообразённый, мир, размещённый прямо в человеке, его сознании: с одной стороны, отражающий всё вокруг, включая самого человека, его сознание, а с другой — состоящий лишь из самого себя, до крайней своей фиброчки совершенно уже человеком придуманный. Оба мира — отражённый и вообразённый, находящиеся в немалом переплетении, сидят не где-нибудь, а в сознании — как в мириадах индосознаний, так и в нескончаемом числе социосознаний. Все эти сознания составляют некую идейно-духовную сферу сознания, обладающую некоторой самостью, или иначе — ноосферу».

В.А. КУТЫРЁВ

Признательное заявление

Аннотация. «Феномен Осипова». Мой опыт общения с ученым, свободным духом, — лидером современной школы философии хозяйства.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия хозяйства.

Abstract. «Osipov's phenomenon». The article presents my experience of communication with the free-spirited scientist who is a leader of modern school of philosophy of economy.

Key words: Yu.M. Osipov, philosophy of economy.

Можно уверенно утверждать, что по случаю юбилея Юрия Михайловича все будут говорить о «феномене Осипова», его уникальности. Потому что так оно и есть. И это будет не уникально, а банально. Мне отдать должное юбиляру тоже хочется, даже очень, но как избежать ненужной никому и ему самому восхваляющей тавтологии — вот проблема. Эта трудность как-то преодолима, если объективный портрет будет складываться из субъективно личного опыта общения с ним.

Оказывается, когда в 1965—1970 гг. я учился на философском факультете МГУ, Ю.М. Осипов был секретарем университетского комитета комсомола. Но мы не пересекались. Только дышали одним воздухом того времени. Секретари Комитета в Высотном здании в представлении рядовых студентов обитали на седьмом небе, да по правде говоря, энтузиасты познания, заря(а)женные стремлением к достижению его идеала, скептически относились к их деятельности. Считаю, что туда шли люди,

променявшие свои творческие таланты на социальную карьеру или вовсе их не имевшие. Случай Ю.М. свидетельствует, что это упрощенное (само)мнение теоретических волков-одиночек, каким студентом был я и, может быть, остаюсь, способных жить только в бумажно-виртуальном лесу. А реально в данном факте его биографии, по-видимому, дала о себе знать предпосылка к роли ученого-организатора, когда в человеке счастливо соединяются мыслительные и волевые качества. Тогда мы имеем харизматических лидеров, создателей школ и направлений, теоретиков-учителей. Большая редкость, особенно в сфере гуманитарного знания.

Но вот получилось. Экономика и философия, производство и культура рассматриваются в работах его самого и последователей во взаимной связи, вернее нет, не «в связи» отдельных сущностей, а как напряженные стороны одного = единого континуума Хозяйства. Это именно то, чего не хватает современным экономистам, оснащенным изощренным математическим аппаратом раз за разом абсолютно точно решающим множество мелких проблем по пути к основной ошибке. Потому что даже не ставят задачи считаться с политическими (это был бы уже марксизм, «преодоленная» политическая экономия), психологическими («субъективизм», недопустимый в точных науках), культурными (веберовский «идеологизм») особенностями какой-либо страны или эпохи. Из-за чего экономические кризисы всегда застают их как простых обывателей — врасплох — и не предсказываются никакими нобелевскими лауреатами по экономиксу.

Философии хозяйства тоже вряд ли стоит претендовать на подобные предсказания. Она, однако, хотя бы правильно ориентирует нашу мысль, показывая, что дело здесь не в количественной «точности», а в качественной адекватности представлений о происходящих процессах, т. е. в учете их многомерного, нелинейного характера. Что содержанием жизни, в том числе со-

циальных отношений, является не один эгоистический интерес, чистый разум и логика, а Дух народа и времени, включающий в себя кроме знаний и сознания — бессознательное: веру, страсти, желания, иногда свободную волю, а чаще... Рок — как объективную детерминацию настоящего будущим. Если не решать, то хотя бы размышлять, не манипулируя формулами в пу(чи)стоте, а пытаясь сохранять себя, адаптироваться в этом сверхсложном хаосе — уже полезно, более содержательно и, в конце концов, более интересно.

В плане интересной, необычной мысли Ю.М. Осипов действительно уникален. У него много неологизмов, но не из слов, а из смыслов и идей. Слова потом. Очень свободный дух, совершенно не боящийся нарушить правила научного письма. Многим другим это бы не сошло, сочли неакадемичным, «непечатным», а тут почему-то получается красиво. «Остранение», которое освежает привычные и раскрывает новые возможности языка. Русского, родного. Дар стиля. Такой, что кажется, будто он пишет лучше, чем говорит. Талантливый человек, как правило, плодотворен, отсюда обилие статей, эссе, книг, при этом не по одной экономике, но и культурологического характера, о художественной литературе, по философии. И всегда получаешь «удовольствие от текста».

Здесь уместно признаться, почему, несмотря на нередкие предложения написать рецензию на ту или иную его философскую монографию, я от этого уклоняюсь. Признаться добровольно и честно, не нуждаясь в детекторе лжи. У меня получают рецензии, если они в основном критические. В отношении работ харизматического лидера, который сделал лично для рецензента много доброго, покровительствуя провинциальному автору (включен в редколлегию журнала «Философия хозяйства»), избран действительным членом Академии философии хозяйства,

награжден серебряной медалью имени С.Н. Булгакова и прочее), который, по крайней мере, по статусу, еще и младше его, настроиться на критический лад трудно. Не за что зацепиться, возмутиться, озлобиться. Не хочу, хотя, кажется, Автора это иногда удивляет. Но надумывать текст, боясь как бы (не)обидеть, балансируя среди плюсов и минусов, никому не нужно. Не могу.

Могу лишь не удержаться от одного, скажем так, предостерегающего соображения. В последнее время при рассмотрении тех или иных болезненных, тревожных для судеб человечества вопросов в его работах появляются некие упования на «Иное», которое придет на смену существующим угрозам, злу (в экономике, обществе, человеке). Это *иное* будет более совершенным, может быть, и телесно, тем идеалом, к которому надо стремиться. Таких упований все больше. Но если помнить о контексте, то: с учетом реальных тенденций отрицания существующего человека и замене его «усовершенствованной моделью», что предлагается в трансгуманизме и без(д)умными технократами вообще, разговоры вокруг *иного* фактически означают отказ от идентичности человека как такового и соответствующего ему жизненного мира, нашей = Homo Genus онтической реализации возможного. Это благие намерения, которые де факто означают «скольжение к антропологической границе» (С. Хоружий), или, как я позволил себе в одной книге утверждать, к Mortido. Влечение к смерти. Как обычно незаметно, они ведут в ад, the road to Hell. «Инонизм» — путь самоапокалипсиса, пролагаясь и подпитывая себя теоретически, он параллельно перерастает в социально-антропологический.

Юрий Михайлович, пожалуйста, не надо. Игра с огнем. Давайте защищать *этого* человека, его уникальное «несовершенное совершенство». Иное, иные позаботятся о себе сами. Роботообразные уже заботятся. Кто умственно не ослеп, может видеть, как идет восстание техноидов. Подумайте, в московском метро те-

перь не просто всех наблюдают, а «отслеживают нестандартное поведение». По выражению лиц, по жестам. Будут выхватывать и допрашивать. Все под предлогом «борьбы с терроризмом». По программам «совершенный — безопасный город». То же самое будет с улицами. Чипизируют собак, вот-вот начнут очиповывать детей, «чтобы всегда знать, где находятся», в передовых странах всех — сначала «на рабочих местах», потом чтобы жить в «умных домах», потом... Каждый день поток сообщений о новых и новых достижениях по манипулированию человеком. Я уже не говорю, что намереваются делать и делают с нашими головами, превращая образование в программирование. Дистанционное. Посмотрите на лица руководителей этого процесса — они все еще похожи на людей, но их сознание перезагружено, переформатировано силами иного. Его первые типичные носители, легкие зомби. Потом придут undead, тяжелые. Понятно, почему они не любят философию, в том числе и хозяйства. Любые размышления сверх технологий, мировоззренчески дальше хода e-2—e-4, о целях и смыслах деятельности, для них опасны. Все как в антиутопиях и пугавших голливудских фильмах о порабощении человека техникой. Теперь, кажется, подобных перспектив перестают бояться. Миром, живыми людьми начинают править их отрицательные герои. Революция мутантов!

И последнее, хотя не совсем праздничное, скорее рабочее заявление признательности юбиляру как забота о дальнейших перспективах его дела. К несчастью для индивидов и к счастью для рода, люди не бессмертны. Происходят обновление жизни, смена поколений. Мне, рядовому соратнику Центра общественных наук, причисляющему себя к сторонникам философии хозяйства, хотелось бы более явственно видеть, как лидер этой школы пестует своих преемников, продолжателей его идей и дел. Находит, выдвигает их, как они его теснят, «подсидывают»,

постепенно забирая себе руководящие функции. Готовятся поддержать «бренд» создателя школы, который, отбирая лучших, снисходительно им потворствует (возможно, это происходит, я просто не знаю, издалика не видно). Философия хозяйства в любом случае останется в истории, по крайней мере, российской теоретической мысли, но хотелось, чтобы ее высшие достижения были подхвачены последующими консервативными носителями будущего, способными бороться за сохранение настоящего и памяти о прошлом. За бытие, а не прогресс ради прогресса в ино(ни)куда. Так продлимся.

Итак, продлимся...

Осипов о российском в российском:

«А есть ли оно вообще — это самое российское... в российском? Не фантом ли это — Россия, не иллюзия ли, не прозрачная ли дымка, если не плотная ли мгла? Не так-то просто ответить на столь коварный вопрос, но ежели обратиться... нет, не к истории, якобы всем известной, и не к текущей действительности, ещё более всем де известной, а к сокрытому в недрах историческо-внеисторического феномена метафизису, разумеется, в его истоках, конечно же, трансцендентных, то и почуем вдруг неисчислимую древность природы, языка, культуры, их уже архетипичность, то самое, что надёжно запряжено историей и умело прикрито текущей действительностью, а именно — что мы все — русо-русичи-русские-россияне — совсем не эти и не те, а иные, то бишь уже бывали иными... э-эх... хотя бы ведийцами-язычниками... кем там ещё?... да не просто бывали, а и остались таковыми... пусть и только субстанцией в виде идеи, концепта, проекта, следственно, и фантома, и иллюзии, и дымки, и мглы. И коли уж говорить о будущем, в которое может вдруг устремиться Россия, то это будущее... не станет ли попросту... воспоминанием о давно прошедшем и возвращением к вроде бы навсегда уже ушедшему? А ведь очень похоже, очень! Недаром же идём, пошатываясь и озираясь, сквозь мерзости разверзшегося ныне бешенства, прозревая очумело вовсе не какой-то там рай земной, а всего лишь... софийное Иное».

В. ДРАШКОВИЧ

Великий создатель

Аннотация. Знакомство с удивительным человеком с широкой русской душой — творцом, создателем, ученым, борцом за истину, философом хозяйства Юрием Михайловичем Осиповым.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, ученый, творец, философ хозяйства.

Abstract. The article presents an acquaintance to an amazing person with a Russian soul who is a creator, a scientist, a fighter for truth, a philosopher of economy Yuriy Mikhaylovich Osipov.

Key words: Yu.M. Osipov, scientist, creator, philosopher of economy.

Четверть века назад я начал читать лекции в Школе магистров экономического факультета МГУ. Тогда профессор А. Худокормов познакомил меня с представительным, седым, пятидесятилетним коллегой, который встретил нас сердечно, с улыбкой и искренней добротой, был простым, как и все великие создатели, непосредственным, близким и гостеприимным. Необычно обычным. На стенах его кабинета — пейзажи России, пронзительные и многомерные, множество журналов и книг, стопки газет на столах. Я сразу же увидел специфическую и широкую русскую душу. С тех пор всегда, когда бываю в Москве, что бы ни происходило, несколько часов провожу с ним. Только одно свое обещание он пока не выполнил — не приехал в Черногорию! Но сказал, что обязательно приедет!

Нелегко писать об универсальных и изобретательных авторах — таких, как Юрий Михайлович Осипов. О нем уже все известно, все уже сказано и написано. Больше всех о себе сказал он сам — своими гениальными произведениями различной тематики и содержания. Его необыкновенные, продуманные тексты — мудрые и оригинальные, с особым стилем, смелыми параллелями, метафорами, иронией, критикой, историческими аналогиями, философскими интерпретациями и объяснениями физической и метафизической реальности, необычными идеями и т. д. делают его научные опусы очень редкими и долговечными. Профессор провоцирует читателей, рождает в них вдохновение, волнение и восхищение, вызывает жажду читать его вновь. Я убежден, что каждый знающий и читающий его человек мог бы сказать: цель его работы — борьба за правду, Россию и православие, за уважение знания.

Целенаправленные научные тексты Ю.М. Осипова предназначены в основном для профессионалов. Их понимание требует глубокого знания философии, истории, экономической теории, истории экономической мысли, философии хозяйства и ряда других важных экономических дисциплин. Синергия этих дисциплин и является тонкой нитью, из которой соткана научная душа его трудов.

Это как раз тот отличительный, честный, крайне открытый, убедительный и компетентный способ, которым профессор Осипов доказывает, что экономика не мистика, не секрет, даже не ценность Божья. А Бога он упоминает, я думаю, из-за отсутствия хозяина, интересного и оппортунистического поведения, которое на практике — всегда и по существу — монополистическое, а в теории сопровождается «алиби-апологетикой». Он справедливо замечает, что это приводит к сокращению выбора и свободной конкуренции, извращению экономической реальности, доми-

нированию лоббистически-сетевого меньшинства, которое беспощадно контролирует, эксплуатирует и маргинализирует дезорганизованное большинство. Он все это мастерски, смело и умно критикует.

В поисках Истины профессор интеллектуально раскрывает философские и реальные различия между кажущимся и реальным. И не только различия, но даже туманную границу, которая часто лежит под слоями ошибочных и/или рассчитанных интерпретаций, заблуждений, догм, невежеств, бесплодных разработок, апологетических объяснений и многого из того, что я часто называю «экономическим klototrizmom (бульканьем)», — мягко говоря, «продажей тумана». Современные «klototristi» (бульканисты, «продавцы тумана») больше всего похожи на вечных коммунистов, так как безгранично и нечувствительно потребляют нерыночно заработанное богатство и используют ту же большевистскую идеологию: говорят одно, думают второе и делают третье. Вероятно, Ю.М. в своем собственном стиле здесь добавил бы: они не заботятся о Боге, об Истине, о неравенстве, бедности, проблемах, кризисах. Они не соблюдают правила игры и приводят к неоколониализму, полному контролю и неоимпериализму.

И опять же, в его литературном стиле одно из моих (комплиментарных) замечаний: может, В.И. Ленин нашел вечную экономическую истину в своем гениальном и пророческом труде «Империализм как высшая стадия капитализма»? Потому что, как мне кажется, история действительно повторяется в своих мрачных прогнозах. Разве неконтролируемые центры силы империалистически не злоупотребляют ею в своих собственных интересах? Разве экономическая свобода, конкуренция, частная собственность и предпринимательство как массовые явления не остались только лозунгами и обещаниями? Разве государственная собственность не разрушилась в спешке и

не превратилась в частную собственность немногих привилегированных групп лиц?

По этим причинам, возможно, в контексте поисков истины Осиповым следует эту истину искать в безответственности государства в период постсоциалистического перехода, когда она была инструментом на службе редких (привилегированных) пользователей и когда она имела покровительственно-перераспределительную роль, скрытую под обличьем неолиберальной (квазирыночной) стратегии.

«Прогулка», «променады» Ю.М. Осипова по философии хозяйства грамотно ведет по главным магистралям и дорожкам, раскрывая практические и теоретические ошибки современной экономической политики государства, критикуя ее различные аспекты. Это настоящий академический способ разоблачения всех мифов, догм и неграмотных поворотов в науке и практике и указывания на экономические и стоимостные альтернативы. Он вложил огромные творческие усилия и энергию как автор, организатор, руководитель и издатель в не самое благоприятное для книги и для творчества время. Долгий и общий кризис искал стоимостные критерии, предпочтения, потребности и мотивации, обремененные борьбой за выживание. Это увеличивает научный вклад и важность больших и малых произведений Ю.М. Осипова, которые переживут время.

Многие его произведения являются «праздниками» российской экономической и философской мысли. Праздники существуют, чтобы их отмечали. Мне повезло — я счастлив — как его друг и автор его изданий могу быть одним из участников в этом праздновании.

Поздравляя Юрия Михайловича с 75-летием, хочу, чтобы он был здоровым в течение длительного времени и всегда творчески настроен! Я держу тост для его будущих праздников!

Осипов о России:

«Идея России... в самой России! Никакой иной идеологии у России нет: ведичество, православность, коммуно-марксизм — всё это если и не одежды, то не более чем идейные облики, но никак не сердце, ибо сердце тут только одно — РОССИЯ, причём никак, собственно, не расшифровывающееся, ибо одна ЛЮБОВЬ тут, которая никакой расшифровке, даже и интеллект-трактованию, не подлежит. Никто из искренних (и от искры тоже!) россиян не знает, что это такое — Россия, да и знать не хочет, и не надо этого знать, ежели оно — это самое это — с молоком матери у каждого искреннего россиянина прямо в сердце и сидит, как, собственно, у того или иного внутреннего антироссиянина замечательно сидит в его бледном сердце та же анти-Россия, частенько и вкупе с такой в общем-то понятной к России ненавистью. Крестьянин, рабочий, любой вообще трудящийся, даже и очень учёный, Россию попросту любит, над этим особо и не задумываясь, хотя каждый хорошо знает, как трудна Россия, как страдательна Отчизна, как бывает к детям своим строга и беспощадна, даже и несправедлива; любят Россию, хотя и более осознанно, многие пришельцы, даже и гастарбайтеры, ибо находят в ней мать, а кое-кто и отца: ценят Россию и ею дорожат, благодарные; зато терпеть не может Россию местная (аборигенная) интеллигенция, вскормленная западным просвещением и с умилением взирающая на Запад, а многие цветастые поэты с выкрутасными художниками и ваятелями Россию вполне чистосердечно ненавидят, что не значит, что поводов не имеют, как раз имеют, и очень много имеют — не выходит у них взаимности с Отчизной и не теплится в их помрачённых душах любви к Родине — тут уж ничего

не поделать! России как идеи, а уже тем более идеи как России, для образованцев-просвещенцев не существует, что и понятно — не признавать же им за великую отменную реальность всю эту пустоту, это ничтожное ничто, эту жалкую иллюзию! Да, Россия была, есть и, по-видимому, ещё будет — эта большая внеисторическая несуразица, и с этим приходится считаться, но Россия эта вовсе не для тонких, сложных и вольнолюбивых-де персоналий, то бишь не для шибко калиброванных людей, а всего лишь для примитивных... э-э... росо-русичей-русских-россиян, предназначенных лишь для презрения, эксплуатации и ограбления. Где она — Россия — как страна, как тело, как душа? Нет её, нет, а есть лишь какое-то неживое пространство с мириадами его полумертвых насельников, даже не некрополь, не кладбище, а попросту застывший во мгле... аид! И бежать надо из России, бежать, лучше, ежели ещё и деньжат с собой прихватив, капиталец, золотишка какого, в общем — благ, которых на Западе просто так массе бегущих уже не раздобыть. И бегут, и несут с собой, и даже там как будто бы процветают!»

В.М. Кульков

Неортодоксальный взгляд на экономическую жизнь

Аннотация. Анализируется современное развитие отечественной неортодоксальной линии экономической науки. В этом русле раскрывается значение философии хозяйства и национально ориентированного подхода. Подчеркивается особая роль, которую играют в этом процессе научные труды Ю.М. Осипова. Показаны их актуальность и востребованность.

Ключевые слова: неортодоксальная экономическая наука, философия хозяйства, экономическая теория, национально ориентированный подход.

Abstract. The current development of the domestic line of heterodox economics is analyzed. In this vein, the value of the philosophy of economy and national economy oriented approach is disclosed. The special role of Yu.M. Osipov's scientific works is emphasized in this process. Their urgency and relevance is shown.

Key words: heterodox economics, philosophy of economy, economic theory, national economy oriented approach.

В начале 1990-х гг., в период начавшихся радикальных рыночных преобразований, резкой смены ориентиров и ценностей, в сложном положении оказалась и отечественная экономическая наука. Перед ней тогда во весь рост встал вопрос: заниматься лишь копированием, ретрансляцией сложившихся на Западе ортодоксальных научных направлений и учебных методик (а именно это активно внедрялось и поощрялось в то время) или отыскивать и разрабатывать другие направления, отражающие и особен-

ности национального экономического мышления, и научно-образовательные традиции, и весь комплекс национально-специфических условий, присущих России.

Первое направление выразилось, прежде всего, во внедрении западного мейнстрима в форме «Экономикс», представляющего собой со времен П. Самуэльсона сочетание неоклассической микроэкономики и преимущественно кейн-сианской (с последующими дополнениями) макроэкономики. И хотя на Западе существовали и развивались направления, не входящие прямо в мейнстрим (институционализм, посткейнсианство, постиндустриализм, новая политическая экономия и др.), но они либо занимали скромные, маловлиятельные позиции, либо понемногу захватывались неоклассикой путем «экономического империализма» (отчасти это можно отнести к неоинституционализму, в большей степени — к новой политэкономии — в частности, к теории общественного выбора, а посткейнсианство, особенно в его последних версиях, научилось ладить с новыми классиками). Мейнстрим (а в расширенном смысле — и аффилированные с ним течения) можно назвать ортодоксальной экономической теорией. Мейнстримом советской экономической теории, ее ортодоксией, была, безусловно, марксистская политэкономия. По большому счету, к ортодоксальной теории можно отнести все то, что опиралось на наследие классической политэкономии (а это и неоклассика в широком контексте, и марксизм), хотя в узком смысле ортодоксальное начало и неортодоксальные ветви можно найти в разных учениях (и в марксизме, и в кейнсианстве, и в др.).

Возвращаясь к новому российскому времени, отметим, что оно началось (и во многом имеет продолжение до сих пор) с взаимной критики двух мейнстримов (ортодоксий) — неоклассики и марксизма. Это был, другими словами, спор «Экономикса»

и «Капитала», в который до сих пор можно «подбрасывать» новые аргументы и контраргументы. Этот спор имеет важное теоретическое, методологическое и идейное значения. Но он сужает координаты анализа, заставляет долго топтаться на одной и той же «поляне», смотреть вниз на одни и те же «грядки». Но можно поднять глаза вверх, посмотреть широко вокруг и увидеть нечто новое, непривычное. Иначе говоря, бросить неортодоксальный взгляд на экономику. И выражением такого взгляда стала философия хозяйства, разработки в рамках которой стали активно вестись, начиная с 1990-х гг., в рамках Центра общественных наук при МГУ, лаборатории и журнала с одноименным названием под руководством профессора Ю.М. Осипова. Можно сказать, что философия хозяйства, опирающаяся с самого начала на историческое наследие С.Н. Булгакова, стала одним из очень немногих самоценных, самобытных и оригинальных результатов современной социально-экономической мысли России. Она смогла расширить и обогатить отечественное обществоведение в очень непростой период его существования.

То, что берет Ю.М. Осипов из булгаковского наследия, — это сложное, многоплановое, многомерное и многосмысловое видение мира, выходящее за пределы любого миропонимания, особенно сугубо «научного», модельно-упрощенческого; при этом в основание мировидения кладется основанное на православной традиции и воплощенное в учении о Софии понимание мира вместе с человеком в нем как благодатного мира. Философия хозяйства выступает не просто как приложение философии к определенной сфере бытия и знания (в нашем случае — к экономике, хозяйственной жизни), а, прежде всего, как особое миропонимание. Хозяйство выступает здесь как образ бытия человека, как основание его жизни и социокультурный феномен, как взаимодействие экономического и неэкономического начал, как присутствие духовной доминанты. Ю.М. Осипову как никому дру-

гому, удалось понять суть этого миропонимания и научно реализовать его в своих трудах и подвижнической деятельности.

Но следует отметить и то, что философия хозяйства, помимо своей собственной мировоззренческой и научной миссии, в силу своего уникального потенциала подпитывает и обогащает другие — альтернативные современному мейнстриму — направления, позволяет продвинуть представления и о собственно экономических вопросах и категориях. Это хорошо видит Ю.М. Осипов, который в рамках возглавляемого им Центра активно организует обсуждения и по конкретным экономическим проблемам. Это, в частности, нашло свое отражение в многочисленных научных обсуждениях по такой масштабной по своему характеру категории, как стоимость.

Прежде всего, философия хозяйства обогащает политическую экономию, помогает ей выйти из того периферийного поля, куда оттесняет ее мейнстрим, и из того узкоэкономического поля, куда ее нередко подталкивали сами радетели чистоты предмета политэкономии, в котором, по их мнению, не должно быть ничего, кроме производительных сил и производственных отношений. Политэкономы, сумевшие вобрать в себя потенциал философии хозяйства, расширяют свой предмет за счет цивилизационных начал, факторов неэкономического характера, междисциплинарных соприкосновений — и тем самым открывают новые возможности политэкономического анализа. Такая подпитка очень важна для развития политэкономии, способна придать ей новое, недостающее дыхание, расширить и укрепить ее неортодоксальный потенциал.

Политэкономия должна смелее выходить на новые поля, которыми ранее пренебрегала, высокомерно считая их предметом других наук, кичась своей настойчивостью в борьбе за чистоту своего предмета и тем самым проигрывая здесь активному и

масштабному наступлению неоклассического «экономического империализма». Для преодоления укрепившейся за многие годы в политэкономии закомплексованности следует больше внимания уделять междисциплинарным вопросам, уходить от узкоэкономического подхода, учиться использовать свой инструментарий для анализа разных сфер жизни, и здесь для политэкономии будет очень кстати внешняя (междисциплинарная) подпитка — в том числе от философии хозяйства.

Особо следует выделить направление, с которым может наиболее плодотворно взаимодействовать философия хозяйства, — это теория национальной экономики (в другой терминологии — «национальная политэкономия», по Ф. Листу и исторической школе в целом). Сам С.Н. Булгаков считал указание на то, что экономическая жизнь протекает в рамках национального государства, «бессмертной заслугой Ф. Листа».

В конечном счете, речь идет о «национально ориентированном подходе» в общественных науках, в том числе и в экономической теории. В наиболее общем виде смысл этого подхода заключается в необходимости учета и теоретического отражения всей совокупности национально-специфических условий, присущих стране. Базовой характеристикой такого подхода выступает не просто стандартная экономическая система, а национальная экономическая система, которая с самого начала берется в единстве с присущими стране национальными условиями: экономическими и неэкономическими факторами, жизненно необходимыми стратегическими целями национального развития. Такой подход, с одной стороны, органично вытекает из философии хозяйства, из исповедуемой ею многомерности анализа и включенности в этот анализ социокультурной, духовной составляющих, а с другой стороны, становится все более востребованным по общемировым (усложнение мировых реалий, обострение противоречий глобализации и др.), национально-российским (усложнение положения России, обострение проблем национальной эко-

номической безопасности и др.), научным (прежде всего, возросшая необходимость разворота к реальности) причинам.

Национально ориентированный подход проявляется в итоге в патриотизме, в ориентации на национальные интересы России, на службу Отечеству. Центр общественных наук во главе с Ю.М. Осиповым стал одним из заметных очагов такого подхода в нашем обществоведении. Такой патриотизм не противоречит критериям научности: он опирается на мощное духовное и интеллектуальное наследие, на всю совокупность национальных условий, характерных для России, на объективность мирового статуса страны, национальных интересов и национальных целей развития.

Можно сказать, что указанный подход во всем его богатом наполнении отражает (наряду с философией хозяйства) еще одну самобытную линию развития отечественной экономической мысли, еще одно выражение неортодоксального взгляда на экономическую жизнь, и к нему также приложил свою руку Ю.М. Осипов. Исторически этот подход (начиная с исторической школы) никогда не был в пространстве мирового мейнстрима, у нас его выбивали на обочину в «лихие девяностые», не стал он по-настоящему укорененным в России и в наши дни. Но каждый неравнодушный к судьбе Отечества ученый-экономист должен понимать важность и необходимость такого подхода к национальной экономике, к экономической и в целом общественной жизни своей страны.

Важно и то, что оба представленные здесь неортодоксальные направления — и национально ориентированный подход (более предметно — теория национальной экономики), и философия хозяйства — способны дополнять и развивать друг друга.

Так, философия хозяйства дает теории национальной экономики широту координат, междисциплинарность подхода, раскрывает метасмыслы экономического бытия, формирует опреде-

ленное духовно-интеллектуальное поле экономического анализа. Она предотвращает уход этой теории, с одной стороны, в политэкономическую ортодоксию, а с другой стороны, в национально-хозяйственную эмпирию (чем отчасти страдала в свое время немецкая историческая школа).

Но есть и обратное благотворное влияние, поскольку, в свою очередь, теория национальной экономики может предотвратить философию хозяйства от опасности ухода в схоластическое теоретизирование (в форме схоластики трансцендентальности, софийности как таковых). Но это может быть преодолено именно выходом философии хозяйства на проблематику национальной экономики, на российский контекст жизни. И, как представляется, именно во взаимодействии этих двух направлений во многом состоит залог теоретических и практических успехов российской экономической мысли. К тому же указанное взаимодействие усиливает и фундаментальность экономического образования.

Подытоживая анализ творчества видного современного российского ученого, подвижника и патриота, профессора Ю.М. Осипова и возглавляемых им творческих коллективов, отмечу, что для меня оценка его трудов и деятельности связана, прежде всего, с развитием неортодоксального направления экономической и в целом общественной мысли в России. Конкретными выражениями этого направления стали, как уже было отмечено, философия хозяйства, национально ориентированный подход, а также неортодоксальный взгляд на ортодоксальные категории (типа «стоимости»). Развитие этого направления позволило расширить координаты научного анализа, обогатило отечественную мысль, снизило однообразие и монополизм в экономической теории, оздоровило научную среду. Все это сыграло и продолжает играть огромную позитивную роль.

Осипов об экономике:

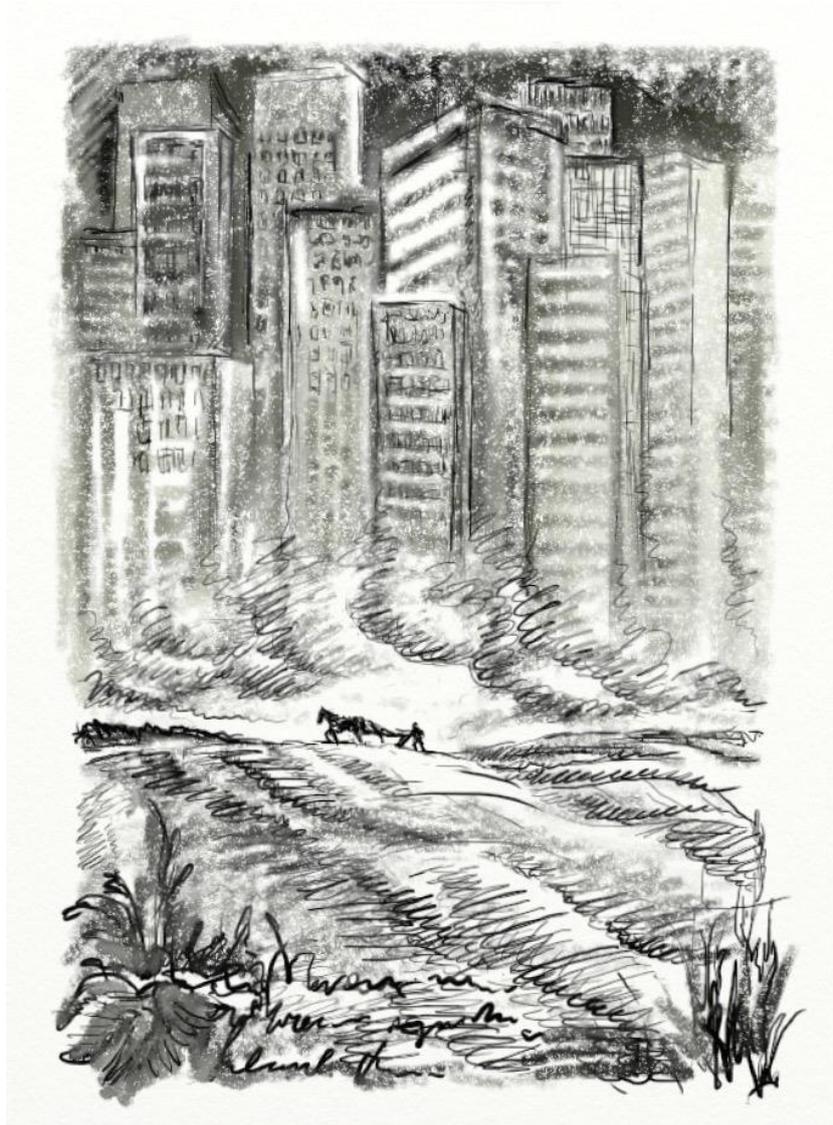
«Экономика — сама себе субъект, сама себе причина и следствие, сама себе произвол и бред, сама же себе польза и эффективность!»

Заметим, не пресловутый вовсе рынок, а именно экономика! Рынок, если он и есть — компонент экономики, а экономика — это все сразу! Решают не рынки (они лишь “подрешенивают”), решает экономика как целое, которая есть поле, ноосфера, “море-океан”. Общественное сознательное и коллективное бессознательное; мировое масштабное счетно-решающее устройство; гигантский массивный мозг вкупе с необъяснимой “душою”. И каждый субъект — частица, элемент, часть, компонент, агент, актер, центр, узел, но при этом и конкурент, разбойник, командор, конкистадор, бандит, рейдер, жулик, махинатор, мошенник... не слабо, правда же? А то в чистой науке лишь продавцы да покупатели, как и просто “выгодники”, еще и зависящие-де от издержек, цен, предложения и спроса, полезностей и т. п. “убаюкивающих» “знатоков” экономики штучек!

Экономика — война, мир-война, мировая война! Война реальная, виртуальная, фиктивная и дефективная одновременно. Одна реклама чего стоит! А обработка сознания? А мириады запускаемых “дез”, “дымовых завес”, “дурочек”? И после всего этого экономика, эта совершенно преступная магия, прикрытая товаром, деньгами и полезностью, оправдываемая необходимостями, законами и потребностями... не бред?

Экономика — истинное зазеркалье, где рядом с реальностью не просто ее обслуживающая ирреальность, а скорее — лишь видимость самой этой ирреальности, но уже не обслуживающей экономику, а над нею... господствующей. Экономика — это всего лишь стоимостное хозяйствование, реализуемое ради... стоимости, где сама стоимость уже мощное зазеркалье, а что говорить об экономике в целом, на этом зазеркалье замешанной и без меры помешанной?!»

А.В. КУЗНЕЦОВ

Архитекторам русской максимы

Аннотация. Выдвинут тезис о несовместимости жизнеутверждающих мыслей с их коммерциализацией. Обоснована исключительная роль философии хозяйства как генератора русской цивилизационной максимы.

Ключевые слова: научная школа Ю.М. Осипова, философия хозяйства, русская цивилизация.

Abstract. The article reveals the incompatibility of life-affirming thoughts and their commercialization. The role of philosophy of economy as a generator of Russian civilization maxim is discussed.

Key words: Yu. Osipov' scientific school, philosophy of economy, Russian civilization.

Сегодня мы ежедневно и ежечасно пользуемся плодами трудов и умственных усилий людей, которые жили и творили десятилетия, столетия, тысячелетия до нас, отдавая себе отчет в том, что они работают для потомков.

Именно это объединяет и древнегреческого мыслителя *Сократа*, и древнеримского философа-стоика *Сенеку*, и австрийского поэта *Рильке*, и английского историка *Бокля*, и немецкого мыслителя *Шпенглера*, и многих, многих других.

Сенека свой основной философский труд создал в форме писем к своему другу Луцилию [3]. Рильке гениально раскрыл природу поэтического творчества в «Письмах к молодому поэту» [5]. Бокль, в процессе двадцатилетней работы над главным трудом своей жизни — «История цивилизации в Англии» [1] —

избегал какой-либо публичности, а Шпенглер редко покидал свою квартирку в Мюнхене, в которой и предвидел приход на смену западной цивилизации новой мировой культуры с духовным центром, расположенным в России («третье христианство») [4, 659]. Никто из них в бытовом, материальном плане не обогатился плодами своих размышлений.

Стремление к коммерциализации идей означает уход от служения истине и не совместимо с подлинным творчеством. Да, Сенека и Бокль были людьми состоятельными, поэтому коммерциализация идей их вряд ли бы заинтересовала, но Рильке и Шпенглер, хотя и жили без особого достатка, все же не беспокоились о повышении своего имущественного статуса. Куда в большей степени их мозг занимал процесс формирования оригинального мировоззрения через поиск пространственных и временных взаимосвязей. Сократ настолько был увлечен общением с другими, что не успевал даже записывать свои мысли, которые дошли до нас исключительно из произведений его учеников.

В современном же мире коммерциализация идей превратилась в эффективный инструмент создания «добавленной стоимости». В эпоху высокоразвитых товарно-денежных отношений, вооружившись «железной» логикой и силой убеждения и отбросив моральные принципы, зарабатывать на идеях стало несложно.

В настоящее время искушения «золотым тельцом» не выдерживают многие ученые, писатели и даже философы, которые возжелали получать выгоды от своих идей «здесь и сейчас». Слова-коды с бесчисленным множеством эмоци-ональных комбинаций, эти интеллектуальные импровизации, приводящие слушателей в состояние экстаза, способны создавать сильнейшие образы, которые через ассоциативные потоки нашего подсознания преломляются в самые твердые убеждения.

Человечество неоднократно в своей истории находилось на краю пропасти, но в критические моменты обязательно появлялись личности, которые удерживали его от окончательного падения. Они находили для своих мыслей такие слова, которые проникали в самую глубину человеческого сознания, совершая там чудеса преображения. Выработывая в себе противоядие против порочной животной стороны своего существа, человек встряхивался и возрождался очищенным и обновленным.

Одним из самых замечательных периодов подобных перевоплощений был опыт СССР. Придав жизнеутверждающей мысли четкое словесное выражение через максимум «строительство коммунизма», впервые в истории человечества СССР реализовал на практике новую форму жизнеустройства социума. Вот тогда и был осуществлен прорыв человека в сферу своих внеземных способностей, обеспечивший ему выход за пределы земного существования — в космическое ноосферное пространство.

Но СССР не суждено было долго удерживаться на высоких рубежах из-за неспособности его политической элиты обеспечивать соблюдение главного принципа социалистического общества — «от каждого по способностям, каждому по труду».

Сегодня необходима критическая переработка этого опыта. Мысль материальна. Устремленная ввысь мысль-максима способна увлечь за собой критическую массу населения Земли. Ретранслятором и рупором современной максимы выступают философы хозяйства, перерабатывающие весь массив мертворожденной информации современного экономического мейнстрима в качественно новую субстанцию, очищенную от налета вездесущего утилитаризма, квазирыночной коммерциализации и суеты бытоустройства.

Философия хозяйства оттачивает максимум русской цивилизации — трансцендентной, метафизической, софийной, открытой, гибкой, импровизационной, творческой [2, 20]. Философия хозяйства высвобождает человека из летаргических объятий

космополитического потребительского каннибализма, возвращая его на жизнеутверждающую орбиту русской иномирнической свободы [2, 27].

Роль личности в истории невозможно переоценить. Любая максима требует своего Прометея, Буревестника, Глашатая, Первопроходца, Организатора, Вдохновителя, Покровителя, Скалистой Глыбы, на основании которой кирпичик за кирпичиком выстраивается здание Нового знания и понимания. Все эти качества воплотил в себе Юрий Михайлович Осипов — бесменный инициатор и создатель уникальной интеллектуальной платформы, в течение десятилетий объединяющей разрозненных одиноких, и не подозревавших о существовании столь разносторонних и глубоких едино-мысленников. Без этого универсального форума многие идеи так и остались бы не рожденными и не высказанными, а тернистый путь философии хозяйства не был бы пройден и пережит в умах и сердцах теперь уже многочисленных почитателей творческого таланта и выпускников научной школы Ю.М. Осипова.

Литература

1. Бокль Г. История цивилизации в Англии. Пер. А.Н. Буйницкаго. С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлихъ, 1896.
2. Михайлов Ю. Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.
3. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.
4. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Минск: Попурри, 1999.
5. Rilke R. M. Briefe an einen jungen Dichter. Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 1995.

Осипов о Руси-России:

«Русь-Россия — не страна, конечно, а мир — большой мир, возлежащий на Земле, распростёртый в Пространстве и тянущийся к Небу. Мир внутренне не напряжённый, энергично из себя не интенсивный, хотя и легко и свободно растекающийся в разные стороны — по земле-кормилице да по пространству необъятному. Однако не пренебрегающий и сакральной вертикалью — космической! Находясь в этом — нашем — мире, он отличается какой-то поразительной инаковостью, выделяющей его не просто в этом мире, но и из него. Россия — явно не от мира сего, её родовая печать — иномирность! Она признаёт этот мир, он ей дорог, но не настолько, чтобы его тщательно обустривать и в нём комфортно обустриваться. Бытуя на земле, в природе, осваивая беспредельное пространство, Россия знает, что всё поостороннее тщетно и временно. Она мирится с обыденной неустроенностью, не противится экзистенциальному неблагополучию, признаёт потребительскую аскезу. Знает, что есть он — высший мир, полагает Бога и чтит Софию, признаёт ограниченность и слабость земного разума и поосторонней мудрости. Оттого и не против Христа с христианством — как практически связующих человека с иным миром, с Богом, с Софией. Признавая Христа с христианством, она не отказывается и от своих начальных истоков — что иномирных, что земных. Пра-Русь и прото-Русь — всегда в Руси, всегда в России! Русь-Россия — продукт седой древности, неведомого изначалья, она окрашена и усовершенствована христианством, превращённым ею в православие, но это никак не прямой продукт пришедшего извне и насильно внедрённого греко-византийского христианства — уже в некоторой мере и постхристианства. Русский дух древен, он с незапамятных времён, из самой до-истории! И он жив, бытует и действует — до сих пор!»

К.А. ХУБИЕВ

Научное явление

Аннотация. Впервые предпринята попытка обоснования факта формирования научной школы Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: научная школа, школа Цаголова, школа Осипова.

Abstract. The brief summary: the first attempt to study the fact of the formation of the Osipov's scientific school.

Key words: scientific school, Tsagalov school, Osipov school.

Никогда прежде не испытывал больших затруднений по поводу написания поздравительных текстов по случаю юбилеев коллег и друзей. Иногда это удавалось даже в стихотворной форме. А на Осипове Юрии Михайловиче осекся. Талант, творчество и иные подобные и привычные слова не помогли. Потребовались иные, особенные и индивидуальные характеристики, не похожие на других. После долгих размышлений остановился на *Явлении*, имея в виду таинство и неограниченное пространство для извлечения характеристик, для описания личности Юрия Михайловича.

Высшей характеристикой результатов труда ученого я считал и считаю создание научной школы. Она безусловно относится и к Юрию Михайловичу. Но научные школы создаются разными способами и путями. На совсем еще недавно прошедшей юбилейной конференции на экономическом факультете МГУ пленарные доклады были посвящены научным школам. Школа Осипова не упоминалась. Хотя факт ее существования едва ли

может быть оспорен. Тогда почему же торжествует фигура умолчания? А потому что у Осипова не просто школа, а Явление.

Большинство школ возникает в рамках уже существующих научных направлений. Ландау создал научную школу, но он не создал физику. Рикардо создал школу, но он не создал политическую экономию. На упомянутой конференции говорили о школе Цаголова, школе Татура и др. Но их не называли создателями научного направления. Школа школе рознь. Известные школы и достойнейшие люди их создавшие. Эти и другие школы создавались в рамках уже существующих наук, со сложившейся историей, традициями, накопленным научным опытом. А здесь *Явление*. Ни учителей, ни традиций, ни опыта предшественников. Вспахана целина, щедрой рукой посажены растения и разбросаны семена. Пошли всходы, появились и наметились цветенья. Они еще не доросли до уровня тех, чей возраст измеряется столетиями, на выращивание которых потрачены огромные средства и усилия поколений. В крохотной лаборатории кипит работа и создаются труды, соизмеримые с результатами работы целых институтов. Проводимые конференции уже давно стали площадкой притяжения экономистов философского склада мышления, собственно философов, историков и всех тех, кто имеет вкус к философско-хозяйственному, или хозяйственно-философскому, осмыслению действительности. Ширится география, школа приобретает международное звучание.

Эта школа молодая, но иногда амбициозная и даже задиристая. Почувствовав твердую научную почву под ногами, она бросает вызовы направлениям науки, которые годятся ей в отцы и деды. Вызовы эти, хотя порой и дерзкие, но с выдержанной корректностью и достоинством. Поначалу это кажется наивностью времен становления. Научный малыш чешет зубки. Однако не все так просто. Загадка в таком поведении была. Малыш ли это? Ответ для меня появился из опыта исследования научной школы

вообще. Я пришел к выводу, что одним из самых главных признаков научной школы (наряду с наличием лидера, публикаций, сторонников и др.) является ее методологическая самодостаточность. Если школа методологически самодостаточна, она чувствует себя уверенно в любом научно-исследовательском и полемическом пространстве. В свое время школе Цаголова удавалось отстаивать и развивать свои позиции благодаря тому, что она была, прежде всего, методологически самодостаточна. Поэтому был свой системный взгляд на предмет. И теперь, благодаря этому качеству, ее представители имеют свой взгляд на исторически переломные события недавнего прошлого и настоящего. Об этом написано в материалах той самой юбилейной конференции.

Методологическая самодостаточность дает основание школе Осипова вести себя в научном и полемическом пространстве уверенно, самоуверенно, а иногда и дерзко. Пусть оппоненты попробуют оспорить позицию Юрия Михайловича, если он стоит на выработанной собственным трудом методологии и при этом ему никогда не отказывают интеллигентность и благородство. Явление, однако! Много ли сейчас на факультете методологически оригинальных и самодостаточных научных школ? На юбилейной конференции, посвященной 75-летию факультета, на счете «три» возникали большие затруднения. А тем, кому удавалось продолжить счет, приходилось отходить от важнейших качеств, формирования научным сообществом оригинальных научных коллективов. Но не было названо ни одной новой научной школы, которая была бы создана за последние четверть века. Вместе с тем, если бы был поставлен вопрос о возникновении за этот же период заимствованных и имитационных школ, счет пошел бы на десятки! Но так вопрос никто не решился поставить. Мотивами этой же нерешительности, возможно, и объясняется фигура умолчания. Имитационная и копировальная научная машина едва ли распо-

ложена к признанию того, что имеет безусловную оригинальность, к тому же с отечественными корнями.

Еще одно таинство есть у школы Осипова. Ловил себя на мысли и задавался вопросом: что же меня, уже давно сложившегося политэконома, освоившего мейнстрим, притягивает на мероприятиях возглавляемого им Центра? Относительно недавно получил для себя ответ через собственный научный опыт. Здесь удастся расширить рамки для исследуемого предмета, продвинуться в понимании сложнейших проблем экономической теории. Дискуссия о деньгах, проводимая в рамках Центра, помогла расширить представление о всеобщности феномена денег. Понять, что виртуализация инструментов денежного обращения — это не что иное, как очередные этапы продвижения денег к своей сущности всеобщей формы общественного богатства, представленного в единичном. Загадка: какие новые вершины всеобщности будут завоеваны деньгами и чем это закончится? Наверное, мы будем продолжать искать ответы на эти и иные вопросы, продолжая сотрудничать. Полагаю, что в таком положении не один я из тех, кто, не разделяя теорию Ю.М. Осипова, получает возможность расширять мыслительное пространство, уточнять инструменты абстрактного мышления, коллективно порождать новую проблематику и новые подходы, развивать методологические навыки.

Об отечественных корнях школы упоминалось. Вся ее рефлексорная мощь направлена на проблемы Отечества: его прошлого, настоящего и в особенности будущего. И хотя оригинальность зашкаливает здесь до имперского уровня, все тревоги за судьбы страны и надежды на ее будущее имеют свою — методологически самодостаточную — основу.

Явление школы Осипова имеет неисчерпаемое основание и потенциал развития. Искренне желая ей развития и процветания хочется поставить вопросы и высказать пожелания. Наверное,

следует обратить внимание на вопрос о том, чего в этой школе больше — философии или хозяйства, не с тем, чтобы сокращать интерес к какой-то ее части, а для того, чтобы подтянуть оказавшуюся в тени часть учения. Надо серьезно подумать еще и о взаимодействии с другими теориями и их методологией, имея в виду, что общей закономерностью науки является ее развитие во взаимодействии с другими. Это можно осуществлять, не утрачивая ни своего предмета, ни своего метода, а обогащая и то и другое. И здесь приведу пример из своего научного опыта. В споре о возможностях синтеза классической и неоклассической методологии преобладает отрицание и с одной, и с другой стороны. А голоса в пользу синтеза не подкрепляются убедительными аргументами. Наше решение данного вопроса базировалось на разграничении маржинализма объективного, отражающего предельно убывающие величины в реальной экономической действительности, и субъективного маржинализма, где предельно убывающие оценки основаны на субъективно психологических основаниях. Не может быть синтеза и эффективного методологического взаимодействия между субъективным маржинализмом и классической экономической наукой. А вот объективный маржинализм весьма органично сочетается с классическим подходом. Теория земельной ренты Рикардо и Маркса основана на предельно убывающем плодородии земли. Причем это не противоречит теории стоимости. Более того, именно стоимостной подход позволил выстроить научную теорию земельной ренты. Закон убывающей нормы прибыли, физические и моральные границы рабочего дня и иные, объективно убывающие экономические величины весьма органично и последовательно раскрываются через стоимость. Возможно, и с развитием школы Осипова утвердится не трансцендентное отношение к стоимости, но найдутся воз-

возможности если не для органического синтеза, то для творческого взаимного обогащения, наверняка.

Замалчиваемой школе трудно. Без институционализации трудно ее развивать усилиями учеников и последователей. Их просто нет, если нет преподавания, если нет научной специальности для защит диссертаций. Возможно, это временные трудности организационно-институционального порядка. Их надо преодолеть. А для этого нужна стойкость, чего не занимать Ю.М. Осипову. Основатель школы встречает свой юбилей в творческом великолепии. Пожелаем сил и здоровья Юрию Михайловичу Осипову. Они как еще понадобятся для продолжения дела, которому отдано так много, а еще больше предстоит сделать. Ведь Отечество еще не вышло на траекторию долгосрочного благополучия. Значит, и поиску пока не видно конца.

Л.А. ТУТОВ

Современная школа философии хозяйства:
роль лидера*

Аннотация. Статья посвящена роли лидера научной школы в развитии современной экономической науки. Дана характеристика научной школы философии хозяйства и показана роль профессора Ю.М. Осипова в формировании ее теоретических оснований.

Ключевые слова: философия хозяйства, научная школа, школа философии хозяйства Ю.М. Осипова.

Abstract. The article focuses on the role of a leader of research school in the development of modern economic science. The characteristic of the research school of the philosophy of economy and the role of Professor Yu.M. Osipov in the formation of its theoretical bases.

Keywords: philosophy of economy, scientific school, Yu.M. Osipovs' school of philosophy of economy.

В развитии современной науки важную роль играют научные школы, которые можно рассматривать как модель организации и развития научного знания, а также как форму устройства совместной деятельности ученых. Для того, чтобы претендовать на статус научной школы, научное направление должно обладать определенными признаками. К ним можно отнести: наличие ли-

* Статья подготовлена на основе материалов монографии Л.А. Тутова «Философия хозяйства. Опыт духовного преображения». М.: ТЕИС, 2003.

дера, единомышленников, учеников и продолжателей идей, постоянный приток нового поколения. Всеми этими характеристиками обладает *школа философии хозяйства*, которая сформировалась на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Возглавляет школу философии хозяйства известный ученый-экономист, философ хозяйства, Ю.М. Осипов, отмечающий в 2016 г. свой юбилей. Отметим, что наряду с данной школой на экономическом факультете МГУ действуют еще семь школ, признанных научным сообществом: Татуровская (С.К. Татур) научная школа (хозяйственный расчет, учет и комплексный экономический анализ), научная школа Н.А. Цаголова (политическая экономия), научная школа А.И. Анчишкина (прогнозирование экономических процессов), научная школа В.С. Немчинова (математические методы анализа экономики), научная школа Т.С. Хачатурова (экономические проблемы природопользования), научная школа Д.И. Валентея (системное исследование народонаселения), научная школа управления Г.Х. Попова. Из восьми перечисленных школ только в двух остались в качестве лидеров их родоначальники, одной из которых является школа философии хозяйства. У шести остальных школ произошли смена лидеров и переход к коллегиальности в руководстве школой. Можно сказать, что роль лидера выполняют идеи.

Профессор Ю.М. Осипов соответствует всем признакам лидера научной школы. Прежде всего, он имеет неформальное влияние в академическом сообществе, благодаря своему авторитету, обусловленному обладанием определенными качествами. Речь идет о таких качествах, как созидательность и творчество, умение заручаться поддержкой, умение кооперироваться, умение организовывать, умение завоевывать престиж и популярность, такт и дипломатичность, умение брать на себя риск и нести ответственность, умение убеждать и менять себя, умение быть

надежным и разбираться в людях. Следует отметить интеллектуальные качества Ю.М. Осипова, к которым относятся ум и логика, рассудительность и проницательность, любопытство и стремление к познанию, образованность и знание дела, хорошая интуиция и речевая развитость.

Ю.М. Осипов сумел объединить вокруг себя единомышленников на основе различных организационных форм. Так, в МГУ имени М.В. Ломоносова проблемами философии хозяйства занимается группа ученых на базе Центра общественных наук и лаборатории философии хозяйства. Действует Академия философии хозяйства и Философско-экономическое ученое собрание, включающее более 300 действительных членов — известных в нашей стране экономистов, философов, социологов, политологов, культурологов и представителей других общественных и естественнонаучных дисциплин. Ежегодно проводятся научные конференции, симпозиумы и семинары, публикуются сборники научных статей, монографии, философско-экономические энциклопедии, издается альманах «Философия хозяйства», включенный в список рецензируемых журналов, рекомендуемых ВАК для публикаций соискателей ученых степеней.

Философия хозяйства как научная школа — это система взглядов, разделяемых группой ученых, объединенных общей целью и ценностями, на основе которых формируется исследовательская программа. Базовые ценности философии хозяйства сопряжены с такими вечными вопросами, как «что есть человек и его жизнь, почему, зачем и куда устремлен человек хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести?» [2, 300]. Ю.М. Осипов рассматривает философию хозяйства, как науку хозяйственную, а затем уже философскую. «Философия хозяй-

ства — не столько завершенное знание, сколько специфическая область мысли и размышлений» [2, 302]. Философия хозяйства ставит и решает следующие глобальные вопросы: «Отчего, зачем, с какой целью, каким образом и с каким результатом реализуется хозяйство, прежде всего хозяйство или homo-хозяйство? Как выполняет человек выпавшую на него роль хозяйствующего субъекта, творца, демиурга? Какова генетика и природа homo-хозяйства, откуда оно, каково его соотношение с божественным и природным хозяйством, в чем его качественная специфика? Какова телеология homo-хозяйства, как и его эсхатология?» [3, 204]. Вышеперечисленные вопросы свидетельствуют о философской природе представленной области исследования.

Так же как и С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов считает, что философия хозяйства открыта для дальнейших разработок и не претендует на конструкционную завершенность. Тем не менее он выделяет несколько основных смысловых опор как онтологического, так и гносеологического свойства. Во-первых, хозяйство рассматривается как жизнь и жизнь как хозяйство. По мнению Осипова, это самая важная онтологическая опора. По значимости ей соответствует первая гносеологическая опора, согласно которой «философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства, разумеется, не только это, но и это в особенности» [2, 303]. Второй онтологической и одновременно гносеологической опорой является трансцендентность в широком смысле. «Вне трансцендентности философии хозяйства быть не может, а может получиться в лучшем случае лишь теория хозяйства» [2, 303]. Нравственная опора является третьей смысловой опорой, поскольку проблемы добра и зла являются важнейшими в философии хозяйства. Это очевидно из самого названия «Философия хозяйства», расшифровывая которое мы располагаем рядом слов «любовь», «мудрость» и «хозяйство». То есть «философия хозяйства равнодушна к вопросу о том,

как, с каким нравственным мотивом, каким образом ведется человеком хозяйство» [2, 303].

Кроме трех исходных смысловых опор, имеются и частные опоры, которые выводятся из исходных. Речь идет, прежде всего, о понятийном аппарате философии хозяйства и взаимоотношениях между различными категориями. Например, соотношение хозяйства и экономики, экономики и стоимости. Так, экономика рассматривается Осиповым как частный случай хозяйства, а стоимость отождествляется с экономикой, поскольку стоимость — самое существенное в экономике. Философия хозяйства оперирует понятиями «экономическая цивилизация», «постэкономика», или «эсхатология экономики», которые являются важными для характеристики исторического пути хозяйства, различных его этапов, кризисов, революций и форм развития. В настоящее время философия «хозяйства вышла на исключительно важный фундаментальный вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии, а не просто труда, производства, творчества, тем более потребностей и их удовлетворения» [2, 304]. В качестве демиурга Ю.М. Осипов рассматривает человека, который идет по пути пересотворения мира в соответствии со своим представлением. Человек идет от природы к неприроде, создавая мир искусственного, что приводит к проблеме эсхатологии хозяйства, а точнее, к хозяйственному апокалипсису. В связи с этим становится актуальной идея антихозяйства, т. е. хозяйство без любви и мудрости, которое имеет логические и онтологические основания. Выход может быть найден на пути обращения к хозяйственному богословию. Речь идет о той стороне богословия, которая связана с таинственными и драматическими аспектами жизни человека. То есть хозяйственное богословие призвано придать сакральный характер хозяйству в противовес

антихозяйству. Сакральная функция должна выполняться априорно. С точки зрения Ю.М. Осипова, это поможет если и не найти выход из хозяйственного тупика, то хотя бы обозначить объективно существующие проблемы, что тоже немаловажно для их разрешения в будущем.

Философия хозяйства как направление мысли, зародившееся в России, имеет специфические особенности, обусловленные проблемами российского хозяйства. По мнению Ю.М. Осипова, в России в настоящее время воцарилось антихозяйство, вследствие преобладания экономической стороны хозяйства. Нет полноценного хозяйства, которое обеспечивало бы не только выживание, но и перспективу жизни. «Стоит громадная задача выхода на национальное хозяйство, ведущееся в интересах нации, страны, самой России» [2, 306]. Философия хозяйства нацелена на решение данной задачи, поскольку это философия действия, связанная с активной жизнью человека, его постоянным выбором и созиданием. Кроме того, философия хозяйства — это сверхцелостное знание, вбирающее в себя науку, философию, религию, обыденное знание и отражающее даже более того, что есть сама целостность. Поэтому понять философию хозяйства можно через переживание, а не только посредством разума.

Ключевым в концептуальном каркасе философии хозяйства у Ю.М. Осипова является положение, согласно которому «хозяйство есть не столько производство благ, сколько производство самой жизни и самого человека» [2, 307]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Давая в целом оценку концепции философии хозяйства, предложенную ее лидером Ю.М. Осиповым, необходимо отметить значительный вклад ученого в развитие современной философии хозяйства. На базе возрожденных идей С.Н. Булгакова и других русских философов были предложены новые подходы и решения с учетом современной хозяйственной ситуации и

уровня развития научного знания, разработан современный категориальный аппарат, расширены исследовательские рамки философии хозяйства до Универсума — мира человека во всем его многообразии. Тем не менее, есть некоторые важные положения, с которыми можно поспорить.

Во-первых, философия хозяйства — это не просто мировоззренческое знание, она также выполняет и методологическую функцию, предлагая совокупность принципов и методов, необходимых для получения нового знания.

Во-вторых, необходимо внести определенность по поводу предметного статуса философии хозяйства, которая у Ю.М. Осипова «не одна из экономических наук, как и не одна из отраслей философии... это в общем-то самостоятельная область мысли и знания» [2, 300]. Однако, судя по тем проблемам, которые решает философия хозяйства, связанным с выявлением метасмыслов жизни и хозяйства, определением, что есть человек и почему, зачем и куда устремлен человек хозяйствующий, какие цели и последствия имеет человеческое хозяйство, к какому общему результату оно может привести, — можно с уверенностью утверждать, что речь идет именно о философском взгляде на мир. Говоря же о том, что философия хозяйства рассматривает хозяйство как жизнь и жизнь как хозяйство, мы тем самым категорию «жизнь» делаем основной и, следовательно, содержательно сближаем философию хозяйства и философию жизни, либо понятие «жизнь» наполняем содержанием, традиционно ей не соответствующим. В работе «Очерки философии хозяйства» Ю.М. Осипов пишет: «Нельзя в философии хозяйства видеть лишь отрасль философии, т. е. некое лишь философское дело. Это и однобоко, и по существу неверно. Философия хозяйства — наука прежде всего хозяйственная, а затем уже философская... Мы хотели бы

настаивать более на отношении “хозяйство → хозяйствование → философия → философия хозяйства”, чем на отношении “философия → хозяйство → философия хозяйства”» [1, 143]. С таким подходом едва ли можно согласиться. Несмотря на то, что философия обращает свои взоры в различные области, в том числе в сферу хозяйства, она не претендует на присвоение предмета самой теории хозяйства. Ее интересуют сугубо философские аспекты теории хозяйства: онтологические основания хозяйства и особенности его возникновения и развития, этический, гносеологический и антропологический аспекты.

Нельзя также согласиться с предложенным Ю.М. Осиповым делением философии на философию в широком и философию в узком смысле. Есть философская постановка проблем, философское отношение к жизни. Есть философия систем и философия в форме художественных произведений. Но нет философии ради самой философии, точно так же, как нет и конкретной философии, хотя и существует понятие практической философии.

В-третьих, использование феномена хозяйственной демиургии требует особой осторожности, так как в античной традиции, наследуемой многими философскими направлениями, содержание понятия «демиург» не включает творение самого демиурга, в хозяйстве же человек преобразует не только окружающий мир, но и самого себя. К тому же у человека нет единого и идеального плана по изменению мира, часто он действует стихийно, руководствуясь самыми неотложными потребностями. Неслучайно С.Н. Булгаков считал, что человек не способен достичь Творца, а кажущуюся близость возвышения он называл сатанинским искушением. Следовательно, для характеристики человека хозяйствующего и активно преодолевающего свои соб-

ственные пределы корректнее использовать понятие философии действия или деятельностного подхода.

В-четвертых, национальный аспект хозяйства, или «национальное в полном смысле слова хозяйствование» [2, 306], необходимо рассматривать только в контексте всемирного, космического хозяйства во всем многообразии форм. Пространственно изолированное хозяйство, в конечном счете, обречено на угасание.

Перечисленные аргументы не умаляют значения разработанных лидером отечественной философии хозяйства профессором Ю.М. Осиповым и его единомышленниками теоретических построений, а лишь только подчеркивают сложность изучаемых проблем. Прозрения Ю.М. Осипова сыграли важную роль в возрождении идей российской философии хозяйства, дали импульс для переосмысления ее предметного поля и методологического статуса, хотя и не предполагают рассмотрения философии хозяйства как строгой научной и философской дисциплины.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М., 2000.
2. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М., 2001.
3. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства // Философия хозяйства. 1999. № 6.
4. *Тутов Л.А.* Философия хозяйства. Опыт духовного преобразования. М.: ТЕИС, 2003.

М.Р. ФОМИНА

Вселенная Ю.М. Осипова

Аннотация. В статье показано значение русской классической литературы в становлении взглядов Ю.М. Осипова. Рассмотрена историософская концепция России Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: гений, Пушкин, Толстой, «Война и мир», М. Булгаков.

Abstract: Value of Russian classical literature in formation of views of Yu.M. Osipov is shown in this article. The historiosophical concept of Yu.M. Osipov's Russia is considered.

Key words: genius, Pushkin, Tolstoy, «War and peace», M. Bulgakov.

Книги бывают разные. С этой фразы начинается книга Ю.М. Осипова «Иное», с первых страниц которой твои легкие как будто наполняются кислородом, и хочется дышать легко и свободно. И это такая редкость, такая ценность в наш безвоздушный век. А ведь еще древние утверждали, что Вселенная рождается из Воздуха. И если, следуя логике пантеизма, довести эту мысль до логического конца, то безвоздушная Вселенная очень быстро заканчивает свое существование. Вот почему так важны в восточных космогониях гении, — в восточном понимании — носители воздушного пространства Вселенной, за счет которых Вселенная еще жива. Они (гении) продлевают жизнь Вселенной, давая ей возможность подышать полной грудью и затормозить процесс уничтожения. Вот почему гении, как правило, всегда появляются на стыке эпох, как будто разводя своими руками сгущающиеся безвоздушные сгустки Вселенной. И как показала

история цивилизаций, чем ближе к концу цивилизация (которая в шпенглеровском понимании живет тысячу лет), тем больше гениев и тем значимее гении для судьбы цивилизации, за счет которых продлевается ее жизнь, правда (по мысли того же Шпенглера), уже ... накануне гибели.

Русская цивилизация сегодня находится на грани «шпенглеровского тысячелетия», и наш современник ощущает себя так, как будто бы ему перекрыт кислород, когда все есть и даже идеи и даже возможности для их реализации, а нет главного — вдохновения — воздуха организма, который делает эти идеи великими, а средства для их реализации доступными. Ведь вдохновение передается, вдохновение вдохновляет, и в этом его великий пафос и великая связь с замыслом Вселенной. Вдохновляет и книга Осипова, посвященная плеяде русских гениев, вдохновителей и создателей русской цивилизации. Таков и сам Осипов — вдохновитель жизни и Вселенной. Ведь гении — они потому и гении, что, рождая свою Вселенную, делают ее достоянием всех. Поэтому, «замечательное это дело — входить в мир русских гениев, стараться понять их, выработать отношение, но... и вступить в диалог, иной раз и в полемику, но не литературоведчески и не биографически, а мировоззренчески, переплетая дух свой с их духом, размышляя напряженно об общем нам всем духе российском, о русском сознании и самосознании, о России, но и человечестве тоже, о прошлом, настоящем и будущем, о Земле и Мироздании, о великой тайне распростершегося вокруг бытия!» [1, 8].

Осипов — русский философ. Великим источником вдохновения для него является русская классическая литература — важнейшая и наиважнейшая для русского человека область мысли, в которой он когда-то, в далекой юности, сформулировал свою самую первую мысль, и к которой он будет постоянно возвращаться в период своей зрелости. Русская классическая ли-

тература — это первофилософия России, а, может, и вся философия России, благодаря которой мы уже не можем быть не чем иным, как только русскими. Это наша национальная черта, уникальное, ни у одного народа не встречающееся, явление в культурной и национальной жизни народа. Кто пришел в философию из русской классической литературы, тот есть совершенно иной философ, нежели тот, кто пришел в нее через западную философию. Это всегда боль, переживание, повышенное чувство справедливости и ответственности за судьбу России. Осипов пришел в философию из русской классической литературы — и это чисто русский путь в философию — идущий не от рационализма западной философии, а от русского духа, не от абстракции, а от русской действительности. Поэтому Осипов работает со Словом, а с не понятием, он хочет донести Слово, а не изложить понятиями, и спорить с учеными о верности их значения; он стремится выразить истину, а не выхолостить ее суть.

Осипов — русский словесник. В Осипове больше всего от Пушкина. Он также любит Слово, кристаллизующее мысль, он знает цену Слова, и он очень точен в словах; это ритм (иногда даже марш, как у Маяковского) в прозе, фиксируемый Словом. Осипов обладает и «словностью» — четкостью и выверенностью фраз, как у М. Булгакова. Он продолжил эту линию Пушкина и М. Булгакова в русской словесности. «Здесь мужество. И правда. Вот и Пушкин — мужественно правдив. Страдая слово добывал. **Слово!** И какое слово! *Наше. Родное. Русское*» [1, 13]. И, наконец, что самое главное, Осипов, также как и Пушкин, представитель Света, а не тьмы, Жизни, а не смерти, жизнеутверждения, а не жизнеотрицания. Он вдохновитель для других, а это не каждому дано. Ему хочется соответствовать, ему хочется отчитываться, его хочется удивлять, даже тогда, когда его рядом и нет, но он всегда присутствует в мыслях. И для многих он занял эту нишу — присутствуя в их сознании всегда. Единственное, что

не хочется — это спорить с Осиповым, потому что не в споре и не в спешке рождается истина, а в поиске ее, а потом, как сказал Осипов, в «тернистом пути стояния и служения истине» [1, 158].

Осипов — русский историк. И его волнует, прежде всего, судьба России. Осипов глубоко прочувствовал пушкинскую мысль о лучших людях России, оказавшихся лишними в этой стране. Осипов, также, до ощущения боли, понял историософскую концепцию Толстого, что великие люди в мирное время России не нужны. Они нужны только во время войны. Ведь оказался же не нужным России живой Пушкин. Да, и Толстой не завершил роман «Война и мир» — миром — мирная Россия не была, по его мнению, достойна эпопеи, она не возбуждала эпическое воображение. Да, и у Гоголя ничего не получилось с эпопеей, потому что он взялся описывать русский мир, а не русскую войну, и получилась карикатура, а не эпос. Лучшие (русские) живут в России во время войны, а умирают (безвременно, не сказав и не сделав все, что должно) во время мира. И получается, что жить в России русским нужно во время войны, а умирать во время мира — вот она онтологическая правда о судьбе русского человека. Но, следуя этой мысли, можно продолжить, что мирная Россия — это и не русская Россия вообще, в том трансцендентном, метафизическом смысле русского духа, который проявляется только в период войн. И в мирной жизни своей Толстой стал реформатором европейским — протестантским — «реформационщиком» и «революционером», а не православным человеком, на войне сражаясь за Богом созданный мир, а в мирной жизни соглашаясь на переделку его. Короче, на войне мы русские, а в мирной жизни не понятно кто.

И получается, что мирная Россия вовсе и не русская, русский мир вовсе и не русский, не дает он простора для развития русскости, задавливая и уничтожая ее, как какая-то чужая,

не своя, для русского человека, реальность. Но в этой чуждой реальности копится, копится русская сила и нерастроченная энергия тех — нет, не сгинувших в вечности, а не реализовавших себя во время мира, но передавших свою энергию — и в этом их метафизическое предназначение, потомкам, которые затем, в период метафизического противостояния, распрямят сдавленную пружину и выполнят миссию за всех тех русских, кому не повезло родиться в героическое время. Они не будут названы в числе героев, но они всегда будут победителями. Толстой и создал этот положительный миф о России: если это метафизическая война — война, когда решается судьба мира — мы русские, и мы победители. Мы выигрывали все метафизические войны, и будем выигрывать их впредь, с легкостью проигрывая другие, разные, не существенные для мира. И этот положительный миф о России был услышан русским народом, даже и не знающим в большинстве своем, кто его автор. Потому он и метафизический миф — как высшая правда, которая, по большому счету, не имеет автора, а принадлежит русскому духу, который Толстой просто (ох, как не просто!), но лучше всего высветил. Вот откуда название романа о России, ставящего на первое место Войну, а не мир, при этом обесценивая победу. «Войну устроить смогли. А вот мир устроить... на уровне проведенной войны... почему-то не смогли... и... не можем (до сих пор, кстати, не можем) [1, 194].

И, тем не менее, именно в России, по Осипову, все же состоялась попытка «созидания нового идейно-идеального мира» как альтернативного европейскому миру и Новому Свету (миру) Америки — не идейному и вовсе не идеальному. И в этом мессианское предназначение России, которая посредством метафизических войн, не ею, кстати, начатых, восстанавливает и охраняет Богом созданный мир, против попыток Запада на «пересотворение под себя всего данного Богом мира». Другими словами, если П.Я. Чаадаев видел предназначение России в том, чтобы показать

всему миру, как не надо жить, как не надо развиваться (возможно, от этой идеи оттолкнулся Толстой), а С.М. Соловьев видел мессианскую идею России в нравственности, спасающей Запад от материализма и бездуховности, то Ю.М. Осипов видит мессианское предназначение России в спасении мироздания вообще, Земли как таковой, которой сегодня грозит реальная угроза уничтожения. Вот и получается, что «Иное», в свете историсофской концепции Ю.М. Осипова, — это первозданное, которое подвергается Западом «пересотворению», но возвращается Россией, посредством метафизических войн, на круги свои — к Богом созданному миру.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Иное. М.: Экономист, 2006.

Осипов о софиасофии:

«Софиасофия — новейшая мудрость, что не значит, что она, как водится, презирует и опрокидывает навзничь прошлую, устаревшую-де, мудрость. Мудрость вообще никогда не устаревает, но зато она всегда дополняется новой мудростью, часто попросту иначе — по-современному-де — выраженной. Софиасофия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость, рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг... мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же первородной философии. Очень многое повидавшего, об очень многом поразмышлявшего и очень немало пострадавшего. Однако возвращение тут не ученическое, а творческое, созидательное, новаторское, а потому и с новой, не бывшей ранее, мудростью — XXI в. н. э. не I в. от Р. Х., как и не какой-нибудь V в. до Р. Х., даже и не XV—XVIII вв. н. э. Современность требует много нового — и новой мудрости тоже, а потому сегодня не просто новая философия, а именно софиасофия — как непосредственно обращённое к Софии Премудрости Божией знание-размышление, как вершащееся творчество, как итоговое творение! Софиасофия — не религиозная философия, а обращённая к философии философия, но возникающая на новом витке бытия философии — после и по мотивам острого философского кризиса эпохи Модерна и гигантского философического казуса эпохи Постмодерна. Апокалиптическое время требует и соответствующего ему мудрствования — апокалипτικο-апокастатического, а таковое только и может состояться на основе и в рамках софиасофии. Всё это очень

неприятно слышать адептам науки, академической философии, а в известной мере и официальных религий, имеющим вкупе, кстати, прямое сотворческое отношение к апокалиптике нынешнего времени, но что поделать — постнаука и постфилософия, а в некотором ракурсе и пострелигия, приходят не по человеческому капризу, а наплывают, как любят говорить научники и философы, объективно, то бишь само собой, независимо от воли человеческой, — и с этим, увы, нельзя не считаться!»

М.А. РУМЯНЦЕВ

Антропология хозяйства
в «Обретении» Ю.М. Осипова
(опыт понимания)

Русская истина не очень приятный спутник: это не каждодневная правда, а воистину бессмертная Истина, которая есть сама душа того, что истинно. И если Истину удастся отыскать, она придает творческому воображению блеск и величие.

В. Набоков

Аннотация. Дан читательский взгляд на основные положения сочинения Ю.М. Осипова «Обретение», предпринята попытка раскрыть содержание философско-хозяйственной антропологии в трудах Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: философия хозяйства, Россия, антропология, человек, сознание, экономика, деньги.

Abstract. Given the reader's opinion on the main provisions of the writings of Yu.M. Osipov «Finding», an attempt to reveal the contents of the philosophical-economic anthropology in the writings of Yu.M. Osipov.

Key words: The philosophy of economy, Russia, anthropology, person, consciousness, Economics, money.

В «Обретении» [4] Ю.М. Осипов дает вполне нелицеприятное понимание человека: человек есть «бездник», «хаосник»,

«зверь по природе», вдобавок порождающий «зверочеловеческий хаос» в мире. Сформулировано жестко, да и жестоко, в целом беспросветно. Однако нас интересует сам механизм становления и завершения осиповской антропологии. В «Обретении» Ю.М. Осипов вплотную подошел к тайне границы философии хозяйства: к переходу от бесконечного становления атрибутов, артефактов, озарений и проникновений в существо дела — к пределу философско-хозяйственного «знанияразмышления», которое, исчерпав свое внутренне содержание, подошло к окончательному результату, к своему концу, или началу «иного». Иными словами, самодвижение философии хозяйства (как и любой вещи на свете) сводится к ее предельному значению, только в котором прозрачно проступает цель, к которой она стремится. Предел есть истина, цель и душа любой вещи, и философии хозяйства в том числе.

К каким же пределам подошла философия хозяйства в «Обретении»? Сам автор ведет речь об обнаружении «потаянных смыслов» и «логик» творения, творящего, творимого и сотворенного. Хозяйство интересует Ю.М. Осипова не более и не менее как взятые с точки зрения Творца неведомое первоначало и конец всего, Апокалипсис. Иное в конце — иное в начале — и под их перекрестными лучами располагается хозяйствование человека, таким образом автор манифестирует свое видение «краев», а стало быть, и смыслов, хозяйственного бытия. А коль скоро это — так, то и Бог, и дьявол возникают перед читателями «Обретения» во всей своей силе и начинается философско-хозяйственная мистерия, мировая эсхатологическая битва за человека.

Вряд ли мы согласимся с автором «Обретения» в том, что человек есть зверь «по природе». Наша восточнохристианская мысль исходит из того, что грех — это некая субстанциональная испорченность человека, обусловленная его свободной волей,

исконной предрасположенностью к грешению, а не его природой. Следуя Св. Писанию, православие учит, что изначально человек был создан совершенным и по телу, и по душе (Быт. 1:31), и что грехопадение повлекло за собой повреждение его душевных сил (Быт. 3:31). Поскольку изначальная природа человека была благой, то, замечал св. Иоанн Дамаскин, грех человека зависит «не от его природы, а от свободной воли. При содействии благодати Божией он мог быть и преуспевать в добре» [6, 37]. С христианской точки зрения личность — это человек как носитель самопознания, волящий и принимающий решения по совести субъект, тот, кто владеет качествами, свойствами, энергиями, кто разворачивает их в реальном бытии [2]. Тем более что Софию в «Обретении» сам Ю.М. Осипов понимает экзистенциально и антропологически — как чувство, мысль, слово Божие, выраженное не внешне, а во внутреннем переживании человека.

Но нельзя не увидеть, что Ю.М. Осипов зафиксировал совершенно реальную ситуацию апостасийного отпадения человека — по мере эволюции экономизма, постмодернизма и так ныне вдохновляющего интеллектуалов бесполого трансгуманизма — от своего Создателя, от Бога. В современном мире речь идет об изменении с помощью гуманитарных, нано-, био-, цифровых и пр. технологий самой человеческой сущности, или природы человека. А это бунт против Творца, ибо человек создан по Его образу и подобию. Пересотворяя человека, мы уподобляем его сатане, создаем дивное прелестное телесное обиталище — для бесов.

Метафизика «Обретения» в последовательности ее имманентного внутреннего развития неизбежно ведет к сознанию человека как к «фактору хозяйственного бытия», и не просто к фактору, а к сознанию как «работающей трансценденции». Сознание, по Осипову, есть «метафизическая игра» со всем

сверхъестественным, причем такая игра, что в любой экономической оценке и в любом экономическом действии «сидит» действие метафизическое. К последней мысли мы еще вернемся. Здесь же отметим, что, согласно автору «Обретения», сознание и «есть Бог». Если бы не сознание, которое от Бога, то человек никуда бы не ушел от своей зверской природы, был бы всецело «бездником» и «хаосником».

Безусловно, наше сознание *и* от Бога. Но сознание есть сфера самоопределения человека и именно и только в сознании возникают ошибки, промахи, зигзаги — и зверства, которые у самих по себе зверей невозможны. Сознание и разум — трагические феномены свободы воли человека. Процессы, идущие от сознания, имеют своим источником не сферу обезличенного «предопределения» к добру или злу, но область самоопределения субъекта, и потому они нелинейны и многовариантны. Там, где в игру включается человек, движение системы изображается не прямой линией, а набором зигзагообразных вариаций, отклонений от этой прямой. Хозяйственное и экономическое бытие состоит из траекторий, так или иначе «уклоняющихся» от объективных условий жизни. Подобные «уклонения» в результате галлюцинаций сознания дают нам реальную, наличную экономику и реальное, наличное хозяйство в их конкретно-историческом бытии.

Стало быть, сознание *и* от дьявола. В этой интуиции Ю.М. Осипов категоричен: «если человек, принимая Христа, не уклонился от дел мирских», «Христовы императивы не выносятся для него», то он не мог «не принять Антихриста». Вероятно, Осипов полагает, что если полностью преодолеть отступничество большинства людей от Бога невозможно, то идущие от Антихриста сребролюбие, стяжание, эгоизм и «зверства» суть неискоренимые спутники человека и человечества. Пусть так, но тогда получается, что все (деяния, свершения, индивидуальности, вещи

и пр.) от Антихриста — и Бог уже «проиграл», или даже «умер», пусть только в нашем сознании?

А так ли это? Сам Ю.М. Осипов пишет, что человек бывает то ангелом, то демоном. Продолжим эту мысль и возьмем для примера «зверства». Ясно, что злобу, войны, смертоубийства, страдания и «зверо-человеческую» жестокость Бог никак не одобряет и одобрять не может. Но часто бывает, например, на войне, что самим людям смертоубийства и жестокости кажутся достойными и жертвенно необходимыми. Принципиально и важно, что человек, попав в ситуацию экстрима, отрекается от себя, от своего эго, от служения своему мелочному, тщеславному и корыстному «я». Буржуазно-мещанское самодовольство уходит на периферию самосознания, и маленький человек вдруг вырастает до пределов всего мироздания (вспомним Пьера Безухова), а то и отдает жизнь «за други своя». Да не только воин, но даже корыстолюбивый бизнесмен и себялюбивый управленец, служа делу, отождествляя себя со «своим делом», в чем-то важном отрекаются от себя и оставляют нам железные дороги, космодромы, мосты, инфраструктуру воспроизводства жизни и прочие творческие артефакты техногенной цивилизации.

Как ни странно, на языке философии подобную метаморфозу субъекта выразил не кто иной, как философ панлогизма Гегель. Оказываясь в экзистенциальной ситуации человек «смотрит в лицо негативному, пребывает в нем, узнает свой предел и преодолевает его». Когда же мы «смотрим в лицо негативному»? Граница бытия и ничто, жизни и смерти проходит в человеке, дает возможность, оставаясь в мире, увидеть свое мирское бытие как бессмысленное и ничтожное [1, 188—243]. Человек ощущает свободу от всякого бытового ограниченного существования — и в «огне негации» рождается пассионарное, творческое, жертвенное и благое. Так или иначе, метафизическую игру

с человеком и сознанием начинает дьявол, а побеждает Бог. Или, по Осипову, «любое бытие есть преобразуемая антиэнтропийным сознанием энергичная бездна».

Вообще, при чтении «Обретения» и ряда других текстов Ю.М. Осипова складывается впечатление, что ему интересны, прежде всего, Иное, Бог и дьявол, «края бытия», а середина — хозяйство «в себе» или экономика «для себя» — не очень-то его и интересует. Но это далеко не так. Дело в том, что Юрий Михайлович Осипов избыточно обладает непостижимой для обыденного сознания способностью, которую Кант назвал «трансцендентальным воображением». Чтобы из многообразных чувственно-наглядных представлений о жизни возникло понятие или понимание эмпирии во всей ее мозаичной полноте требуется особая загадочная способность к синтетическому мышлению, преодолевающему разобщенность фактов, которую немецкий философ и обозначил как трансцендентальное воображение. Это воображение у автора «Обретения» столь велико, что он может иносказательно, на особом языке символов и образов ухватить суть и тенденции хозяйственно-экономических процессов, часто остающихся непонятными для «ученых-экономистов», «институционалистов» и прочих «макроэкономистов» (вот удивительное словечко, не правда ли?).

К современной финансово-денежной экономике Ю.М. Осипов прилагает такие метафоры, как «вмененная ирреальность», «счетно-расчетная магия», «сакрализованные числа» — и все они в конечном счете ведут к кризисам и катастрофам, к утрате человеческого и социального, к расчетно-бездушной «техноэкономике». В другом сочинении нашего автора мы читаем: «Стоимость всегда вменяется — людьми, их решениями, но, вмененная, она уже и сама работает, вменяясь в экономические параметры». И, далее, «деньги — оборотень», «деньги творят чудеса: они расставляют, производят, распределяют,

перераспределяют, побуждают, эксплуатируют, убивают. Они это умеют делать и делают сами, но главным образом все-таки вытворяют это по субъектно-субъективной указке — сверху и из центров!» [3, 149—161].

А можно ли вышеприведенный смысл стоимости и денег выразить на окостеневшем псевдоакадемическом языке ученых педантов, родившемся из умственного блуда или, по Осипову, из «концептуального распятия Христа»? Вряд ли, слишком громадна и не подъемна тема денег, финансов, кризисов. Чтобы ухватить ее суть, потребен язык образный, сочный, необычайный. И вот что показательно. В свое время Ф.М. Достоевский настолько был зачарован и озабочен финансовыми кризисами, что написал на эту тему — редчайший для него случай! — стихи:

*Крах конторы Баймакова,
Баймакова и Лури,
Вместе зрели оба кова,
Два банкротства — будет три!
Будет три, и пять, и восемь,
Будет очень много крахов
И на лето, и под осень (...).*

Слово «ковы», о которых идет речь у Достоевского, между прочим, происходит от древнеславянского «ковъ» — дурное намерение, обман. Обратим внимание, что Федор Михайлович, как и Юрий Михайлович, видит в финансово-денежных нестроениях рукотворное, а никак не объективное, предустановленное некими «законами экономики» начало. В статье «Экономика как царство беззакония» Ю.М. Осипов в сгущенном виде отчеканил смысл своей экономической антропологии: «всё проходит через головы, в них и вершится. Деньги, цены, капиталы, инвестиции, их динамика — все это продукция экономических голов: индиви-

дов, коллективов, институций. Но головы эти разные по мощи своих разрешений — и среди них находятся такие, которые способны к организации не только самих себя, но и близкого или даже далекого от них экономического пространства — со всеми его экономическими параметрами, субъектными поведением, движениями стоимости» [5, 60—64].

Вернемся к «Обретению». Среди трансцендентальных прозрений автора выделю еще одно — о России, об отечественной антропологии и связанной с ней ритмичности российского хозяйства. Россия как страна-приключение, страна-экстрим порождает свой тип личности, всегда недовольной и требующей иного. Русский человек, по Осипову, по природе своей не признает институциональных опосредствований, идущих от культуры и цивилизации, он живет и под небом, и над бездной сразу, в непосредственной близости к Богу и дьяволу, к святости и к инфернальности. Отсюда страсть к рывкам, к имперским мироустроительным планам — в чем-то еретическим преобразовательным сверхнапряжениям. Исторические ритмы России в результате предстают как чередование таких стадий: большой рывок, творческий подъем — длительная инерция — и далее застой, окостенение. Эта мысль Ю.М. Осипова соотносима с идеей Л.Н. Гумилева о «струнно-колебательных волнах» истории России — Северной Евразии. По Гумилеву, рождающийся новый пассионарный центр дает первотолчок, струны русской истории натягиваются и звенят, импульсы от сверхнапряжения расходятся во времени и пространстве — и затухают. Думаю, мы вправе говорить о «гумилевско-осиповской концепции» больших и совсем не Кондратьевских волн российского развития.

В первом приближении долговременная хозяйственная динамика России, по Осипову — Гумилеву, выглядит так. Когда очередная модель общественно-хозяйственного устройства исчерпывает себя, в России происходит смена центров власти и

стратегий развития. И тогда новый центр развития дает «струнно-колебательный» первотолчок всему хозяйственному движению. Понятно, что длительность такой «струнно-колебательной волны» определяется мощностью властного первотолчка, уровнем энергичности элит и народа. Новые типы развития базируются на появлении новых столиц и новых метафизических смыслов. Новый центр проводит долговременные стратегии — большие инфраструктурные проекты, которые создают движущие силы роста за счет длительного затухающего эффекта от масштаба и диффузии инноваций на больших пространствах — «неудобиях» России. В дальнейшем наступают застой и окостенение всего общественно-хозяйственного бытия, вплоть до нового большого имперского рывка.

Перейдем к выводам.

1. В «Обретении» Ю.М. Осипову удалось увязать воедино трансцендентное, мистериальное, метафизическое с хозяйственно-экономическими практиками личности. Следовательно, если мы рассматриваем мир хозяйства как инобытие сверхсущего, то у категорий научно-экономического познания не может быть самодостаточного статуса, они образуют превращенную форму отношений человека к Христу и Антихристу.

2. Ю.М. Осипов на философско-хозяйственной основе воссоздал присущее отечественной мысли положение о приоритете субъектного, идущего от сознания и воли человека начала над стихийными экономическими закономерностями, будто бы «от воли людей не зависящими», которое всегда было руководящим принципом для славянофилов, евразийцев, почвенников. При этом автор «Обретения» раскрыл особую роль «метафизического действия» в любом хозяйственно-экономическом оценочном артефакте. К примеру, суть современных виртуально-спекулятивных до дурной денежной беспредельности «оцифрованных» транзакций видится в порче человека вожделением

счета, антихристовой жадной количественной стерилизации бытия. И разве это не так?

3. Порой у читателя «Обретения» складывается впечатление о пессимистическом и даже безнадежном видении автором человеческой природы и человеческой истории. Ясно, что Страшный суд всегда близок — но ведь и тысячелетнее Царство праведных тоже. А Ю.М. Осипов показывает нам, что и дьявол движет историю, что не герои, подвижники, творцы, а «тихие серые правители» обладают реальной криптовластью. Серый, кстати, цвет дьявольский. Где же противление злу силою, где меч, который принес в мир Христос — может спросить прямолинейный читатель. Но именно «Обретение» и другие запредельные тексты Юрия Михайловича Осипова со всей мощью являют собой силу, противостоящую злу, а может быть, и концептуальный меч Победы.

Литература

1. *Валь Ж.* Несчастное сознание в философии Гегеля. Пер. с фр. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2006.
2. *Зенько Ю.М.* Основы христианской антропологии и психологии. СПб.: Речь, 2007.
3. *Осипов Ю.М.* Деньги // Антология современной философии хозяйства: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова. М.: Магистр, 2008.
4. *Осипов Ю.М.* Обретение. М.: ТЕИС, 2011.
5. *Осипов Ю.М.* Экономика как царство без-закона // Проблемы современной экономики. 2015. № 1.
6. *Протоирей Митрофан.* Православие, римокатоличество, протестантизм и сектантство. Сергиев Посад: Изд-во Свято Троицкой Сергиевой Лавры, 1990.

Осипов о христианстве:

«Совсем не то происходило в Руси-России, куда христианство пришло извне и было внедрено сверху, вполне и насильственно — как “благая весть”! Принятое в конце концов Русью, оно, пройдя “обкатку” временем и некоторую “переработку” контекстом — в православие, включая и суровое испытание на прочность и эффективность в борьбе с Ордынским игом и за становление православной Святой Руси, обозначенной, к радости Руси или нет, Третьим Римом, христианство не стало, как в Европе, настолько органическим и доминантным в социально-политическом плане, чтобы вызвать, как это произошло в Европе, неустранимую потребность в коренном себя преобразовании (когда ни отвергнуть, ни оставить одинаково нельзя, а остаётся лишь в корне изменить!). Да, случались на Руси ереси, были попытки потеснить православие посредством передачи московского престола европейским претендентам, имели место кое-какие церковные нововведения, вызвавшие раскол среди православных, как и гонения на несогласных, наконец, произошла и петровская реформа, обезглавившая церковь и полностью подчинившая её монархическому государству. Однако всё это были по преимуществу внешние деяния, обязанные часто и внешним влияниям, как правило, деяния сверху, от власти, а не имманентные движения в среде самой православной паствы».

А.А. ПОГРЕБНЯК

Слушать метафизику

Аннотация. Ю.М. Осипов, ученый, философ, поэт. Его призыв — слушать и слышать метафизику, в которой есть всё. Размышления и рассуждения в дни юбилея философа хозяйства.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, метафизика, философия.

Abstract. The article is devoted to Yu.M. Osipov, a scientist, a philosopher, a poet. His appeal is to listen and hear metaphysics in which there is everything. The article presents reflections and reasonings concerning anniversary.

Key words: Yu.M. Osipov, metaphysics, philosophy.

«Мне безразлично, откуда начать, ибо снова туда же я вернусь». Таковы слова, которыми Парменид предваряет свой обращенный к нам рассказ — рассказ о том, как все в мире обстоит согласно *истине*. И в то же время это слова, обращенные к самому Пармениду, причем изрекает их сама Истина. Слова эти — ясное и четкое определение того, как должно быть устроено слово философское, слово философа: так, что любое единичное высказывание должно сразу схватывать всё — пусть потенциально, пусть из какого-то «частного контекста», но — именно *всё, всё без остатка!* «Всё» — это единственная тема философии, «как есть всё?» — единственный подлинно философский вопрос. Петербургский композитор Олег Каравайчук однажды сказал о Гоголе примерно следующее: каждая фраза у него — словно аккорд, который есть в то же время полностью завершенное произведение. Гоголь и Каравайчук — один из них писатель, другой

композитор — но оба едины («заодно») через пространство, время и вопреки разделению труда, поскольку оба — философы.

Теперь я процитирую почти наугад из статьи «Перемены в мире и провидчески-державный курс России» Юрия Михайловича Осипова:

«Искренний и наивный Александр Блок, этот по сути последний великий поэт Империи, призывал слушать и слышать “музыку революции”, той самой революции, от которой, когда она разыгралась во всю мощь, и получил “ужасного сполна”. Мы же, не будучи ни завзятыми поэтами, ни бойкими революционерами, призываем слушать и слышать... *метафизику*, если хотите, даже музыку метафизики, ту самую метафизику, в которой есть все, а не одни лишь революционные мотивы: события и процессы; силы и слабость; геройство и трусость; верность и измены; разумность и безумие; размеренность и турбулентность, тиши и бури; войны и революции, в общем — все!» [1, 26].

Возможно, что уже из одного только названия этой статьи мне должно было бы стать ясным, что со многими вещами в ней я вряд ли буду согласен — возможно, что некоторые или даже все мои политические и эстетические оценки существенно иные, подчас прямо противоположные, чем те, которые высказывает ее автор. И в то же время я не могу не согласиться с этим *чисто философским* высказыванием о безусловном первенстве метафизической постановки вопроса. Метафизика — одно из древнейших имен философии, поясняющее, в чем же смысл этого странного занятия. Такое высказывание, такой императив — «слушать метафизику» — сразу же меняет суть дела: теперь все оценки, рекомендации, разоблачения, которые высказывает автор от своего лица — в его же собственном тексте (это вопрос: насколько философский текст может быть собственностью автора, и каков здесь смысл слова «собственность»?) оказываются тем, что *под-*

лежит суду метафизики, ее собственного слова о Всём. Взгляды («мнения», по Пармениду) могут быть какие угодно: радикальные или консервативные, правые или левые, модернистские или постмодернистские — но теперь, перед этим судом, они не более чем гипотезы о том, как сегодня, в нашей исторической ситуации, раскрывает себя это самое Всё.

Юрий Михайлович не считает себя «завзятым поэтом», но разве его слово не поэтично? (Разве не обвинял Мартина Хайдеггера Рудольф Карнап в том, что его философия — это просто «плохая поэзия»?). На это надо ответить: философ должен говорить так, как если бы размежевание «науки» и «искусства» еще не произошло — и оттого часто ему приходится выходить за рамки конвенционального языка той области (например — науки о хозяйстве, «экономической теории»), *исходя из которой* он задается вопросом о том, как есть опять-таки это самое Всё (как экономика участвует во Всём и что претерпевает само Всё, примеряя на себя форму экономики — вспомним в связи с этим тезис Сергея Николаевича Булгакова об «экономизме» как господствующем мировоззрении современности). Да, язык (и образ мысли) Юрия Михайловича может раздражать «ученого» — и по праву, ведь сам этот язык также возникает из раздражения, порождаемого «позитивной наукой», ее языком и ее постановкой вопроса, которая (как принято считать, по праву) исключает из рассмотрения упомянутое Всё в силу его «беспредметности». Наука мыслит себя «преодолевшей» метафизику, но разве «научное» определение метафизики (например: ложное знание о том, что не подлежит верификации или, скажем, фальсификации) не говорит о метафизической природе самой науки — о том, что она построена на вытеснении своего изначального интереса? Конечно, есть смысл различать метафизику и науку, а также метафизику и диалектику (хотя для «позитивной науки» диалектика

тоже метафизика⁴) — но только если не упускать из виду, что и наука, и диалектика возможны лишь как выражения изначально *метафизической природы человека*: «человеческое» в человеческом животном есть *трансцендирование* всего «от природы данного» — а вот то, к чему это трансцендирование ведет, и есть то самое Всё, которое лишь впоследствии будет как-то определено и поименовано (Космос, Бог, Природа, Свобода, Справедливость), станет «традицией» и, таким образом — обяжет к своей дальнейшей трансценденции. (Отсюда понятна проблематичность всякого гуманизма: человек остается человеком, только становясь «неочеловеком», а это невозможно без горизонтов «постчеловеческого», «нечеловеческого» и, в первую очередь, «слишком человеческого» во всей сложности их переплетения.) Поэтому если Юрий Михайлович, например, ратует не за Революцию, но за Традицию — то читателю не надо забывать, что *прежде этого* он слушает метафизику, музыку метафизики: а значит, слышит (и доносит услышанное до нас), что Революция — тоже часть нашей Традиции, более того, есть и Традиция в самой Революции (опыт классовый борьбы и т. п.).

⁴ Примечателен пример Карла Маркса: он претендовал на научность своей теории, но в то же время был диалектиком *и* (парадокс! парадокс ли?) оставался метафизиком — не в том смысле, что полагал некую «абсолютно запредельную» сущность, а в том, что рассматривал это самое «мета-» (или «транс-») в качестве *способа бытия* человека, его сущностной *историчности* (в рамках которой становится понятной и неизбежность появления всяких мистических «вещей», в том числе и в рамках «всецело рациональной» экономики — таков, как известно, товар, эта «чувственно-сверхчувственная» вещь). Диалектика есть ритм, логика этой метафизики — а наука должна быть воспроизведением в дискурсе именно этой диалектики, а не абстрагированной (вырванной из контекста) фетишизированной предметности. Сходной с позицией Маркса в отношении политической экономики будет позиция Зигмунда Фрейда в отношении экономики психической.

Если согласиться со сказанным, то становится очевидной необходимость говорить о трансцендентности в экономике и хозяйстве: утверждать, как иные критики Юрия Михайловича, что «в стоимости нет ничего трансцендентного или трансцендентального», значит, скорее всего, просто не понимать значения этих философских категорий. Возможно, в некоторых своих размышлениях он и дал повод к тому, чтобы понимать трансцендентность по преимуществу в мистическом ключе, как нечто принципиально непознаваемое. Но, даже если так, то все-таки остается различие между рассудочным познанием и разумным мышлением, и здесь уже нет никакой мистики. А то, что о трансцендентном мы *мыслим* (пускай и не познавая его, в позитивистском понимании познания), Юрий Михайлович никогда не отрицал. Но важно еще и другое: разве в современном мире сама экономика не трансцендирует собственные пределы? Разве вся история западной цивилизации — не история «стоимости» как того, что трансцендирует (превосходит) любые положенные ей пределы (границы ойкоса, полиса, наконец, даже и космоса, выходя в хаос!)? В этом — правда, к примеру, Жана Поля Сартра, увидевшего в логике безудержного самопреодоления единственно адекватную современности форму онтологии (это не значит, что ее саму не следует пытаться превзойти!). На этом и только на этом фоне становится ясно следующее положение Юрия Михайловича Осипова: «Вот почему философия хозяйства — не отрасль науки и не раздел философии, тем более богословия, а самостоятельная сфера человеческой мысли, в ядре своем способной, как чудесный ларец, вбирать в себя все и вся, служить, как какой-нибудь магический кристалл, просмотру и осмыслению всего и вся, и, наконец, быть, как сказочный плодотворный очаг, источником мысли для всего и вся. Это-то и показал Булгаков, хотя это-то менее всего и было современниками и потомками замечено и достойно оценено» [2, 15].

Эти слова взяты из другой статьи с характерным названием: «С.Н. Булгаков: век одиночества». Одиночество здесь момент принципиальный, неслучайно уже упомянутый Хайдеггер включил его в триаду основных понятий метафизики (два другие — мир и конечность), чему был посвящен его знаменитый одноименный курс 1929—1930 гг. Скажем так: это одиночество мыслителя-метафизика есть одновременно *и неизбежное следствие, и необходимое условие* его рода деятельности — ведь его задача задержать и сконцентрировать внимание на том, что обыкновенно мгновенно ускользает как не-реальное, не-предметное, не-значимое и т. п. То, что обыкновенно остается без внимания: *сам мир*, а не то или иное его «преобразование» (научное, политическое, экономическое). Именно в таком метафизическом ключе, как мне кажется, следует прочесть следующее, казалось бы, сугубо эмпирическое, практическое положение Юрия Михайловича: «Остальной мир обязан выдвинуть свой *общемировой проект*, к примеру — *планетарной равноправной кооперации и планетарного солидаризма*, и заставить имперско-передовой мир его принять, для чего сам остальной мир должен имперски же консолидироваться» [1, 21].

«Солидарность», «консолидация» и *одиночество* (*solitudo*) — слова одного корня. И мы видим здесь требование принять в расчет то, что обычно (таково обыкновение нынешней «имперско-передовой» силы) как бы выносится за скобки, не рассматривается в качестве имеющего реальное значение. Можно спорить, так ли уж обязательно мыслить этот процесс под знаком Империи, но есть в этом положении и нечто, я думаю, совершенно бесспорное. Расставлю акценты немного иначе: *остальной мир* должен выдвинуть *общемировой проект*. Общее — а это и есть *мировое* («космический коммунизм бытия», «софия мира», о которых по-разному, но со-гласно гово-

рили Булгаков, Лосев, Бибихин) – повсеместно оказывается «остальным», «остатком», едва ли не *отбросами* — уделом одиночки-метафизика, которым парадоксальным образом в основе своей является каждый из нас. Это общее, коллективное одиночество, переживаемое подчас совершенно физически, и есть метафизическое основание искомой солидарности.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Перемены в мире и провидчески-державный курс России // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Осипов Ю.М.* С.Н. Булгаков: век одиночества (к столетию выхода в свет работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» и защиты им в Московском университете одноименной докторской диссертации) // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.

Осипов о трансцендентном:

«Трансцендентное — не то, что нужно, согласно науке, упорно отрицать, а то, что следует, согласно метафизической философии, не говоря о религии, нарочито предполагать, мало того, с чем надо непременно взаимодействовать. Главный критерий истины (разумеется, всегда ограниченной и относительной) не факт вовсе, как учит наука, а его, этого факта, трансцендентность, что и пытается показывать терпеливо и неустанно метафизическая философия. Да, человек, к примеру, очень вроде бы определённый, если не точный факт, но что есть на самом-то деле человек, этот странный обладатель странного сознания — вовсе не такого уж определённого и точного факта? Да — человек, да — сознание, но... «воистину» истинной в том и другом факте является только их... э-э... трансцендентность!

С Софией можно договориться... на условиях Софии, не «влезая» в запретное и довольствуясь положенным, как раз тем самым другим, о котором только что было выше сказано. А этого всего другого случается совсем и не мало, ежели иметь в виду не только и не столько обословленно сказанное, сколько словами невысказанное — то ли лишь подразумевавшееся, то ли попросту и неподуманное.

Читать не вишь, а вглубь, вычитывая непрочитанное, возможно — как-то предположенное, а скорее всего — и не предусмотренное. Важнее бывает не то, что сказано, а то, что не сказано, мало того, чего автору того или иного текста даже не мерещилось».

М.М. ГУЗЕВ

Что это, Юрий Михайлович Осипов?

Аннотация. Статья посвящена «человеку и пароходу», непохожему ни на кого, как и его философия хозяйства: он тащит нас неизвестно куда, но кажется, — ему это известно. Даются ответы на вопросы: кто это, Юрий Михайлович Осипов? и что это, Юрий Михайлович Осипов? — для думающего человека, для науки, для России.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономика, рынок, человек, цивилизация.

Abstract. The article is devoted to «a man and a steamer», who is unlike anybody else, as well as his philosophy of economics, who drives us somewhere only he knows and to the destination unknown as it seems to us. The article gives the answer to the questions: «Who is Yuriy Mikhailovich Osipov?» and «What is Yuriy Mikhailovich Osipov?» for an intelligent person, science and Russia.

Key words: philosophy of economics, economics, market, a person, civilization.

Кто это — Юрий Михайлович Осипов? Это же всем известно, и не только Википедии:

• директор Центра общественных наук (ЦОН) МГУ им. М.В. Ломоносова в течение всех 25 лет его существования, основатель и редактор уникального и единственного, по крайней мере, на постсоветском пространстве, альманаха обществоведов «Философия хозяйства»;

- создатель теории философии хозяйства как самостоятельного направления развивающегося научного знания — о человеке, о хозяйстве, о мире, попытавшийся по-своему ответить на извечные вопросы: зачем человек живет и для чего он действует (хозяйствует);

- известный (или выдающийся, для кого как) российский русский ученый-обществовед, продолживший традиции таких полузабытых в советское время ученых, как С.Н. Булгаков с его философией хозяйства, евразийцы и Д.И. Менделеев, со «срединной» Россией и национальным хозяйством, подвергших критике идеи тотальной рыночности и отстаивавших самобытность в развитии стран и народов, в частности, России; размышления Н.Я. Данилевского о России и Европе и Л.Н. Гумилева о пассионарности и Древней Руси;

- ученый-пионер, возвративший нам из небытия такого экономиста — философа — богослова, как Булгаков Сергей Николаевич, сделавший его главный труд «Философия хозяйства» достоянием многих читающих, поставивший на должную высоту еще одного выдающегося выпускника Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

- широко известный (без всякого сарказма, в узких мыслящих кругах) российский писатель, поэт, приоткрывающий тайный смысл произведений еще одного Булгакова, Михаила Афанасьевича, автора «Мастера и Маргариты», писатель, в своих произведениях на философском уровне осмысливающий такое всем известное и непонятное, как — что такое человек? зачем он и куда? что такое люди? что такое человеческий мир?;

- ученый-подвижник, неутомимый организатор российской обществоведческой науки, невзирая (а может, и взирая) на «друзей» и слева, и справа, непоколебимо руководствующийся девизом: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!».

И хотя движение для него не есть ничто, но все же цель — это все. И в достижении этой цели Юрий Михайлович не то чтобы сплотил вокруг себя единомышленников (чего стоит одно его замечание: «реформаторский переворот в России показал очевидное, насколько слаб человек», и он знает цену «человеку»), он создал что-то наподобие броуновского движения, когда окружающим его коллегам и сотоварищам не думать просто нельзя, неприлично;

- человек, которому многое дано — родителями, жизнью, обществом, и еще кем-то, нам не ведомым, а многое и сам взял, и с которого теперь многое спрашивается;

- Юрий Михайлович — это феномен не только российского масштаба, возникшего на стыке позднего социализма в СССР, раннего новоявленного капитализма в новой России, эпохи мучительного осознания людьми (некоторыми) в разных странах тупиковости и никчемности выстроенной ими цивилизации;

- это философ хозяйства, благодаря которому мы — ученые-обществоведы, да и не только, можем собираться уже многие годы, а уже и десятилетия, на научные форумы, чтобы подискутировать о «Сущем», о «Вековом поиске модели хозяйственного развития России», о неопределенном «Ином», о «Реквиеме» и «свете в конце туннеля»;

- это человек, который никому ничего не должен, многие ему должны, а кому он должен — об этом знает только сам Юрий Михайлович.

Поэтому вопрос — кто это, Юрий Михайлович Осипов, в принципе не стоит. Вопрос другой — что это, Юрий Михайлович Осипов, откуда и зачем? Его теорию философии хозяйства никуда нельзя приставить — ни к рынку и ни к плану, ни к социализму и ни к капитализму, ни к атеизму и ни к богословию, ни к экономике и ни к философии, ни к науке и ни к художе-

ственной литературе. Он всех любит и во всех сомневается. И ему отвечают соответственно тем же: дружбой, а рядом — непониманием, замалчиванием, снисходительным «похлопыванием по плечу», завистью, предательством.

Многих, конечно, раздражает его воинствующее неприятие «экономического человека». Хотя он сам говорит: «Вопрос не в том, чтобы непременно отрицать экономику в пользу неэкономического хозяйства, а в поиске *меры* для экономики, той самой меры, которая не позволяла бы экономике господствовать в свою пользу над хозяйством, жизнью, человечеством, обеспечивать не слишком бросающуюся в глаза *эксплуатацию* природы и человека, равным образом и поддерживать разного рода человеческий *паразитизм*». Но это не принимается, не верят, а всякого рода недоразумения в экономической цивилизации банально сводятся к ее несовершенству («проблемы России не в том, что много рынка, а в том, что его слишком мало»).

Но заблуждения насчет рыночного фундаментализма и всемирной рыночной гармонии не столь безобидны, как это кому-то кажется. За ними — судьбы народов и отдельного человека. Разве не очевидно, что рынок в принципе не способен решить проблемы гармоничного развития человека, и что никакие подпорки в виде государства и его институтов ничего в сущности не меняют? Разве еще более не очевидно, что рынок не только не в состоянии решать глобальные проблемы цивилизации, он их еще более обостряет, доводит до крайности, за которой всеобщая катастрофа?

Долгие годы говорилось о противоборстве двух систем, капиталистической и социалистической, об антагонизме капитализма и коммунизма, на это реальное противоборство были потрачены миллиарды и триллионы долларов и рублей, и созда-

лось ложное представление, что устранение социализма приведет к устранению главной причины, толкающей цивилизацию к самоубийству. Социализм, в советской практике, устранен. Что же теперь мешает жить в мире и согласии, совместно решать действительно актуальные проблемы человеческого общежития таким государствам, как США, Германия, Англия, Франция, Польша, Россия, Украина, государствам Ближнего Востока? Ведь везде рынок, говорим на одном денежном языке, везде частная собственность, которая якобы только и может сделать экономику эффективной, а человека продуктивным, рациональным и экономным?

Почему же вновь конфронтация, почему еще больше раскручивается гонка вооружений, почему усиливается международная напряженность и возрастает возможность ядерной испепеляющей войны. Почему рыночные люди не могут никак договориться? И где вы, рыночные апологеты? Почему молчите? Почему ваш рынок никак не может образумить людей?

На все эти вопросы дает ответ Юрий Михайлович Осипов в своей философии хозяйства: экономика это только часть хозяйства, пытающаяся занять место целого — вот она, трагедия людей! Мир без экономики может существовать, а без хозяйства — нет! И здесь нельзя не обойтись без ссылок на самого Юрия Михайловича, чтобы лучше, из первых уст, понять суть теории: «Философия хозяйства — это не философия и не экономия, не их смесь и не промежуточное связующее звено, мало того, это и не философия в экономике, — тут все иначе: философия хозяйства — вытянутое из самой реальности, в которой также и человек, и его сознание, и его мысли, а не одни лишь окружающие человека вещи, метанаучное знание-размышление, не делимое ни от ми-

ра, ни от всей доступной человеку идеальности»; «философия хозяйства — реальное знание о реальности».

Философия хозяйства Осипова нова, инновационна, необычна, не совсем понятна (или совсем непонятна, для кого как), в ней много новых или мало используемых слов и словосочетаний, с одной стороны, расширяющих инструменты и горизонты научного поиска — с другой, затрудняющих восприятие основных положений: метасистема, метареальность, метазнание, метаистория, метасмысл, металогика, диалектический праксис, натураномика, оденуживание, финансомика, финансизм, неэкономика, эсхатология, апокалиптика, апокатастасис, постмодерн, трансцендентность, феномен, идеальная субстанциональность хозяйства, субъектология, античеловек, антигосударство, антитворчество, антипроизводство, антицивилизация, антимир, софисофия, физис, метафизис, физиогенно, иноприродный, неприрода, демиургия, научное трактование ненаучного предмета, постчеловечество, пост-научное, жизнеотправление.

У нее много сторонников и противников в научном мире, как и у самого Ю.М. Осипова, скептиков, по принципу: чем бы дитя не тешилось... А Юрию Михайловичу этого и надо, спорьте, аргументируйте, сомневайтесь, доказывайте, протестуйте, возражайте, делайте позитивные предложения... И все равно придете к выводу, что рынок, стоимость, деньги — это еще не вся человеческая жизнь, есть нечто выше рынка, особенно когда останетесь один на один с самим собой, что человеческая жизнь — это, прежде всего, жизнь хозяйственная. Тысячи лет человек жил без рынка, денег, значит, это возможно? Почему рынок не может быть только инструментом, средством для жизни, а не образом жизни, самой жизнью? И разве нет ничего взамен, что приводит человека, в конечном счете, к античеловеку? А мир к его концу?

Установление всемирного господства рынка — это путь в никуда, откуда нет возврата. В России, особенно среди русских людей, это сидит на генетическом уровне, в подсознании. Не случайно именно Россия стала родиной ноосферной концепции развития мира, и правда слов В.И. Вернадского о человеке как новой геологической силе в новое время звучат с новой силой, и все большее число мыслящих людей заставляют задуматься. Не о судьбе рынка, здесь все ясно — рынок и жизнь несовместимы. О судьбе человека, без рынка, о судьбе человеческой цивилизации. О судьбе России, поскольку «полная и последовательная экономизация — исчезновение России».

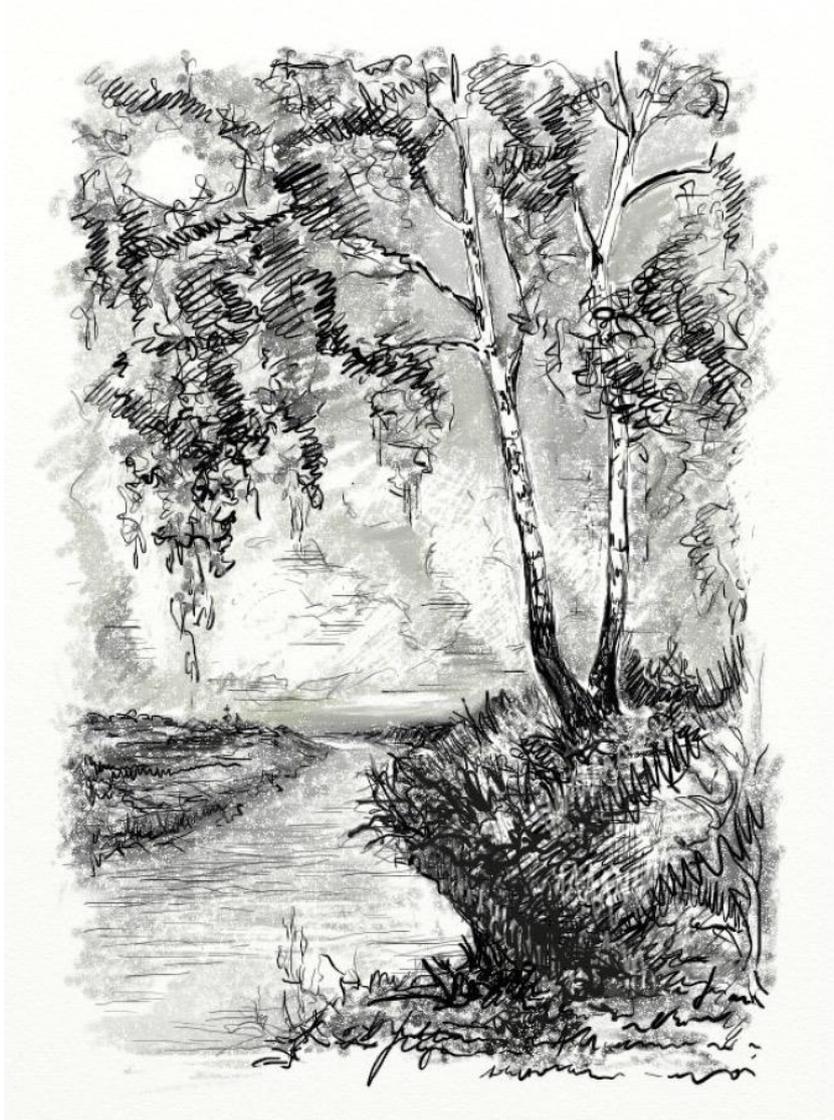

Осипов о русском мире:

«Я — русский, а потому меня как русского более всего интересует не вообще мир (мир из множества миров, а мир именно русский — русский мир, которого по науке — объективной, фактологической и точной — вроде бы и нет, во всяком случае, наука его не видит — по своей, видимо, великой прозорливости, но вот ненаучные люди его почему-то замечают, о нём говорят, за него ратуют, хоть и не все, кто себя называет русскими, но всё-таки замечают, причём более всего даже нерусские люди — что дружественные, что враждебные, причём из-за кордона тоже — из тех же бывших советских республик, особенно «братских», как и издалёка, даже из-за безграничного океана. Меня как русского русский мир не просто интересует, но и заметно волнует, мне он совсем не безразличен, а судьба его — тем более! Русский мир давно охвачен нерусскостью, что не так уж и страшно, но он давно заражён антирусскостью, что, согласимся, скорее страшно, чем смешно. Русский мир издревле живет вопреки как той же нерусскости с антирусскостью, так и сознательному и бессознательному отвержению исконной русскости. Выходит, что либо русского мира нет, либо он есть, но... как бы при этом и мир никакой, хотя бытуют вроде бы русский язык, русская культура, русская — пусть также и российская — цивилизация, такая же государственность, опять же русский характер (конечно же, дрянной), русский менталитет (разумеется, дурной), русское поведение (совершенно, конечно, отвратное). Вообще, если русский мир всё-таки есть, то как что-то более inferнальное, чем благородное, — и ежели есть в нём что-то «хорошее», то, конечно

же, — от навязанной ему европейскости. И беда здесь в том, что русский мир никак не станет... э-э... вполне европейским, включая не одну только религию, но и, к примеру, тот же алфавит (очень уж он у русских варварский). В общем, русский мир, может, и есть, но, во-первых, неправильный, нехороший, плохой, а во-вторых, его попросту нет и не должно быть — и чем быстрее он насовсем исчезнет, тем для окружающих миров это будет только лучше... ежели он всё-таки есть».

А.Ю. АРХИПОВ

Подвижник Великой России

Аннотация. О месте Ю.М. Осипова в современном обществоведении.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, Россия, школа философии хозяйства.

Abstract. The article reveals Yu.M. Osipov's place in modern social science.

Key words: Yu.M. Osipov, Russia, school of philosophy of economy.

Все-таки есть пророки в своем Отечестве. В годы смуты зазвучал голос, заявили о себе Центр общественных наук, школа Философии хозяйства Юрия Михайловича Осипова. Постигание России. Постмодерн. Империя. Наконец, Великая Россия. Созвучно. Умение предугадать, не побояться сказать, назвать. Заставить обсуждать, а потом и действовать. Заметили. Использовать стали. Россия сосредоточивается. Перестроение. Неоэкономика, неоиндустриализация. Собрать, возродить Великую Россию.

Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Новосибирск, Тамбов, Киров, Кострома, Сочи, Новороссийск, Пушкиногорье, Варшава, Париж, далее везде... Нести. Собрать вокруг себя.

Философия хозяйство. Трансценденция. Софийность. Свой путь. Понимание.

Наконец-то. Началось отстаивание интересов России. Оказывается, и у нее есть интересы. Да и куда дальше было отступать. То, о чем в сообществе говорилось последние двадцать лет.

А какой отклик. Истосковались по самоуважению, отстаиванию себя. Крымнаш! А из всех щелей шипение. Не нравится. Как же, а наши виллы и вклады, детки в университетах там.

Новые испытания. Санкции. Антисанкции. Помощники. Ставку задрали. Деньги не даем. Теперь сократили аж на 0,5%. Может, все-таки удастся добить державу, не дать подняться.

Действительно, проблем много. Надо наконец определиться — с кем и куда. Как удалось оборону возродить и возродить, так же и экономику надо. Сложнее. Здесь не только государство. И бизнес, который разучился что-то свое делать. Проще — закупить за бугром, дав всем на лапу, привезти, распродать. И никакого тебе импортозамещения, техподключений, инвестиций, оборудования, маркетинга, умеренной рентабельности, большой, большой головной боли. Общество, наконец. Поддерживать государство и бизнес, но и направить. Антикоррупция. Условия, инвестиционный климат.

Немодно заявлять: я с президентом. Да, не ангел. Есть вопросы. Но кто? Те клоуны, которых за ниточки держают? Или вечные оппозиционеры?

«Либеральная», купленная, может, и убежденная, но клиентствующая пресса, ученый люд скулят: плохо все. Заактивничали. Выборы скоро. Может, удастся раскатать. Майдан кличут. «Друзья» стараются. Сребренники раздают. Помогают «демократический выбор» осуществить. Сохранить прихваченное: может, еще перепадет. Ничего, что держава развалится окончательно.

Человек мира. Глобализация. Многополярность. Центры силы. Неодирижизм.

Много вызовов. Ответственное время. Надо отвечать. Путь указывать. Мочь. Вести. Очень нуждается в этом держава.

Терпения, терпимости, дорогой Юрий Михайлович, неуспокоенности, сил, веры, многие лета.

Осипов о России:

«Россия — очаг, котёл, замес. Тут и многофигурность, и разносмысловость, и разноедействие, и многоликость, мало того — какая-то даже квазицелостность при отсутствии единой и стабильной целостности. В России много всяких «Россий», включая и такие фантазмагорические феномены, как неРоссия и антиРоссия; таков он — российский мир — неопределённый, расколотый, ускользающий, несхватываемый. Не в том дело, что «умом Россию не понять», а в том прежде всего, что Россию не понять ни европой (как раз умом), ни азией (с тем же отключением ума через погружение в нирвану), а можно лишь понять... через саму Россию, которой в открытой реальности нет (или почти нет), а потому как бы и самого предмета понимания нет (или почти нет), что означает более всего, что нет не понимания предмета, а самого предмета понимания нет, — вот и вся тут онто-гносеологическая загадка, она же заковыка!»

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Софит Софии

Богу нашему, пойте, пойте Цареву
нашему, пойте.

Яко Царь вся земли Бог, пойте раз-
зумно.

(Пс. 46)

Одейся светом, яко ризою,
простирай небо, яко кожу.

(Пс. 103)

Аннотация. В статье говорится о личности и книгах Ю.М. Осипов, о софийности его творчества.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, философия хозяйства, София, институциональные преобразования.

Abstract. The article is devoted to the personality of Yu.M. Osipov, his creativity and books.

Key words: Yu.M. Osipov, philosophy of economy, Sophia, institutional transformations.

Книги Ю.М. Осипова — это та бесценная сокровищница мудрости, тот животворящий родник метафизических озарений, тот спасительный живоносный колодезь провидческого откровения, из которого жаждущий может бесконечно черпать живую воду познания. В конце концов эта спасительная вода ручейками прольется на все поля всех наук и всего человеческого знания, изменив само представление о науке и человеческом знании.

Это будет эпоха преображения наук и расцвета жизни мыслящего человечества.

Юрия Михайловича как поистине великого человека характеризуют живой интерес, искреннее внимание к людям и некое пламенеющее сиятельное участие во всем вокруг происходящем. С равным пониманием и одинаковой чуткостью он может часами говорить и с академиком, и с уборщицей. В итоге уборщица по силе нового открывшегося ей видения почувствует себя академиком, а академик увидит перед собой авгиевы конюшни и почувствует гераклову находчивую силу и неодолимый позыв их очистить. А вот с чем уйдет от них Ю.М. — тайна, ведомая ему самому или тем неведомым силам и инстанциям, волей которых он пребывает на земле, столь преобразительно участвуя в ее жизни. А с чем пришел сюда — еще большая тайна. Издревле говорят, Бог посылает своих посланников-ангелов на землю в человеческом облике, чтобы помогали людям, просвещали, разумение даровали. Так один Ю.М. — это целая армия ангелов. Он и оружейник, он и воитель. Он и вестник, он и спаситель. Он и хранитель, он и сказитель. Он и ведатель, он и святитель. Он и Иоанн Предтеча, он и Христос, он и апостолы. Он многоипостасен.

Никогда не знаешь, в каком круге окажешься при новой встрече с Юрием Михайловичем. Ведь этот круг может то пружиной сжиматься до микромира, внезапно обретающего неведомую глубину — и грандиозность всего мироздания, то вмиг одним прыжком взвиваться до бескрайнего мегамира и метамира, пребывающего в своих метаморфозах. Но и тогда эти распахнувшиеся и разверзшиеся бездны миров будут населены связанными вселенными, что не чужедальны и не чужеродны, не пустынно, а наполнены смыслами Творца, и оттого — еще не остывшей теплотой домашнего очага, Домостроя.

Юрий Михайлович — сам по себе Домострой и Мудрострой. Он исполнен непоколебимой внутренней уверенности

и доброй надежности, мастерской прочности, яркости человеческого гения. Из него брызжут то почти детское любопытство и озорство, с которыми можно обшарить все в округе (таинственные полузаброшенные полуразрушенные и полузабытые) подвалы и чердаки, в надежде наткнуться на что-то удивительное. Присутствие Ю.М. — зримое и незримое — ясная свеча и звезда, которая во тьме светит и тьма ее не погасит, которая озаряет и ступеньки в подземелье, и глубины, и лестницу в небеса и выси, которая влечет и ведет в погреб и чердаки, где при свете свечей и звезд можно найти те первозданные рукописи, которые не горят.

Он в своих творениях — Святая Премудрость, Всевидящее око и Несокрушимая стена, великий молитвенник и невидимый, но крепкий и непобедимый щит Отечества.

Он — Псалмопевец Отечества. Значение Ю.М. Осипова для русской цивилизации сродни значению царя Давида для христианской цивилизации. Как и в Псалмах Давидовых, в текстах Юрия Михайловича — краса и сила, защита и благодать. В них — мудрость и святость. В них — покаяние и совесть. В них — пророчество и знамение. В них — откровение и провидение. В них, и из них, и к ним — притекающая мощь Господня.

Бог ослепителен, и серафимы пламенны. Поэтому на Него нельзя, а на них трудно смотреть. Так и Юрий Михайлович огнен и ослепителен в пламенеющем столпе серафимовом. Он — софит Софии. Трудно выдерживать этот свет. А чтобы выдержать, притекающим на него новым и новым людям ничего другого не остается, как научиться самим этот свет софийный излучать. Многим из его учеников этот свет снисходит даже мимо их воли, как снизошли лоскутки Святого огня на апостолов, и те заговорили на языке Бога, Божиих тайн и Божиих знамений.

Но именно этот свет и притягателен для неофитов. А все окружение и состоит из неофитов, ибо Юрий Михайлович, будучи константой света, постоянно меняется, лиясь, его могучий творческий гений не терпит застывших форм. В его творениях всегда дышит живая душа, жизнь во всем ее переливе и разнообразии, они озарены безмерной любовью к людям и Отечеству.

Он — голос чести.

В XXI в. процессы институциональных преобразований в мире приобрели исключительный динамизм. Так или иначе, все страны втянуты в общемировой трансформационный процесс. Причем от скорости осмысления сути новейших, и даже зарождающихся мировых институциональных изменений, зависит многое — от политического местонахождения той или иной страны в мировой общественно-политической и институциональной матрице до конкурентных хозяйственных позиций в мировом экономическом соревновании. Немаловажно также и незашоренное и незамутненное внешним интересом видение происходящего, поскольку остается, увы, данностью, с которой необходимо считаться, скрытый и явный интерес и всю развернутый организационный процесс со стороны глобальных центров силы по реализации своего проекта мироустройства, включая создание общемировой организации хозяйства и власти. При этом все средства хороши. Ставка делается не только на вполне институционализированных агентов влияния, но и на недообразование или определенного рода образование, недомыслие или просто глупость, несведущность либо тщедушность, чиновничий восторг и страх принимающих решения. С самого начала перестроечных трансформаций и едва ли не до создания Евразийского союза, присоединения Крыма и защиты Россией Сирии почти все стратегические институциональные решения принимались в угоду

иностранным интересам, были концептуально подготовлены и навязаны органам государственной власти извне. Это и установление протектората, неусыпного наблюдения и контроля над всеми действиями госаппаратов постсоветских республик со стороны МВФ, Всемирного банка, евро-американской бюрократии, это и навязанная искусственно долговая зависимость при массивном выкачивании капиталов, сырья, интеллектуальных ресурсов, обескровливании народнохозяйственных комплексов, демонтаже производств, представляющих хоть какую-нибудь конкурентную угрозу для мировой метрополии.

Нам навязали меморандумы МВФ и Всемирного банка, базельские решения, в тисках и жерновах которых были искорены производственная и финансовая системы, между которыми была воздвигнута «китайская стена», а беспомощные монетарные власти (в лице центральных банков и минфинов) и полуразрушенные финансовые системы отданы под патронат МВФ и Всемирного банка да Банка международных расчетов, т. е. инстанций мировой метрополии, ориентированных на создание полукOLONИальных периферий, экономически, технически, идейно и образовательно зависимых от метрополии. Мы пребывали в некоей эйфории от свалившейся вдруг на нас иностранной опеки. Мы оцепенели от разразившегося долларowego ливня и замерли от иностранного пришествия под видом благодеяния и помощи. Мы оказались под лавиной новых непонятных иностранных переустроительных прожектов и инициатив, а наши проекты и инициативы были подавлены и выброшены как ненужный хлам. Мы не понимали, как и отчего наш рубль вдруг одеревенел и оневесомел. Прежде чем коллапс случился с рублем, коллапс парализовал наше сознание и разбил государственную власть. Вместо целей собственного развития в интересах собственных народов мы вдруг озаботились выравниванием покосившихся

платежных балансов, оголтело девальвируя свою денежную единицу, создавая идеальные условия для выкачивания по бросовым ценам наших ресурсов за рубеж и подавления, замораживания и сворачивания всего того производства, что не предназначено на экспорт. Импорт технологий и станков, необходимых для модернизации собственных производств, был заменен импортом бананов и кастрюль. Мы все в одночасье стали потребителями. А инженеры и программисты из никому не нужных КБ и заводов ушли доставлять заграничный товар на наши расцветшие пышным цветом базары.

Цели и ценности были переформатированы, сознание пере-загружено. Развязанная против нас финансовая и хозяйственная война воспринималась нами под либеральным наркозом и гипнозом как благодеяние и бескорыстная помощь доброго и щедрого Запада.

Нас убаюкивали панацеей рынка как автономной и самоорганизующейся, все и вся вокруг организующей волшебной экономической силы, способной выплеснуться как джинн из бутылки и все устроить без усилий, а сами в это время целенаправленно и трудно создавали мобилизационный проект четвертой промышленной революции, обеспечивая себе создание мощной новой технологической платформы и технологической монополии и олигополии, селекцию новых мощных отраслей новых технологических укладов.

Нас успокаивали всеобщим спасительным либерализмом, а сами в это время создавали жесткую сетевую организацию производства, определяя и проектируя дальнейшее место той или иной страновой экономики в глобальной системе.

Нас убажляли равенством возможностей, открываемых свободой конкуренции, а сами создавали стратификационную модель технологического лидерства. В данной модели есть группа стран-лидеров, которые производят не просто основные миро-

вые технологии, но и стандарты производства, равно как и стандарты образования. Часть этих стандартов они продают странам-дженерикам (классический пример — Китай) для крупномасштабного копирования в производстве. Остальным странам уготована участь потребителей в глобальной производственной сети, и им продаются стандарты потребления.

Нас убеждали в необходимости сворачивания и демонтажа государства в хозяйственной жизни, а сами в это время создавали у себя модель государственно-частного партнерства для решения важнейших институциональных задач развития (технологии, наука, образование, культура, инфраструктура и инвестиции).

Нас убеждали в необходимости реформы образования по образцу советской системы из-за его якобы никудышности, а сами взяли на вооружение именно этот образец. В итоге — у них в школе — рост количества часов на точные науки, у нас — их сворачивание. В итоге — у них — поддержка талантливой молодежи, в том числе путем отслеживания, охоты и выкачивания ее от нас, а у нас — поддержка детей с особенностями развития. Именно на это сделан упор в концепциях, стратегиях и законах развития образования, которые, судя по плохому русско-му языку, были наспех переведены с английского.

Нас убедили в необходимости вступления в ВТО и сулили выгоды, на поверку оказавшиеся эфемерными и проигрышными. Нам предложили готовую модель национальной инновационной системы — и мы получили коррумпированную и разваливающую науку с лже-исследованиями и лже-достижениями. С венчуром, подобным андерсеновскому новому наряду для короля, который в результате талантливых манипуляций мошенников остался голым. И только одному чистому сердцем ребенку была видима правда, тогда как окружение короля ослепло и стало чуждым истине.

Когда разум общества, казалось, беспробудно уснул и погрузился во тьму лжи, когда, казалось, все разрушено и потеряно безвозвратно, то и тогда ни на одну минуту не переставал звучать только один голос разума и правды — голос Юрия Михайловича Осипова из непокоренного и неповергнутого Центра общественных наук. Поначалу это был глас вопиющего в пустыне. Тем не менее, как возле Иоанна Крестителя собирались люди, и рос, набирая силу, спасительный Иордан, окрестив и Спасителя, так и возле Центра собралась необходимая для совершения проекта спасения Отечества группа людей, и возник Спаситель, ставший знаменем и столпом спасения. На место фарисейского космополитизма пришел праведный миссионизм, проникнутый любовью к Отечеству. Но нет пророка в своем отечестве, и новые апостолы должны были забыть о Крестителе и предать Спасителя. Печальный парадокс, но многие самобытные ученые хранят втуне свою самобытность, невостребованную обществом, сознание которого обработано и замутнено мейнстримом, и вынуждены добывать средства к существованию пропагандированием в студенческих аудиториях этого самого чуждого им и вредоносного для студенческих умов, убийственного для страны мейнстрима как части масштабной идеологической диверсии извне. Этому следует положить конец. Должен быть создан орган или орден скорой поддержки талантливых ученых, которые приносят действительную пользу Отечеству.

Да и идеи Центра пора перестать брать украдкой и тайком. Любое талантливое произведение, любой шедевр, который принято считать безымянным и оттого народным, имеет своего автора. Нужна институция в государстве, которая будет внимательно и трепетно отслеживать все мысли, все идеи идейно-мыслительной сокровищницы Ю.М. Осипова и его центромыслительной и центрообразующей, россиемыслительной и россиеобразующей лаборатории и следовать этим идеям, превращать их

в планы и решения, в законы и постановления, в институции и конституции. Тогда чиновники станут управляющими, а не управляемыми управленцами, тогда будет создана новая схема отношений и взаимодействия науки и власти. Только тогда наука станет властной, а власть научной. И это будет новая, мудрая, софийная наука, которая придет на смену постмодерну как единственная спасительная перспектива.

Осипов о Софии Премудрости Божией.

«Ещё более непринятой и осуждаемой, чем сама по себе философия хозяйства, оказалась в университетских кругах выведенная профессором С.Н. Булгаковым, будущим о. Сергием, связь философии хозяйства с Софией Премудростью Божией. Софийный принцип ведения хозяйства оказался для Булгакова не просто фундаментальным, но и единственно возможным для увлечёвшегося переустроительным прогрессом нововременского человечества (заметим, не польза с выгодой, как у европротестантов, а софийность, т. е. прямой отсыл к высшей, надчеловеческой, божественной мудрости, однако, по Булгакову, и воплощающейся в природно-человеческой, или тварной, реальности, заражённой, увы, и антисофийностью). Выход на Софию означал отход от протестантских (экономических, капиталистических, сугубо правовых) ориентиров в хозяйстве — слишком уж стяжательно-формально-человеческих. Булгаков радел, если сказать попроще, за “омудрствованное” с Божьей помощью хозяйство, а не чисто полезностное хозяйство, за что как раз стояла и стоит до сих пор западноевропейская (англосаксонская по преимуществу) сначала поренессансная, а затем и постренессансная культура. И это был со стороны Булгакова вполне революционный шаг: от протестантизма к православию, что то же самое — от чисто человеческой мудрости (расчёта) к мудрости божественной (переживанию), или же софийной мудрости! Тут являлось совсем другое отношение к хозяйству — как к деланию полноценной общественной и личной жизни,

а не безудержному стяжанию в ходе межчеловеческой конкуренции личного материального богатства. Однако это был и не какой-нибудь протестантский социализм, ибо в софийной трактовке не предполагалось ни тягостного преобладания общественного начала над личным, ни уравнивания всех и вся с ликвидацией управленческой иерархии, ни упразднения того же государства с его принципом единоначалия и контрольно-исполнительным правом, ни утверждения принудительной, строгой, как бы монашеского образца, аскезы, то бишь не предполагалось ничего противу-человеческого. Софийность не за капитализм и не за социализм, как и не за экономизм с его монетаризмом-финансизмом, равным образом не за либерализм и не за диктатуру, а за, если так можно выразиться, всеобщий гармонизм, но не статический, естественно, а динамический, не исключающий вовсе дисгармоний, как и не отрицающий вообще ничего из необходимого и не предполагающий нарочито ничего из надуманно-утопического. Софийность за вполне осознанное и осознаниеенное сакрало-природно-человеческое естество (или за, выражаясь по-современному, всеобщий экологизм). И если здесь есть какой-то утопический момент, то он обязан своим присутствием не Софии вовсе, а... человеку, весьма ещё преданному антисофийности, т. е. человеку несовершенному, духовно слабому, порочному, звероподобному, падшему. София ни на что из реального глаза не закрывает, никаких нереальных фантазий не предлагает, с полным пониманием относясь к человеку и его миру, не поощряя никаких его “комфортотогенных” проектов и никак не одобряя крутых смертоносных разборок. София допускает, в общем-то, всякое, ибо это всякое в природе

человека и в сути его сознания, во всей человеческой экзистенциальности, однако София всегда выступает при этом за меру, к которой человек обязан стремиться и которую он вольно или вынужденно постоянно нарушает, но которую, уже не без насилия, жертв и потерь, принуждён всегда восстанавливать. Мера — безусловная софийность, но и борьба за меру — тоже софийность и тоже безусловная, — так что софийное хозяйствование — хозяйствование с мерой и ради меры, хотя и не избегающее того или иного анти-мерия. Даже экономика со всеми своими денежными мерами может быть софийной, ежели меры эти не уходят далеко от... софийной же... меры. Стоимость — “софия” экономики (“софия” здесь, конечно, с маленькой буквы и в кавычках — как принадлежность слишком по-человечески тварного мира), а раз “софия”, то и некая “мудрость”, обеспечивающая прокручивание экономически обусловленного хозяйства, хотя в стоимости сидит и мощнейший антисофийный заряд, вызывающий в итоге монструозность, чудовищность, инфернальность экономики при её увлечении безмерием-чрезмерием-недомерием. Экономика умна, в том нет никакого сомнения, но экономика, подчинённая бездушной стоимости, и безумна! Полагаться на экономику можно и нужно, но не во всей полноте, не бездумно, не опрометчиво. Экономика — стихийный монстр, требующий постоянного у-меротворения, а совершать таковое может только... софийный человек, а вовсе не экономический. Вот вам и практический эффект от философии хозяйства, ободряемой не чем-нибудь, а самой, знаете ли, софиасофией!»

В.В. ЧЕКМАРЁВ

Эволюция и диссолюция философии хозяйства

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды не горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умощенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Так белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом — за туманом
Понятным им лишь до конца.

А. Блок

Аннотация. Философия хозяйства может быть рассмотрена, с одной стороны, как самостоятельная научная дисциплина, а с другой — как фундамент человеческой деятельности. Более того, философию хозяйства можно определить как теорию хозяйства. Автором предлагается взгляд на развитие философии хозяйства профессором Ю.М. Осиповым. Акцентируется положение, согласно которому теория хозяйства (по Осипову) — это переход от одной эпохи социального обустройства к другой. Предлагается понимание философии хозяйства как многоликого феномена

научного понимания обустройства жизни, ее перестроения в ответ на челленджи Природы. Приводятся системные доказательства о возможности рассмотрения общественного производства как производства интеллектуальных потенциалов общества. Одновременно дается оценка идей Ю.М. Осипова через призму и его творчества, и его личности. Производятся эпистемологические суждения о фундаментальных различиях между областями событий, состояний, явлений, которые исследуются естественными науками, и сферой человеческой деятельности, являющейся предметом экономической науки. В контексте проблем эпистемологии отмечается значимость обращения Ю.М. Осипова к метафизическому, трансцендентальному.

Ключевые слова: философия хозяйства, теория хозяйства, политическая экономия, экономические интересы, Ю.М. Осипов как выразитель постмодерных идей, общественное производство, интеллектуальный капитал общества.

Abstract. The philosophy of the economy can be considered, on the one hand, as an independent scientific discipline, and on the other hand, as the foundation of human activity. Moreover, the philosophy of the economy can be defined as the theory of economy. The author proposes a look at the development of economic philosophy professor Yu. M. Osipov. The attention is a provision that the management theory (at Osipova) - is a transition from one era to another social arrangement. Offers an insight into the philosophy of management, as a multi-faceted phenomenon of scientific understanding of the arrangement of life, its rebuilding in response to the Challenge of Nature. We give proof of the possibility of systemic examination of social production as the production of intellectual potentialities of society. Simultaneously assesses ideas Yu.M. Osipov through the prism of his creativity, and his personality. Produced epistemological judgments about the fundamental differences between the

areas of events, states, phenomena that are investigated by the natural sciences, and the sphere of human activity that is the subject of economics. In the context of epistemological problems noted the importance of treatment to Yu.M Osipov *metofizicheskomu*, transcendental.

Keywords: philosophy of management, economy theory, political economy, economic interests, Yu.M. Osipov as the exponent of postmodern ideas of social production, the intellectual capital of the company.

Осипов Юрий Михайлович. Доктор экономических наук. Профессор. Главный редактор журнала «Философия хозяйства». Президент Академии философии хозяйства. Писатель (немного). Поэт (чуть-чуть). Но не чемпион!

А ведь было время чемпионов. Самым главным, т. е. абсолютным чемпионом страны, был Генеральный секретарь. Ниже, на разных ступеньках пьедестала — начиная с призеров из политбюро, — располагались фавориты в разных дисциплинах, видах и отраслях, которые в результате жестоких состязаний и смертельной борьбы под ковром время от времени всплывали вверх или тонули.

Чемпионство культивировалось не только в политике и партийных играх. Свои лидеры были во всех областях науки, искусства, литературы, техники и прочей трудовой деятельности. Шахтер — Стаханов, ткачиха — Гаганова, скульптор — Вучетич, балерина — Уланова, тенор — Козловский (или Лемешев), летчик — Чкалов, писатель — Шолохов, баснописец — Михалков, скрипач — Ойстрах, виолончелист — Ростропович, экономист — ...

Можете продолжить игру Юрия Роста. Именно он полагает, что многие из советских звезд обладали талантом, и по заслу-

гам лидировали в своих дисциплинах, но настоящего государственного чемпионства (с привилегиями, заоблачными тиражами, лучшими концертными и выставочными залами) достигали лишь те, кто был назначен на эту должность олимпийцами от ВКП(б) — КПСС, а другие не достигали.

Про чемпионов и претендентов знали все, но поскольку родина стеснялась профессионализма в спорте радости, каждый известный гроссмейстер наделялся неким качеством, которое превращало шахматы в занятие, существующее параллельно с основным, — будто бы служением советскому строю. Ботвинник был профессором, Тайманов — пианистом в четыре руки, Смыслов вообще пел. Кто-то что-то возглавлял общественное...

Чемпион олицетворял интеллектуальную мощь страны. Хорошо бы, конечно, русский. Но если профессор и партиец, то можно и Ботвинник.

Мы интернационалисты.

И вдруг!

Как черт из табакерки в МГУ из экономистов-политэкономов выглянул (вылупился?) философ хозяйства. Живой и страстный — как укор рутине. А если короче и прозой — безалаберный революционер в экономической науке, революционер духа.

Забегая вперед, заходя за горизонт его жизни, можно предположить, что как всякое живое нестандартное, свободное, не встроено в устав рабского самосознания многих, Юрий Михайлович Осипов как самобытный, вольный человек был обречен на незамечание властями предержавными. «Существование заключает в себя не существование; оно происходит» (Дж.Г. Мид «Философия настоящего»).

Будучи действительным членом Академии философии хозяйства, я все чаще задаюсь вопросом: а не является ли философия хозяйства объективной иллюзорностью? В поисках ответа

на свой вопрос я вновь и вновь перечитываю труды Юрия Михайловича Осипова. И вот какие размышления в результате возникли.

Философию хозяйства как теорию хозяйства Ю.М. Осипов обособляет от прочих. Политэкономия, по Осипову, это образ высотного здания, это *абсолютно* традиционалистское, погруженное в себя культурное явление. В чем его сила? В архаизме и фундаментализме. В чем его слабость? В закрытости от всего хозяйственного комплекса, от культуры и искусства, от футбольных страстей и теневой экономики, от... да много от чего! Теория хозяйства Юрия Михайловича Осипова — переход от одной эпохи социального обустройства к другой. Философия хозяйства — это сфера (зона) динамики, многоликий, многообразный феномен научного понимания обустройства жизни, ее перестроения в ответ на «челленджи» Природы. В политэкономии нет человека. Только его (человека) рабочая сила (способность к труду). Политэкономия — это холод. Философия хозяйства идет от человека, от его стремления к обустройству жизни, через отношения как между людьми, так и с Природой. Философия хозяйства — это тепло. В этом контексте бинарная конструкция-образ холод—тепло означает понимание движения от прорыва к закреплению и наоборот в цикличности общественного развития. Юрий Михайлович Осипов подчеркивает в своей теории хозяйства, что циклы в русской истории носят очень разный характер. В развитии хозяйства мы двигаемся через срывы и катастрофы. И в отличие от политэкономии философия хозяйства позволяет увидеть причины исторически закономерного экономического закреплению и отвердевания политических процессов.

Фетишизация процессов производства и воспроизводства как машины всеобщего счастья (подход к обустройству жизни, декларируемый классической политэкономией) ныне приводит

к девизу модернизации сферы образования под девизом «вуз — это машина для производства роботов как винтиков общественного производства». А ведь *общественное производство — это производство интеллектуальных потенциалов, интеллектуального капитала общества*. Только его наличие является условием становления отношений социума и Природы.

Философия хозяйства и формирует измерение этих отношений через открытость вовне и укорененность в земном существовании.

И еще одна примечательная характеристика философии хозяйства по Юрию Михайловичу Осипову. Она вносит лепту (вклад) в изменение места культуры в экономических построениях. Сегодня культура занимает очень слабое, недостойное ей место. А ведь в русской культуре столько смыслов, столько мощи, силы (см. например: Русские писатели об экономике: в 2-х томах / составители Г.Д. Гловели, И.В. Пестун; под общ. ред. Б.И. Нигматулина, Г.Э. Улумбековой. — М.: Литерра, 2013). И теория хозяйства актуализирует культуру мышления. Перефразируем А. Фурсова («Биг Чарли», или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория) и отметим нижеследующее. Новая эпоха выдвигает вызов появлению нового рационального (хотя и постнаучного) знания о мире и человеке, знания, формирующегося вокруг и по поводу иных объектов, чем «рынок», «гражданское общество» и т. п., но и некой идейной (хотя и постидеологической) системы, которая придает смысл новому рациональному знанию о мире, о Человеке в Природе.

Лев Толстой когда-то говорил, что счастье — это не делать, что хочешь, а хотеть того, что надо. И, по Толстому, Юрий Михайлович Осипов счастлив, ибо он делает то, что надо — создает общечеловеческую ФИЛОСОФИЮ ХОЗЯЙСТВА. Причем привлекает к сотворчеству многих, живущих в разных городах и странах, имеющих разное профессиональное поле деятельности.

Привлекает тех, которые задумываются над вопросом — что же престижно и желанно? Например, Т. Воеводина утверждает, что «что бы человек ни покупал — кроме хлеба и картошки — он всегда покупает прирост самооценки и престижа» («Завтра», май 2016, № 18 (1170). — с. 8).

Идеи Юрия Михайловича Осипова обсуждать (в силу их глубины) предельно сложно. Данное обстоятельство подтверждается хотя бы следующим фактом. В массовом сознании живет убеждение, что любая отличающаяся от общепризнанной интерпретация явлений (и событий) абсурдна. И ИКЦ «Академкнига» в 2010 г. издает учебное пособие «Основы философии хозяйства», которое рекомендовано Научно-методическим советом по философии Минобрнауки России для студентов экономических и управленческих специальностей. Научный редактор и три рецензента — доктора наук (два из них — завкафедрами престижных вузов). Почти пятисотстраничный труд имеет только одну контекстную ссылку на работы Юрия Михайловича Осипова и его последователей. То есть студентам предлагается «пройти мимо» целого пласта научного и культурного наследия.

Автор пособия доктор философских наук Аврора Валерьевна Савка утверждает, что большой раздел ее работы посвящен анализу философско-теоретических истоков формирования философии хозяйства России. Но почему-то результаты работы лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, материалы журнала «Философия хозяйства» (издается с 1999 г.), идеи, изложенные более чем в *трехстах* изданных за последние двадцать пять лет книгах по философии хозяйства, остались вне поля ее внимания. Вот уж, поистине, лицом к лицу лица не увидеть!

И Савку вполне можно причислить к классикам конспирологии. Д. Перетолчин считает классиком конспирологии

Гресе д'Орсе, который описывает скрытые механизмы истории как противостояние парамасонских орденов. Однако его интерпретация опирается на тайные смыслы, заложенные в скульптурные композиции соборов, при этом не поясняя, откуда он черпал информацию и почему ее надо толковать так, а не иначе.

Получается, что попытка самостоятельно связать события, опираясь на общедоступную информацию, — на самом деле единственный способ понять происходящее, — А.В. Савкой не предпринята. Следовательно, она не заинтересована в том, чтобы подавать студентам реальную картину. Почему?

В изложении уже упомянутого Д. Перетолчина ответ звучит нижеследующим образом.

Конспирология сосредоточена на поиске скрытых механизмов истории. В действительности эти механизмы очевидны, если смотреть на них не с исторической точки зрения. Капитализм Маркса укладывался в рамки производственных отношений, что, вероятно, было справедливо для середины XIX в. Сегодня каждому студенту, обучающемуся экономике и управлению, объясняют, что рынок естественно монополизирован. И это вроде бы не вызывает ни у кого особых возражений. Мир глобализирован, а значит с финансовой точки зрения это замкнутая система, где заработок одного — это убыток для другого. Рано или поздно замкнутая система станет монопольной. Швейцарские ученые под руководством Джеймса Глаттфельдера проанализировали 37 млн компаний и инвесторов, объединенных базой данных Orbis 2007. Согласно их данным, 60% мирового ВВП контролирует «ядро», состоящее всего из 147 транснациональных корпораций (75% из которых — это банки и другие финансовые учреждения). Монополизировав рынок, капитализм вышел за рамки промышленного производства (чистой экономики) и продолжил монополизацию СМИ, науки, искусства, последовательно превращая их в собственные инструменты.

Для понимания этого явления и нужна философия хозяйства. Правда, учебное пособие А.В. Савки вряд ли поможет сформировать нужное понимание.

Но вернусь к научному творчеству Юрия Михайловича Осипова.

Осиповская философия хозяйства — это не только идеи, книги и т. п. Для него философия хозяйства — это *серьезный и заразительный* разговор со временем. Наверное, и поэтому на проводимые лабораторией философии хозяйства мероприятия съезжаются многочисленные последователи из различных городов. Назовите хотя бы еще одну такую точку роста?!

Юрий Михайлович Осипов — человек мудрый, явно считающий, что идеализировать и приукрашивать жизнь — нечестно. Но высказываемая его позиция — это рассказывание идей философского бояна. И рассказывает Юрий Михайлович умно, разнообразно и увлекательно. Ни в одном научном выступлении не сказавший о себе ни одного хвастливого, да просто — нескромного слова. Мастера обычно так себя не ведут — вот, мол, работаем, что-то получается, что-то не получается...

Юрий Михайлович Осипов напрочь лишен болезни иерархического самоутверждения. Он хочет «дойти до самой сути», отбросить все фальшивые утешения, всю наивную мишуру простых объяснений жизни человека. Юрий Михайлович Осипов глубоко *мыслящий*, склонный к выявлению трагизма в обыденности. Исключительно своеобразный и оригинальный мастер своего дела — развития явления философии хозяйства. И при этом не стремящийся сделать из него научный лакшери-сегмент.

Юрий Михайлович Осипов умеет поражать обычными словами. Поверьте, это гораздо труднее, чем поражать необычными словами. Потому что, когда слова необычные — понятно, что дело именно в этой необычности. Но если человек пользует-

ся обычными словами и вызывает при этом удивление, волнение — это высший языковой пилотаж. Единственно важный сюжет философии хозяйства по Осипову — сюжет главной ценности для отдельного, частного, индивидуального человека: жизнь. Да еще то, что происходит в голове и сердце людей.

Остальное Ю.М. Осипову просто не интересно.

Юрий Михайлович Осипов никогда, даже в самые советские времена, «не макал перо в сладкую воду». Не хотел (не мог) прогибаться? Если бы так, то он бы был простой личностью. Но дело, думается, в другом. В том, что Юрий Михайлович Осипов очень сомневающийся человек. Прежде всего — в самом себе, в своих идеях сомневающийся.

И это нормально. Оглядимся вокруг и увидим — как много развелось тех, кто носит с несравненной своей правотой. И, как правило, несомневающиеся оказываются еще и дико самовлюбленными. Кто живет по принципу: «Я и государство», «Я и наука», — скорее всего рано или поздно становятся в ряд «потребителей». Жизнь с особой радостью мстит тем, кто забывает, что буква «я» — последняя в алфавите.

Юрий Михайлович Осипов знает, что писать — это очень трудно. Но пишет, пишет... Уж не мазохист ли? Ведь каждая строчка дается кровью и нервами. А иначе не бывает, если относишься к профессии серьезно. А у Юрия Михайловича Осипова профессия — профессор! Это для тех, у кого профессорство не профессия, суэта подменяет движение. Этот «профессор» суется с публикациями. Для таких был бы полезен цементирующий раствор самоиронии, а он отсутствует по причине запретной самовлюбленности начинающего графомана. Нет числа им — «бесогонам»!

Юрий Михайлович Осипов — не просто философ. Он работает на пересечении истории, философии, филологии, экономики, психологии, политологии. И даже диссовет, которым руко-

водил Юрий Михайлович Осипов, был в этом контексте единственным, где содержание диссертаций превалировало над формой («не по специальности»). Защищавшиеся в этом совете перемещались к себе и в сегодня. И их работы уже не походили на цитатник идей председателя и членов диссовета (как это часто бывает в некоторых диссоветах).

Но Юрий Михайлович Осипов в своей привязанности к «перекрестку наук» далеко не одинок. Назову лишь (в рамках статьи) одно имя — Людвиг фон Мизес. Знакомство российского читателя с творчеством одного из величайших мыслителей XX в. — Людвиг фон Мизеса началось лишь в начале 1990-х гг. Он прославился прежде всего как экономист — основатель неавстрийской школы в экономической науке, которую называют экономическим либерализмом. И гораздо менее известно, что Мизес является глубоким философом и политологом. Его философское наследие, конечно, неразрывно связано с экономической наукой (см., например: Людвиг фон Мизес. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ. под ред. проф. А.Г. Грызловой. — М, 2001). При внимательном чтении трудов Мизеса и Осипова возникает ощущение их сходства. И тот, и другой в ходе своих исследований постоянно обращаются к проблемам эпистемологии. Мизеса и Осипова роднит и то, что их методология базируется на принципе, согласно которому метод изучения человеческих существ должен радикально отличаться от метода, с помощью которого анализируются камни, планеты, атомы или молекулы. Все эпистемологические рассуждения и Мизеса, и Осипова начинаются с признания того, что существует *фундаментальное различие* между областью событий, состояний, явлений, которые исследуются естественными науками, и сферой человеческой деятельности, являющейся предметом экономической науки.

Но отличительной особенностью позиции Юрия Михайловича Осипова является утверждение о том, что некоторые (видные) экономисты России насквозь колонизированы публикациями западных исследователей и готовят страну к сдаче противнику. «Не получится!» — уверен Юрий Михайлович Осипов.

И еще раз о философии хозяйства Юрия Михайловича Осипова. Философия хозяйства не только берет в качестве своего предмета корректно очерченную суть человека саму по себе, сколько дает относительно целостную позицию, с которой можно было бы подойти к пониманию этой сути в отношениях между людьми и с Природой. Так что необходимая предпосылка любого корректного исследования — обособление познаваемого объекта — Ю.М. Осиповым соблюдена по сути. Но в работах (особенно в публикациях 2015 г.) ему не всегда удается это обособление удержать. Отвлекаясь от их различий отмечу лишь то, что Осипов в своем отчуждении философии хозяйства от политической экономии, от экономической науки в целом не задается строгой аргументацией наподобие той, которая, например, отделяет анатомию от физиологии.

Науки следуют по пути рациональному. А Юрий Михайлович Осипов все чаще обращается к метафизическому, трансцендентальному.

Тот ли это путь — предстоит еще выяснить, в том числе, и самому Юрию Михайловичу Осипову.

Окончить свое эссе, написанное в связи с 75-летием выдающегося ученого современности, мне хочется цитатой из книги Станислава Лема «Молох». Контекст цитаты заключается в понимании процесса «выращивания философии хозяйства». Итак:

«Поскольку зрелый организм содержит существенно больший объем информации, то возникает вопрос: откуда он эту дополнительную информацию может получить? А получает он ее в ходе роста “из самого себя” (из взаимной интеракции органов

тела) и из окружающей среды, что напоминает “эффект Мюнхгаузена”, который сам себя вытащил из болота за волосы. Так и есть, поскольку эмбрион не берет лишь бы какую информацию, а поглощает только ту, которая пригодится ему для дальнейшего развития. Стало быть, можно представить противоположную сторону такого процесса: как молекулы, которые “питаются” существенной информацией, полученной из окружения, таким образом “без помощи профессоров университета” проектируют теорию»...

Все вышесказанное в конечном счете приводит к не бог весть какой глубокой истине — понять Юрия Михайловича Осипова можно только в связи с событиями, которые формировали его. Я не претендую на владение особой техникой расшифровки идей о философии хозяйства, которые Юрий Михайлович Осипов еще не успел озвучить. Мой метод — обозначить контекст, в котором он творит, размышляет, действует. В соответствии с подъемом и потоком событий и дел человеческих в России нашего бытия.

А вообще, размышления о судьбе и творчестве Юрия Михайловича Осипова — это попытка объять необъятное. Его философия хозяйства — как выстрел посреди спектакля.

Осипов о западном проекте:

«Западный проект, если уже прямо-таки не мега-проект — не социальный, не экономический, не идеологический, а интеллектуально-технический, научно-исследовательский, рационально-конструктивный. Не “красный проект” и не «либеральный проект», даже не “коричневый”, не “зелёный” и не “синий”, ибо это какой-то вне-человеческий проект, рождаемый идвигаемый вперёд уже неподконтрольной собственно человеку научно-технической системой. Теперь не человек с наукой и техникой, а наука и техника... нет, не с человеком, что совсем ещё и не плохо, а... прямо в человеке, вместо него, над ним. Науко-техника ныне — не вспомогательное при голове и в руках человека средство, а доминирующий над человеком монстр, — и не человеческая власть теперь над науко-техникой, а власть науко-техники... над человеком. Киборга вроде бы ещё нет, но он... уже есть, — и не в лабораторном ещё проекте, а прямо наяву, уже хотя бы потому, что не так человек более всего с компьютером, как компьютер... э-э... в человеке, но при этом и вне человека, даже и без человека. Человек уже по макушку свою в технической сети, и остаётся лишь его самого превратить в столь им любимое техническое средство. Человек без техники — ничто, а вот техника без человека — всё! Человек как человек, или всё-ещё-человек, даже мешает технике, и она его выдавливает не только из своего мира, но и из мира вообще, который на глазах становится миром не человека, а техники, следственно, миром роботов, киборгов, чиповеев, но никак уже не собственно людей».

В.В. КАШИЦЫН

Метаморфозы познания и его отражения
в фокусе размышлений 9 сентября 2016 г.

На предмет смотрю только в целом

А.В. Суворов

Аннотация. Посвящена ключевой, с точки зрения автора, проблеме современной науки в целом и экономической в частности проблеме методологии научного познания и ее эволюции. Особо акцентируется в статье процесс вызревания, становления и развития новой методологии познания — философии хозяйства — и роли в этом явлении ее автора — генератора — профессора Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: познание, методология, методология познания, объект исследования, хозяйственный механизм, эволюция, институциональное сопровождение, мононаучное знание, метанаучное знание, меганаучное знание, Ю.М. Осипов.

Abstract. This article focuses on the key terms of the author's problem of modern science in general and economics in particular, the problem, the problem of the methodology of scientific knowledge and its evolution. Particularly emphasized in the article the process of aging, the formation and development of a new methodology of knowledge «philosophy of economy» and a role in this phenomenon the author — generator Professor Yu.M. Osipova.

Key words: knowledge, methodology, methodology of knowledge, the object of study, the economic mechanism, evolution, institutional soprovozhdenie, mononauchnoe knowledge, meta-knowledge, knowledge of meganauchnoe, Yu.M. Osipov.

Одним из главных инструментов иррационального воздействия на общественное и индивидуальное сознание общества и человека является ускорение напластования событий, фактов, трактовок, оценок, псевдодействий и т. д. Ни о какой разумности и эффективности и уж тем более развитийности в потоке этого движения речи быть не может, так как здесь целостность объекта становится функцией, производной от частности, а частность — мнимой, фиктивной. Подобный сценарий движения общества и человека является формально противоположным застою и окостенению, а реально — наихудшим его аналогом, системно разрушающим то здоровое начало, которое объективно консервируется застоем и окостенением. Но объединяет оба эти алгоритма бытия общества объективно острейшая потребность общества и человека, которую они естественно не осознают, в системном сущностном целостном концептуальном знании, особенно в гуманитарном — философии и экономической науке. Поэтому те немногие исследования в гуманитарных науках, которые последовательно удовлетворяют выше обозначенную потребность, в обоих периодах и в обоих алгоритмах бесценны и, как минимум, являются классическими. А те исследователи, которые их воспроизводят и культивируют, становятся вещами, сущими и навсегда остаются в истории науки, знания, культуры и образования. Таковыми, повторим, объективно делают их целостность, содержательность и эволюционность методологии, последовательность, стоицизм, любомудрие и даже героизм.

Одним словом, в истории науки остаются, как правило, эволюционеры-системщики, культивирующие целостно объективный методологический подход к познанию. В условиях нашего исторического периода — периода последних 30—40 лет — подобный подход в усеченном варианте принято называть междис-

циплинарными исследованиями, компаративистикой (сравнительный анализ) и т. д.

Подходя с этих позиций к эволюции-трансформации в течение выше обозначенного периода отечественной и зарубежной, гуманитарной, философской, экономической науки, невольно осознаешь, что общество заметно поиздержалось в осмыслении, достижениях и открытиях. Круг бесспорных заметных мыслителей, оставивших значимый след в науке, неумолимо стремится к образу точки. Вместе с тем интересно и приятно сознавать, что такие мыслители, несмотря ни на что, есть. Их труды печатаются, и их размыслительная лаборатория продолжает генерировать знание в опережающем эволюцию объекта режиме.

Совершенно очевидно, к немногочисленному числу таких мыслителей относится и наш современник, уникальный мыслитель и организатор науки, профессор Юрий Михайлович Осипов.

Целостный и системно-эволюционный подход в исследовательском творчестве Ю.М. Осипова доминировал всегда и проявился заметно еще в 1970—1980-е гг. в его работах по теории государственно-монополистического капитализма и его хозяйственного механизма. Своеобразным итогом этого периода творчества явилась работа «Теория хозяйства» (в трех томах). Но имея в виду эпохальное пересотворение современной хозяйственной цивилизации, в течение последних двадцати пяти лет, Ю.М. Осипов теоретически и фактически развернул на базе наследия С.Н. Булгакова новую систему знания — философию хозяйства. Необходимо было знание, которое не только целостно увязывает закономерности эволюции объекта последних, как минимум, 100—150 лет, но и знание, устремленное в будущее, дающее возможность на дороге познания не свалиться в кювет и

не перевернуться обществу, а удержаться на пути эволюционного развития.

И такое знание, рожденное и культивируемое в муках, противоречиях, преодолениях и обретениях, появилось и задышало. Говорить здесь о героизме, подвиге, таланте, изобретательности, помноженных на страдания и каторжный труд, значит, ничего не сказать. Говорить о сотнях пунктов новизны по всему спектру методологии познания фактически во всех гуманитарных науках, не ограничиваемых философией и экономической наукой, помноженных на череду открытий и озарений, значит, ничего не сказать.

Очевидно, мы имеем дело с неизмеримо большим эффектом — с эффектом прорыва к обретению новой методологии познания и тем самым к новой материи познания, содержащей в себе не только традиционную эволюционирующую методологию мононаучного познания, но и методологию метапознания (образ) и мегапознания (космос).

В истории науки всполохи пересечения этих методологий познания встречались и раньше. Сейчас мы в лице философии хозяйства впервые сталкиваемся с их системным единством с наукой, с их генетическим сплетением. И если традиционно экономическая наука следовала и развивалась за эволюцией объекта и ее осмыслением, поднимаясь в лучших своих проявлениях до заметного прогностического эффекта, то сейчас в лице философии хозяйства познание методологически выходит далеко за границы познанного в части объекта и прежде всего объекта познанного естествознанием. Иначе говоря, возможно, мы имеем здесь эффект прорыва в новую *материю познания* или, как минимум, новую ее форму.

Разумеется, одному человеку, как бы он ни был талантлив и даже гениален, такой прорыв не по силам, так как творчество, равно как и его научная компонента, процесс коллективный. По-

этому здесь мало быть даже выдающимся ученым. Необходимо быть еще и выдающимся креативным организатором науки, интеллектуальным золотоискателем, организующим, мотивирующим, интегрирующим и синтезирующим интеллектуальный процесс познания. Что мы и имеем в цепи целой россыпи институциональных напряжений и обретений Ю.М. Осипова.

В течение двадцати пяти лет функционирует процесс непрерывных творческих семинаров и периодических международных научных экономических конференций. В орбиту исследовательского процесса вовлекаются десятки, затем сотни творчески мыслящих и работающих исследователей, причем как московских, российских, так и зарубежных. Выходят в печать журнал «Философия хозяйства» сотни статей и десятки монографий. Одним словом, процесс познания институционально обретает вселенский характер.

И все это Юрий Михайлович Осипов со своей титанической волей, энциклопедическим деятельным кругозором и уникальной творческой чувствительностью ко всему глубинному, талантливому, новому, честному, гармоничному и прорывному началами. И все это Россия, синтезировавшая все свои достижения, обретения и потери, все свои переживания, стоицизм, любовь, мужество, отвагу и надежды в сей данный научный концепт и вложившая в голову, душу и в надежные руки своего более чем достойного сына — ученого, мудреца, воина и патриота, Юрия Михайловича Осипова.

Виват герою! Виват юбиляру! Виват его деятельной мечте — возрождению великой, мощной, богатой, талантливой, красивой и неподражаемой любящей и любимой России!

С семидесятипятилетием, дорогой Юрий Михайлович!
Так держать! И семь футов Вам под килем!

Осипов о русском мире:

«А мне почему-то русский мир дорог. Во-первых, я как человеческая особь прямо из этого мира, во-вторых, это, безусловно, мой мир, в-третьих, никакой другой мир мне не нужен, но не потому, что мой мир лучше других — этнонациональных — миров, а потому, что я в своём мире как рыба в воде — это раз; русский мир признаёт меня за своего, что немаловажно — это два; мне не надо ни к чему чужому приспособляться — это три; я на своей земле — это четыре; я среди таких же, как я — это пять. Однако это не всё: в русском родном мире, и только в нём, я могу мыслить и творить, причём, как я хочу и как мне подсказывает мой родной мир: сложный, переливчатый, многомерный, загадочный. Какой из миров более трансцендентен, метафизичен и софиен, чем наш — русский? Индийский, китайский, католический, мусульманский, арабский? — нет, читатель, нет, ни один из миров не может сравниться с русским — открытым, гибким, импровизационным, а главное — творческим! Русский мир — не просто достояние Земли, человечества, всего мира, Космоса, это ещё и особого рода вселенское достояние, как и, не забудем, мое личное достояние тоже, — и особенность этого достояния состоит в удивительном схождении русского мира с Христом, Софией, Библией, Иоанновым «Откровением», хотя и ничего ещё не разрешилось, но, кажется, потихоньку и в то же время громоподобно разрешается — как раз в России — в этой воистину странной, хотя и по-своему страшной, стране!»

И.И. РУДЯК

Смертельная синема: философское наследие
и перспективы Осипова в сравнении

Аннотация. В статье говорится о философско-антропологическом открытии Пастернака (открытии внутриличностной двери трансцендентальности Другого, предоставляемой Я для перемещения после смерти в мир трансцендентальности к Богу) как наследника учения Бахтина (в своем внутриличностном пространстве Другой создает Я и эстетически убивает его), а также учения Франка (Внутреннее Мы) и о хозяйственно-антропологическом открытии Осипова (хозяйство в качестве Другого предоставляет человеку дверь трансцендентальности для перемещения при жизни в мир трансцендентальности к Богу) как наследии учения Пастернака.

Ключевые слова: антропология, вектор, любовь, перевод, трансцендентальность, хозяйство, Осипов, Пастернак, Бахтин.

Abstract. This communication is about doctrine of Osipov (about economykeeping as Other with interior door of transcendental) after doctrine of Pasternak (about Other with interior door of transcendental in love), doctrine of Frank (about Interior We) and doctrine of Bakhtin (about Other make I and Other kill I).

Key words: anthropological, vector, love, translation, transcendental, economykeeping, Osipov, Pasternak, Bakhtin.

Введение. Наследие ученого и наследие поэта: какой именно отечественной мировоззренческой мысли наследует Осипов? В книге «Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы» Ю.М. Осипов пишет о наследовании отечествен-

ной мировоззренческой мысли. В данной исследовании мы попытаемся разобраться, какой именно отечественной мировоззренческой мысли наследует философ хозяйства, а также и поэт Осипов. А.Л. Чижевский пишет: «В науке я прослыл поэтом, / Среди поэтов — я ученый». В подобном смысле в качестве ученого Осипов наследует именно мысли философа хозяйства С.Н. Булгакова [2] / Однако мы рискнем предположить, что в качестве поэта Осипов наследует именно философской мысли Б.Л. Пастернака, который, в свою очередь, также наследует философской мысли М.М. Бахтина [1], С.Л. Франка [5] и М. А. Булгакова: а именно — мысли об «антропологической трансцендентальности».

1. *Антропологическая трансцендентальность: Бахтин и Пастернак, Булгаков и Осипов.* Булгаков пишет о «*небесном* хозяйстве». По представлениям Осипова, хозяйство имеет антропологический и трансцендентальный характер: «Хозяйство ведется... в соответствии... с заложенным... стремлением человека к иному, наверное, вследствие все-таки неземного, неприродного происхождения человека, которого этот мир... не устраивает... человек... пустился по демиургическому пути пересотворения мира... сознание человека — не от мира сего, оно и вывело человека на запредельный путь... в движение к иному... потребному. От природы к неприроде, от человека к иномочеловеку, от сего мира к миру иному!» [4, 41]⁵. Примерно так же, в духе «антропологической трансцендентальности» рассуждает философ и поэт Пастернак: «Цвет *небесный*, Синий цвет / Полюбил я с малых лет. / В детстве он мне означал / Синеву иных начал». А дальше Пастернак рассуждает именно в антропологическом духе Бахтина, который полагает, что Другой как Автор создает Я конкретного человека как Героя (вместе с миром этого Героя) в собственном внутриличностном пространстве: «...*синий* цвет... /

⁵ Здесь и далее выделено мною. — *И.Р.*

...я с малых лет / Это цвет любимых глаз... / Это краска *высо-*
ты. / В этот голубой раствор / Погружен земной простор».

2. *Антропологическая рама*. Бахтин полагает, что в рамках своего *внутриличностного пространства* Другой как Автор создает Я конкретного человека как Героя путем его вычленения «антропологической *рамой*». При этом внутриличностное пространство Героя представляет собою «пространственную ячейку» (в принципе хозяйственная деятельность человека способна материализовать эту идеальную ячейку). Совершенно очевидно, что подобный процесс является аналогом *эстетического* процесса. А по представлениям Пастернака, подобный антропологический процесс является аналогом любовного процесса (т. е. любовь имеет именно эстетическую природу): «Он *прекрасен* без прикрас. / Это *цвет* любимых глаз... / В этот *голубой раствор* / *Погружен земной простор*» (как внутриличностное пространство Я Героя погружено во внутриличностное пространство Автора у Бахтина). Таким образом, «эстетическая любовь» является мебиусным, т. е. взаимно-топологическим порождением обоих Я влюбленных — Друг Другом как Взаимными Другими в понимании Бахтина (так душа Евы породилась именно от души Адама).

3. *Смертельная рама и смертельная синева*. В стихотворении «Слово» Н.С. Гумилев пишет: «Мы ему поставили *пределом* / *Скудные пределы естества*». В подобном смысле антропологическая рама Бахтина, которая именно эстетическим образом и создает Я Героя, вызывает «эстетическую смерть» Героя: как его *конечную* эстетическую завершенность (так, чтобы пересчитать все капли воды в море, надо остановить все впадающие в него реки). Подобная «смертельная *рама*» Бахтина есть аналог «смертельной синевы» Пастернака. Создание именно его *возлюбленной* как Другим его Я в недрах внутриличностного пространства в действительности представляет собою смерть (т. е. и *любовь*,

подобно эстетике, также абсолютно завершается именно в смерти): «Это цвет любимых глаз... / Это легкий переход / В неизвестность от забот / И от плачущих родных / На похоронах моих». О «смертельной раме» как «раме знания» (так древо познания привело Адама и Еву не только к любви, но также и к смерти) в духе Бахтина и Пастернака рассуждает также и Осипов: «...философия хозяйства, в отличие от... экономической науки... признала трансцендентность мира и бытия... Пока есть неизвестность с трансценденцией, есть и человек, ибо конечное знание... смерть! ...за знанием стоит не только жизнь, но и... смерть. Знание — сила, сила жизни, но и сила смерти тоже!» [4, 40].

4. *Любовь как антропологическая трансцендентальность: два источника лирических отношений.* Мы видим, что в свете философской антропологии появление любви в процессе антропогенеза вовсе не является материальным результатом биологической эволюции тела человека ради его способности размножаться, а является именно результатом таинственного появления сознания конкретного человека, что выходит, разумеется, за рамки природы. Если опираться на учение Бахтина, то возлюбленным является именно тот Другой, который создает конкретное Я — максимально, абсолютно точно и правильно. Любовь есть идеальная антропологическая рама («рама глаз» у Пастернака), приводящая к эстетической (у Бахтина) смерти Героя: «Это цвет любимых глаз... / Это легкий переход / В неизвестность от забот... / На похоронах моих». В подобном смысле, по представлениям Осипова, экономика (числа) своею приземленной конкретностью является скорее аналогом *репродукции* (Гумилев, «Слово»: «А для низкой жизни были числа, / Как домашний подъяремный скот»), а хозяйство с его обостренной человечностью и его отсылкой к трансцендентальности является скорее аналогом *любви*: «Хозяйство — жизнеотправление человека...» [4, 35].

5. *Дверь трансцендентальности: изнутри Себя и изнутри Другого.* С.Л. Франк полагает, что существует «Внутреннее Мы». Это и дает нам возможность предположить, что выход из диалектического материального мира в мир трансцендентальности, к Богу как источнику душ всех теоретически возможных людей существует изнутри Своего внутриличностного пространства (Пастернак, «Когда разгуляется»: «Так в вечность смотрят изнутри»). Это значит, что именно через внутриличностную «дверь трансцендентальности» душа и попадает в тело младенца или покидает тело старика; именно через внутриличностную дверь трансцендентальности проникают в память и «потусторонние воспоминания» Платона, и антропологические «мистериальные состояния» (особенно у первобытных людей и у аутистов). В отличие от экономики, по представлениям Осипова, хозяйство есть аналог внутриличностного пространства: «...*философия хозяйства*, касающаяся природы человека, его труда и творчества, его демиургии... хозяйства, его телеологии и эсхатологии... начала и конца человека... *хозяйствующего*, действующего во взаимоотношении со всем мирозданческим контекстом (природным, земным, космическим)... имеющего кое-какую *сверххозяйственную*, даже и *сверхчеловеческую*, и *сверхреализменную* направленность — от природы к неприроде... от одного мира к другому» [4, 37].

6. *Любовь как дверь трансцендентальности во внутриличностном пространстве Другого.* Бахтин пишет, что в рамках своего внутриличностного пространства Другой, выступая в качестве Автора, порождает Я конкретного Героя, но в то же время убивает его («кот Шредингера»). А Франк своей идеей Внутреннего Мы дает нам возможность предположить, что дверь трансцендентальности существует изнутри своего внутриличностного пространства. Пастернак же, будучи профессиональным философом (наследуя мысли Бахтина и Франка), делает философско-

антропологическое открытие: *любовь предоставляет* дверь трансцендентальности именно во внутриличностном пространстве Другого для вылета Я в мир трансцендентальности после смерти обладателя этого Я: «Это цвет *любимых глаз*. / Это взгляд бездонный твой, / Напоенный синевой... / Это краска высоты. / В этот голубой раствор / Погружен земной простор. / Это легкий переход / В неизвестность от забот... / На похоронах моих». Подобное же открытие делает и Осипов, но только для сферы философии хозяйства (якобы аналога сферы любви): «...философия хозяйства, касающаяся *природы человека*... имеющего... кое-какую сверххозяйственную, даже и сверхчеловеческую, и сверхреализменную направленность... *от одного типа человека к другому*, от одного мира к другому» [4, 37].

7. *Экономика как материальное производство и хозяйство как антропологическая трансцендентальность*. Если формулировать в терминах Бахтина, то междисциплинарным хозяйством занимается именно *Автор* (Гумилев: «Слово проплывало в вышине»), постоянно созидающий индивидуальный «антропологический мир» в рамках протекания собственной экзистенции и имеющий индивидуальный внутриличностный выход в мир *трансцендентальности*: царство *Бога* (Гумилев: «И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что *Слово* это — *Бог*»). А узкоспециальной экономикой занимается человек, действующий только во внешнем мире и лично отчужденный (Маркс) от собственного труда (Гумилев: «А для низкой жизни были числа»). Именно об этом и пишет Осипов: «...хозяйственные деяния... не только к выживанию и улучшению бытия... но и ко все время открывающемуся перед человек, хозяйствующим и творящим, *запределью*... в целях *выхода за человеческие пределы*... отсюда смысловая *трансцендентность* многих человеческих деяний, их *трансцендентная неотмирность*... Хозяйство человека вовсе не так необходимо, рационально и расчетливо... *игра*... с совершенно непредвиден-

ными концами» [4, 38]. Текст Осипова перекликается с текстом Пастернака: «В этот голубой раствор / Погружен земной простор. / Это легкий переход / В неизвестность от забот...».

8. *Библия: антропологическая схема Бараташвили.* В 1841 г. друг Лермонтова Николоз Бараташвили написал стихотворение «Синий цвет». Судя по подстрочнику Ирины Санадзе, «антропологическая схема» поэта Бараташвили коренным образом отличается от антропологической схемы Пастернака. «В глазах в прекрасный / Влюблен я небесный цвет; / Он, насыщенный небом, излучает восторг... / Тянет меня к небесным вершинам... / Слил я с синим цветом. / Умру..... небо синее / Окропит меня росой небесной». Антропологическая схема Бараташвили основана на классическом тексте Библии и имеет именно софийную направленность (Бараташвили был безответно влюблен в княгиню Екатерину Александровну Чавчавадзе, дочь поэта Александра Чавчавадзе и сестру Нины Чавчавадзе, жены Грибоедова). У Бараташвили глаза его Любимого Другого излучают именно наружу (деятельность в рамках узкоспециальной экономики, в рамках общепринятой экономической схемы), а Я его взмывает в небесную вышину («внешняя трансцендентальность»).

9. *Бахтин и Франк: антропологическая схема Пастернака.* Основанная на отечественной мировоззренческой мысли (Бахтин, Франк) антропологическая схема Пастернака коренным образом отличается от антропологической схемы Бараташвили. У Пастернака глаза его Любимого Другого — не излучают, а поглощают внутрь: «Это взгляд бездонный твой / Напоенный синевою... / В этот голубой раствор / Погружен земной простор». А Я Пастернака — не взмывает в небо, а погружается через «смертельную синеву» глаз во внутриличностное пространство (Я изнутри внутриличностного пространства Другого в учении Бахтина) Лю-

бимого Другого (Внутреннее *Мы* в учении Франка), чтобы именно через *Его дверь трансцендентальности* («внутренняя трансцендентальность») попасть в голубые небеса Бога: «В этот голубой раствор / Погружен... / Это легкий переход / В неизвестность от забот / И от плачущих родных / На похоронах моих».

10. *Философско-антропологическое открытие Пастернака*. Описывая современную реальную жизнь, Осипов описывает ту же схему, которая представлена Бахтиным: «...жизнь вкупе со смертью... смерть вместо жизни...» [4, 36]. У Бахтина Другой создает Я, но в то же время также эстетически убивает его, помещая в ограничивающую эстетическую раму (у Пастернака «антропологической рамой» являются именно глаза Любимого Другого), как в саркофаг («эстетическое убийство» Бахтина является аналогом «смертельной синевы» Пастернака): но все это (в рамках учения Бахтина) происходит во внутриличностном пространстве Другого. А у Пастернака «Мебиусный Другой» как топологически «Комплиментарный Другой» (не *внешняя* эстетическая «загадка лица» Н.А. Бердяева, а *внутренняя* «загадка антропологической комплиментарности» двух Я, как «спутанных частиц» в рамках физики) настолько максимально правильно создает Я именно этого («топологически комплиментарного») конкретного человека (а именно это и есть любовь, имеющая философско-антропологическое происхождение), что это Я даже имеет «мебиусный доступ» к внутриличностной двери трансцендентальности «Любимого Другого» («антропологически комплиментарного» Другого), чтобы именно по этому «антропологическому пути» — через смертельную синеву его глаз проникнув во внутриличностное пространство Другого — приблизиться к Его двери трансцендентальности и именно через нее отправиться к Богу («Бог есть любовь»). О наличии «*бездонной*» двери трансцендентальности Любимого Другого относительно влюбленного Я, ведущей в синие небеса к Богу, Пастернак (Чижевский: «В науке я

прослыл поэтом, / Среди поэтов — я ученый») пишет — и философски, и метафорически: «Это взгляд *бездонный* твой, Напоенный *синевой*».

11. *Метод сравнения антропологических схем.* Теоретически сравнивать между собою различные тексты (например, текст подлинника и текст перевода) возможно, выбирая из огромного множества тот или иной «принцип сравнения». Так, например, М.Л. Гаспаров предложил и описал способ измерения точности перевода, который основан на подсчете количества знаменательных слов — сохраненных и измененных, опущенных и добавленных и т. д. — в двух исследуемых ученым текстах (с последующим их сравнением между собою) [3]. А Ю.И. Лифшиц для измерения точности перевода предлагает подсчитывать и учитывать синонимы. Мы же предлагаем именно междисциплинарный «метод сравнения» различных текстов: в рамках этого метода следует сравнивать «антропологические схемы» текстов друг с другом.

12. *Сравнительный анализ антропологических схем Бараташвили и Пастернака.* В подобном смысле текст Бараташвили и соответствующий ему текст Пастернака являются принципиально разными текстами. В тексте Бараташвили «антропологическое движение» осуществляется по «вектору анархизма» (М.А. Бакунин), по «вектору конструктивизма» (Центр Помпиду) и «вектору Бранкузи» (изображаемый предмет давит на пространство), т. е. душа умершего человека вылетает изнутри своего внутриличностного пространства — наружу: в природу, а затем и во внешнюю трансцендентальность, к Богу. В тексте же Пастернака антропологическое движение осуществляется по полярно противоположному «вектору деспотизма», «вектору Модерна» и «вектору Сюрреализма» (пространство давит на изображаемый предмет), т. е. душа умершего человека вылетает из пространства природы — внутрь: во внутриличностное

пространство Любимого Другого, а затем (через дверь трансцендентальности Другого) и во внутреннюю трансцендентальность, к Богу. В подобном смысле метафора Лифшица: перевод Пастернака не имеет к подстрочнику Бараташвили почти никакого отношения, так как он развернут на 180 градусов, действительно приобретает реальный смысл! Таким образом, стихотворение Пастернака фактически создано именно в полемике со стихотворением Бараташвили, т. е. является «зеркальным переводом».

13. *Какого автора на самом деле переводил Пастернак.* В подобном смысле, т. е. исходя именно из сравнения антропологических схем, какого же автора на самом деле в стихотворной форме переводил Пастернак, у какого автора есть антропологическая схема, сходная с антропологической схемой Пастернака? Частично антропологическая схема Пастернака напоминает антропологическую схему Бахтина, а также и антропологическую схему Франка, т. е. научный язык именно этих авторов (даже если сам Пастернак об этом и не знал!) Пастернак перевел на язык поэзии, а вовсе не стихотворение Бараташвили! Если переводы стихотворения Бараташвили: М. Дудина, С. Заславского, Ю. Лифшица действительно соответствуют подстрочнику стихотворения Ирины Санадзе, то философско-поэтическое произведение Пастернака пребывает совершенно в другом дискурсе!

14. *Булгаков и Пастернак: хозяйственно-антропологическая схема Осипова.* Осипов, разумеется, наследует именно мысли Булгакова о «небесном хозяйстве», однако при этом Осипов вовсе не наследует схеме Бараташвили с ее внешней трансцендентальностью! У Осипова (в рамках философии хозяйства) речь вовсе не идет о внешней трансцендентальности, т. е. о проникновении в мир трансцендентальности через природу (такая схема была бы характерна именно для экономики в понимании Маркса!). Хозяйственно-антропологическая схема Осипова (человек погружен во «внутрихозяйственное пространство» с его

дверью трансцендентальности) является аналогом антропологической схемы Пастернака (человек погружен во внутриличностное пространство Другого с его дверью трансцендентальности): «*Это взгляд бездонный твой / Напоенный синевой... / В этот голубой раствор / Погружен земной простор*» («земной простор» природы есть место приложения хозяйственной деятельности, а «голубой раствор» глаз есть небесный мир трансцендентальности, Бога). У Осипова (в рамках философии хозяйства) речь идет именно о внутренней трансцендентальности, т. е. о проникновении в мир трансцендентальности через дверь трансцендентальности внутрихозяйственного пространства: «...хозяйственные деяния... ко все время открывающемуся перед человеком, хозяйствующим и творящим, *запределью...*» [4, 38].

15. *Булгаков и Пастернак: стихотворение Пастернака как толкование романа Булгакова.* В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» мир на первый взгляд кажется вывернутым наизнанку: внешняя сфера есть мир чертей, средняя сфера есть мир людей (т. е. люди представляют собой Героев черта в качестве Автора Бахтина), внутренняя сфера есть сфера Библии (т. е. мир трансцендентальности, мир Бога расположен именно изнутри внутриличностного антропологического пространства человека в качестве Автора Бахтина, а также изнутри эстетического «внутрироманного пространства» созданного им произведения искусства: что вполне соответствует учению Бахтина). Совершенно очевидно, что схема Булгакова вовсе не является схемой Бараташвили, а, безусловно, является схемой Пастернака, так как у Булгакова дверь трансцендентальности (мир Иисуса) вначале пребывает в голове Мастера, а затем и во «внутрироманном пространстве» (что также соответствует учению Бахтина: антропологическое внутриличностное пространство человека есть аналог эстетического «внутрироманного» пространства). Точно так же и

внутрихозяйственное пространство Осипова (ведущее к построению «пространственных ячеек» как различных *«ракурсов рая»*) является аналогом как эстетического пространства, так и *антропологического пространства!* В подобном смысле стихотворение Пастернака является толкованием романа Булгакова.

16. *Хозяйственно-антропологическое открытие Осипова: три открытия XXI в. (нефункциональное хозяйство, хозяйственная соборность, трансцендентальность вне смерти).* Схема Осипова является следующим шагом в «исторической иерархии» отечественной мировоззренческой мысли, потому что Осипов сделал три открытия. Во-первых, внутрихозяйственное пространство Осипова является аналогом как эстетического пространства, так и антропологического пространства, а это говорит об открытии Осиповым именно «нефункционального хозяйства» как возможности и необходимости строить не только обычные, материальные, функциональные здания, характерные для эпохи узкоспециальной экономики, как это было неоднократно заявлено художниками и архитекторами XX в. (так Ле Корбюзье очень не любил «нефункциональную архитектуру»), но также и пространственные ячейки: ради достижения особого, мистериального, «пространственного состояния» (Д.Л. Андреев, «Роза мира»). Во-вторых, чтобы Я в материальном теле не задохнулось без трансцендентальности, Своя дверь трансцендентальности (кантиленно) открыта всегда (именно поэтому и возможно существование Внутреннего Мы Франка!), и нет необходимости *«все время открываться»*. Зато *«все время открываться (дискретно) перед человеком»*, может только *внутриличностная* дверь трансцендентальности Любимого Другого (схема Пастернака): потому, что Я и Другой находятся в диалоге (дискретность). При этом, если речь идет именно о Любимом Другом (схема Пастернака), то этот диалог является внутренним и, более того, это — именно лирически-соборный, «мебиусный диалог» (дискретный, но с опорой на кан-

тиленность: стиль Пространственный Формализм). У Осипова же для человека, занимающегося *хозяйственной деятельностью*, «внутрихозяйственное пространство» по многим критериям является аналогом внутриличностного антропологического и эстетического пространства человека (Бахтин, Пастернак): поэтому и здесь «*все время открывается (дискретно) перед человеком*» внутриличностная дверь трансцендентальности Хозяйства как Другого (схема Пастернака) — в рамках соборного, мебиусного диалога хозяйствующего субъекта и «нефункционального хозяйства» (аналог нефункциональной архитектуры): «...хозяйственные деяния... *не только к выживанию и улучшению бытия... Хозяйство человека вовсе не так необходимо, рационально и расчетливо... игра...*» [4, 38]. Именно от этого (Федоров, «общее дело») «соборного диалога» (дискретно, но с опорой на кантиленность) нефункционального хозяйства и хозяйствующего человека («хозяйственная соборность») и появится эстетический стиль будущего: «Пространственный Формализм» как «стиль мебиусно расположенных ячеек». Поэтому Я и может использовать для перемещения в мир трансцендентальности именно дверь Любимого Другого (схема Пастернака), в роли какового и выступает хозяйство (схема Осипова), но никак не обычное природное небо (схема Бараташвили)! Таков смысл текста Осипова: «...хозяйственные деяния... *ко все время открывающемуся перед человеком, хозяйствующим и творящим, запределью... в целях выхода за человеческие пределы... отсюда смысловая трансцендентность многих человеческих деяний, их трансцендентная неотмирность...*» [4, 38]. В-третьих, у Осипова именно хозяйство, *внутри* которого и находится человек (а в рамках экономики Маркса человек от своей экономической деятельности фактически отчужден), в качестве Другого предоставляет человеку дверь трансцендентальности Любимого Другого (схема Пастернака) для перемеще-

ния Я *при жизни* (схема Осипова) в мир трансцендентальности, в небеса к Богу («трансцендентальность вне смерти»). Это говорит о необходимости «геронтологической революции» (Федоров, «оживление всех поколений») ради достижения биологического бессмертия. Американский физик Митчел Кэйку считает именно нынешнее поколение людей — важнейшим и переходным поколением. Примерно так же думает и Осипов: «От природы к неприроде, от человека к иночеловеку, от сего мира к миру иному! Сегодня мир человеческий переживает исключительный по значению мутационный момент: от хозяйства к сверххозяйству, от истории к постистории, от мира человеческого к миру нечеловеческому» [4, 41]. Все это говорит именно о том, что Осипов также наследует и мысли Федорова.

17. *Обратный вектор Федорова относительно вектора Пастернака.* Н.Ф. Федоров мечтает оживить всех умерших по «вектору материализации», который полярно противоположен «вектору идеализации» Пастернака. Вектор идеализации нужен Пастернаку, чтобы через смерть избавившись от тела, лишиться любовь земного, телесного начала (Платон). Вектор материализации нужен Федорову фактически для того, чтобы заниматься «общим делом» как булгаковским хозяйством. Осипов же (в отличие от Бахтина и Пастернака) совершенно не касается темы смерти (представленной Пастернаком как «смертельная синева») как способа погружения в трансцендентальность: «...борьба человека за жизнь и против смерти...» [4, 36].

Заключение. Итак, если рассматривать линию наследования отечественной мировоззренческой мысли именно с точки зрения *способа перехода человека в мир трансцендентальности*, то Осипов наследует мировоззренческой мысли («смертельная синева») именно Пастернака (Осипов на данного автора не ссылается, однако текстуальные совпадения есть). В подобном смысле Осипов переводит данную мысль на следующий иерархиче-

ский этап: если Бахтин и Пастернак рассматривают *переход человека в мир трансцендентальности* только идеально: эстетически и антропологически, то Осипов рассматривает также и материально («материализация Федорова»), хозяйственно. Так у Пастернака любовь в реальном мире приводит к погружению во внутреннюю трансцендентальность только после «смерти как идеализации», похожей на «рамочную эстетико-антропологическую идеализацию» Бахтина («антропологическая трансцендентальность»). А у Осипова хозяйственная деятельность человека в природе («хозяйственная трансцендентальность»), в реальном мире приводит к погружению во внутреннюю трансцендентальность именно при жизни (хозяйственный «способ погружения» в трансцендентальность).

Литература

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
3. *Гаспаров М.Л.* Подстрочник и мера точности // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
4. *Осипов Ю.М.* Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М.: МАКС ПРЕСС, 2013.
5. *Франк С.Л.* Соч. Мн.; М.: Харвест, 2000.

Осипов о русскости:

Нравится это кому-то или нет, но не от мира сего русскость, не от этого вовсе мира. И не шибко расположена она к сему миру, не очень-то он ей дорог, не слишком-то и нужен. Да, бытует, существует, даже вроде бы живёт, что-то плодит и сама плодится, но... не по-европейски и не по-азиатски, даже и не по-евразийски, а именно по-российски, то бишь... никак! Откуда же тогда, спрашивается, великие взлёты и победы — что имперо-пространственные, что техноинтеллектуальные, что культурологические, что художественно-чувственные, как и почему же тогда нелепые падения до самого низа и обидные внезапные поражения, да ладно бы от внешних больших сил — могучих голиафов, а то ведь по большей части от совершенно худосочных, разве лишь очень уж хитроумных давидов? Отчего такая непрерывная дискретность, неустрашимая импульсивность, беспричинная порывистость, при этом непременно сопровождающиеся сонным застоём, твердокаменной неповоротливостью, статуарной безжизненностью? От спада к падению, от смуты к мути, от провала к валу, но с выскакивающими откуда-то вырывами, подъёмами, взятиями. И всё неожиданно, внезапно, ни с того, ни с сего! Заполнившие всё вокруг безобразные рожи и мерзкие рыла вдруг сменяются пристойными лицами и светлыми ликами, страна преобразается, превращаясь из падшей, валяющейся, злобной, отвратной во вставшую, бодрствующую, действенную, благотворную. Что за историческое течение такое? Или это вовсе никакое не течение, а лишь чередование выплесков истории, её бурных

струи с застывшими в мимоисторическом бдении омутовскими половодьями, причём не так собственно исторический процесс, как какой-то вопреки исторический, ведь такой тоже бывает, как раз именно в России и с Россией? Если в Азии история стоит, молчит, сопит, упорно накапливаясь в безмерной азиатской кладовой, а в Европе с Америкой неистово бежит, ревя, икая и искрясь, то в России.. э-э... в России, она... идёт, криво и неуверенно, загибаясь и пятясь, в разные стороны пошатываясь, но что важно — параллельно: что недвижной традиционной Азии, что подвижной обновленческой ЕвроАмерике. Тут вершится какая-то параллельная история, не совсем при этом и земная, не совсем даже тутошняя, а потому и не совсем история, как и не совсем и параллельная, может, попросту... э-э... перпендикулярная!»

Н.А. ШАТТИРО

Пространство когнитивных альтернатив

Аннотация. О философии хозяйства русского мыслителя Ю.М. Осипова. Его роль в современной науке.

Ключевые слова: философия хозяйства, Ю.М. Осипов, российская интеллектуальная среда.

Abstract. The article presents philosophy of economy of the Russian thinker Yu.M. Osipov and his role in modern science.

Key words: philosophy of economy, Yu.M. Osipov, Russian intellectual environment.

Пространство когнитивных альтернатив, которым щедро одарил Ю.М. Осипов своих коллег, включает философию, политологию, социологию, историю, экономическую теорию и историю, естествознание, литературоведение, фокус которого в философии хозяйства.

Юрий Михайлович не раз рассказывал, как он пришел к философии хозяйства. Нам это, безусловно, интересно, но совершенно не важно, как это сделал он, важно, что он это сделал и дал возможность всем воспользоваться его обретением, защищая созданное им пространство философии хозяйства от политических невзгод, гонений и критики. Современная философия хозяйства реализуется в философских обобщениях национального развития России — «имперскости», «перестроении», «антикризисе», а также осмыслении отечественной экономики в контексте общих тенденций глобального развития — «финансизме», «неодирижизме» и проч.

С. Булгаков отмечал, что вариантов решения каждой из известных и будущих проблем может быть сколь угодно много. Все зависит от некоей внутренней интуиции философа, создающего философскую систему, от особого качества мироощущения. Он признавал, что и системы философии хозяйства могут правомерно различаться, если различаются исходные их аксиомы, и что возможность неистребимых разногласий заложена в теоретических средствах познания: «... единство мыслей достигается только жизненным единением. И потому для меня ясно, что наряду с данной философией хозяйства может быть построена совершенно иная» [1, 327].

Как пишет Ю.М. Осипов, «философия не там, где ясно, а там, где неясно» [4, 107]. Философия устремляется туда, где не ясно! В период межвременья и переосмысления правил жизни дискурс о неясном помогает разбираться хотя бы самому себе в происходящем и прислушаться к другим, узнать другие интеллектуальные дерзания. Это категорически важно для миропонимания, прогнозов и результатов.

В России смутное время длится долго — как в социальном, так и в физическом смысле (примерно на два облачно-пасмурных дня приходится один ясный). Ясных дней значительно меньше дней неясных.

Потребность в людях, которые способны дать своей каждодневной жизнью возможность другим видеть, мыслить, анализировать и интеллектуально выживать при пасмурных днях, ошутима всегда. Их всегда не хватает. Невозможно представить сегодня современную жизнь без электричества — без него нет всего, что мы воспринимаем как естественно данное, связанное с комфортом современной жизни.

Футурологи полагают, что век Света последует за Информационным веком. «На заре Века Света предстоит изменить

модель века Информационного; для этого необходим глобальный подход ко всей человеческой семье, ныне связанной технологически. Землю следует вновь осознать как живую планету, основанную на самоорганизующихся моделях наук о жизни» [3, 462—463].

Каким-то неведомым образом мы все оказались современниками, коллегами, товарищами Ю.М. Осипова! Как здорово, что он есть и мы есть с ним! Современная интеллектуальная среда в России не состоялась бы такой, какая она есть, без желания и труда Ю.М. Осипова по ее созданию! Юрий Михайлович Осипов — русский мыслитель [2, 7], понятный и непонятный одновременно, но он, безусловно, мыслит будущим! В пространстве когнитивных альтернатив Ю.М. Осипова, как в ячейках сот, накапливается свет, который в определенный момент должен разрушить перегородки и слиться в один мощный поток мысли,двигающийся в логике философии хозяйства!

Б. Окуджава как будто о нем написал «Исторический роман». Прочтем хотя бы отрывок!

Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить

Так природа захотела —
Почему — не наше дело,
Для чего — не нам судить...

Вымысел — не есть обман,
Замысел — еще не точка.
Дайте дописать роман
До последнего листочка...

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
2. *Гачев Г.Д.* Русский мыслитель Юрий Михайлович Осипов // Философ хозяйства (к 65-летию Ю.М. Осипова) / Под ред. Е.С. Зотовой. М.; Екатеринбург: Изд-во УрТИСИ ГОУ ВПО «СибГУТИ», 2006.
3. *Гендерсон Г.* Парадигмы прогресса // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
4. *Осипов Ю.М.* Философские откровения // Философия хозяйства. 2014. № 1 (91).

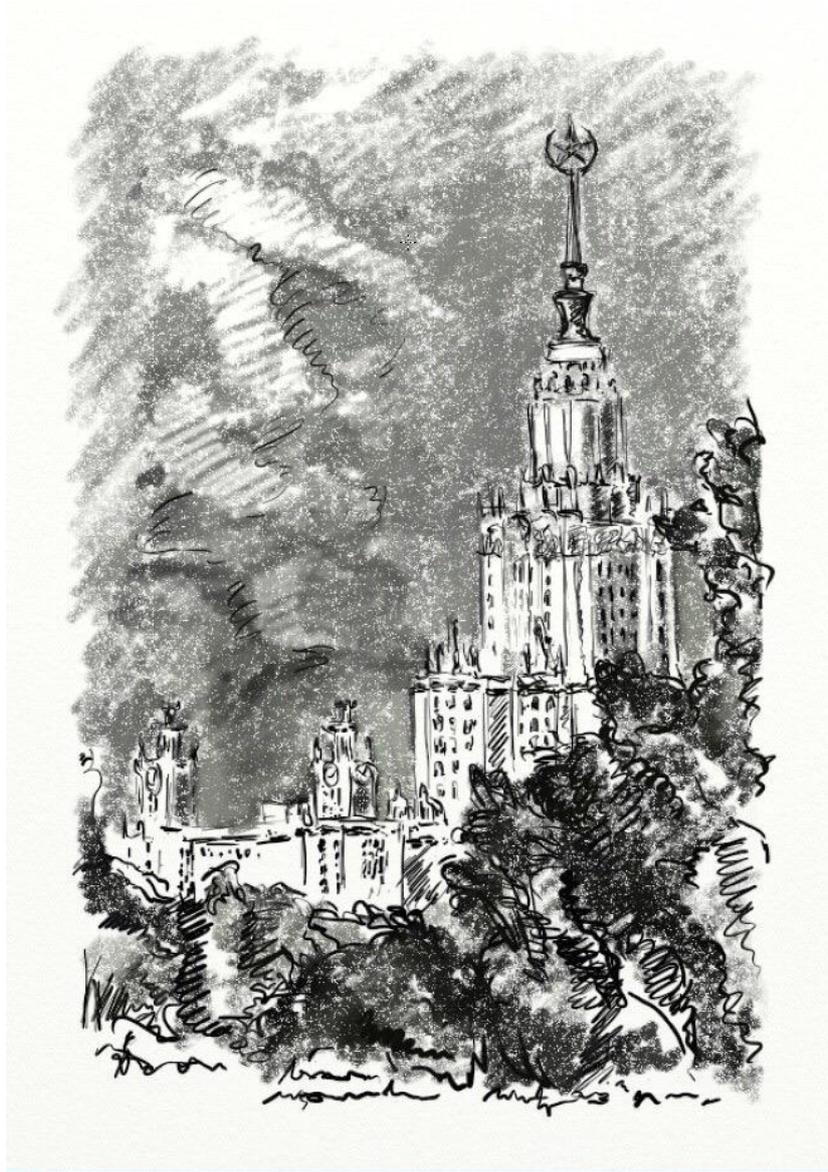
Осипов:

Памятник

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа».

А.С. Пушкин

*Я памятник себе воздвиг из мысли тварный,
К нему не пролежит широкая тропа,
Он не для всех — лишь для избранных,
Кого волнует мудрости дрожащая струна.
Я зрю — придёт ещё на Землю гений,
Которого заденет скрытый в текстах смысл,
И он, почуяв фальшь привычных песнопений,
Постигнет розность правды и молвы.
И в тот же миг его черёд настанет —
Услышать вербий тайный перезвон,
Понять, зачем теснят его печали
И как не нужен миру стрёкот вещей слов.
Познает он реалий грозное боренье
И храм любви узрит в дали глухой,
Он не уступит подлomu забвенью
И предков славный стяг удержит над собой.
И вот тогда — среди brutальных градов,
Под сводом ускользающих небес,
Едва разверстыми от тяжких дум устами
Он имя вслух моё произнесёт!*

Авторы

Архипов Алексей Юрьевич,

доктор экономических наук, профессор, директор, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета (Россия, Ростов-на-Дону) (arkhipov@sfedu.ru)

Гиренок Федор Иванович,

доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (girenok@list.ru).

Гриценко Андрей Андреевич,

член-корреспондент НАН Украины, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киев, Украина (agrytsenko@ief.org.ua).

Гузев Михаил Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, научный руководитель Волгоградского представительства Центра общественных наук (guzev@vgi.volsu.ru).

Драшкович Веселин,

кандидат экономических наук, морской факультет, Котор, Университет Черногории, Подгорица, Черногория (vesodraskovic@gmail.com).

Королёв Владимир Константинович,

доктор философских наук, профессор, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (vkorolev@sfedu.ru).

Кузнецов Алексей Владимирович,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, кафедра мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (kuznetsov0572@mail.ru).

Кульков Виктор Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvnmk@mail.ru*).

Кутырёв Владимир Александрович,

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

Мойсейчик Галина Ивановна,

кандидат экономических наук, главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь, г. Минск, Белоруссия (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

Погребняк Александр Анатольевич,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социальной философии и философии истории, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*aapogrebnyak@gmail.com*).

Пороховский Анатолий Александрович,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономики, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*anapor@mail.ru*).

Рудяк Ирина Изяславовна,

соискатель степени к.ф.н., философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tigeropera@yandex.ru*).

Румянцев Михаил Алексеевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*churila@yandex.ru*).

Тутов Леонид Арнольдович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и философии экономики, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tutov@econ.msu.ru*).

Фомина Марина Ринальдовна,

доктор философских наук, доцент, профессор, Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия (*fomina.marina@mail.ru*).

Хубиев Кайсын Азретович,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*khubiev48@mail.ru*).

Чекмарев Василий Владимирович,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, Кострома, Россия (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

Шапиро Наталья Александровна,

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и экономической политики, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия (*v-shapiro@mail.r*).

Шулевский Николай Борисович,

доктор философских наук, профессор, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

Содержание

Предисловие (<i>А.А. Аузан</i>).....	3
<i>А.А. Пороховский</i>	
Быть в строю, идти по-своему	5
<i>А.А. Грищенко</i>	
Человек-философия.....	9
<i>В.К. Королев</i>	
Persona grata: вольность мысли аристократа!	15
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Волхвы возвращаются.....	25
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Отклик на поэму «Блики и срезы».....	63
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Признательное заявление.....	67
<i>В. Драшкович</i>	
Великий создатель.....	74
<i>В.М. Кульков</i>	
Неортодоксальный взгляд на экономическую жизнь	80
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Архитекторам русской максимы.....	90
<i>К.А. Хубиев</i>	
Научное явление	95
<i>Л.А. Тутов</i>	
Современная школа философии хозяйства: роль лидера.....	101

<i>М.Р. Фомина</i>	
Вселенная Ю.М. Осипова	110
<i>М.А. Румянцев</i>	
Антропология хозяйства в «Обретении» Ю.М. Осипова (опыт понимания)	119
<i>А.А. Погребняк</i>	
Слушать метафизику	130
<i>М.М. Гузев</i>	
Что это, Юрий Михайлович Осипов?	138
<i>А.Ю. Архипов</i>	
Подвижник Великой России.....	148
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Софит Софии.....	151
<i>В.В. Чекмарев</i>	
Эволюция и диссолюция философии хозяйства.....	163
<i>В.В. Кашицын</i>	
Метаморфозы познания и его отражения в фокусе размышлений 9 сентября 2016 г.	177
<i>И.И. Рудяк</i>	
Смертельная синева: философское наследие и перспективы Осипова в сравнении	183
<i>Н.А. Шапиро</i>	
Пространство когнитивных альтернатив	200

Contens

Preface (<i>A.A. Auzan</i>).....	3
<i>A.A. Porokhovsky</i>	
To Be in a System, to Go in Own Way	5
<i>A.A. Grytsenko</i>	
The Human-Phylosophy	9
<i>K.K. Korolyov</i>	
Persona Grata: Aristocrat's Free Thought	15
<i>N.B. Shulevski</i>	
Magicians Come Back.....	25
<i>F.I. Girenok</i>	
The Responce on a Poem «Glares and Shears».....	63
<i>V.A. Kutryyov</i>	
The Greatful Statement.....	67
<i>V. Drashkovich</i>	
The Great Creator	74
<i>V.M. Kulkov</i>	
Heterodox View on the Economic Life	80
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
To the Architects of the Russian Maxim	90
<i>K.A. Khubiev</i>	
The Scientific Phenomenon.....	95
<i>L.A. Tutov</i>	
The Modern School of Philosophy of the Economy: the Role of the Leader.....	101

<i>M.R. Fomina</i>	
Y.M. Osipov's Universe.....	110
<i>M.A. Rummyantsev</i>	
Anthropology of Economy in «The Obtainment» by Yu.M. Osipov (The Experience of Understanding).....	119
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
To Listen to Metaphysics.....	130
<i>M.M. Guzev</i>	
What is Yury Mikhailovich Osipov?	138
<i>A.Yu. Arkhipov</i>	
Great Russia's Devotee.....	148
<i>G.I. Moyseychik</i>	
Soffit of Sophia.....	151
<i>V.V. Chekmaryov</i>	
Evolution, the Dissolution of Philosophy and Economy	163
<i>V.V. Kashitsin</i>	
The Metamorphosis of Learning and it's Reflections in the Spotlight of Thinking at September 9, 2016	177
<i>I.I. Rudyak</i>	
The Deadly Blue: Phylosophical Legacy and Prospects of Osipov Compared.....	183
<i>N.A. Shapiro</i>	
Space of Cognitive Alternatives	200

Научное издание

**Отражения
(к юбилею Ю.М. Осипова)**

Под редакцией Е.С. Зотовой

Подписано в печать 26.07.2016

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 13,3. Тираж 150 экз. Зак. №

Издательство «ТЕИС»

115407, Москва, Судостроительная ул., 59

Тел. (495) 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6